

Татьяна Березняк

«БРИГАНТИНА»

юности моей

Татьяна Березняк

«БРИГАНТИНА» юности моей

Кропивницький
«Имэкс-ЛТД»
2017

ББК 80/84
УДК 82-821

Б 48 **Березняк Т. Г.**

«Бригантина» юности моей : альманах / Т.Г. Березняк. —
Кропивницкий : ООО «Имэкс-ЛТД», 2017. — 420 с.

ISBN 978-966-189-445-6

*За моральную и финансовую поддержку
в издании книги автор благодарит друзей:*
Афанасьеву Л.И., Баранову Е.Е., Березняк Е.Г., Борщ Н.Н., Босько В.Н.,
Задорожную Т.В., Ланкмиллер Т.В., Лесняк Е.Е., Макарову Т.П.,
Радионову Л.В., Ситника С.Г., Стеч А.В., Табалова А.А.,
Тарковскую М.А., Хаменушко О.И., Хроненко Л.Ф., Хосяинову Л.М.,
Яковенко В.И., Ямковую Т.В., Яровую Т.Г.;
в т.ч. членов «Бригантины»: Адамчик В.Г., Бондаренко В.Н.,
Волынского Н.Г., Картузову В.В., Насонову Г.М., Невинскую В.Ф.,
Пароконьеву А.К. и Ярошевскую С.В.

*Эта книга — альманах произведений поэтов
«Бригантины», литературного клуба, действующего в
1960-х гг. при Кировоградской юношеской библиотеке
имени Т.Г. Шевченко. В книге представлено творчество
27 членов «Бригантины», прослежен жизненный путь мно-
гих участников этого клуба.*

*Альманах дополнен главой «Воспоминания», проиллю-
стрирован фотоматериалами того времени.*

*Для любителей поэзии, историков литературы, крае-
ведов, широкого круга читателей.*

ББК 80/84
УДК 82-821

ISBN 978-966-189-445-6

© Татьяна Березняк, 2017
© Дизайн, верстка ООО «Имэкс-ЛТД», 2017

Возвращение «Бригантины»

*Мир, наверно, не стал бы лучше,
Если б не было в мире нас.*

Александр Ивакин

А всё началось с альбома. С простого альбома для рисования. 55 копеек. 70 страниц. Порыжевшие от времени листы стянуты жёлтой тесьмой. На коричневой картонной обложке — золотом: А Л Ь Б О М. Такой неказистый, истрёпанный, но открывая его, попадаешь в Зазеркалье — в сказку под названием **ЮНОСТЬ**. На всю первую страницу — фото одного из первых заседаний литературного клуба, созданного при Кировоградской юношеской библиотеке им. Тараса Шевченко. Инициаторами его создания были библиотекари — Драгунская Мария Фёдоровна, заведующая библиотекой, и Зимогорова Инна Викторовна. Для ведения клуба из областного ЛИТО пригласили молодых поэтов — Валерия Гончаренко и Вадима Гребенюка. Так, на равных, они и руководили студией, которая вначале называлась просто — Клуб поэзии. Он был учреждён 1-го декабря 1962 года. Эта же дата — крупно — вместо подписи под фотографией: **1962**.

1962 год... Хрущёвская «оттепель» (1956–1964), шире — 60-е ... благословенное время, в котором моему поколению удалось жить. После ледникового периода сталинской эпохи наступило весеннее потепление (пусть временное!), принесшее стране надежды и перемены. Перемены в общественной и культурной жизни, вызвавшие необыкновенный расцвет литературы, прежде всего — поэзии. В стране царил дух не-

виданных до этого демократических свобод, таких, как свобода слова и свобода собраний. Вот и стали, как грибы после дождя, образовываться неформальные объединения, вроде тех же клубов по интересам и прочих безопасных для власти организаций. Не исключением был и Кировоград, и создание нашего Клуба поэзии — тому примером.

Клуб просуществовал 5 лет (1963-1967), идеально вписавшись в понятие «оттепель», которая фактически закончилась не с отставкой Никиты Хрущёва, а — по меткому определению Евгения Евтушенко — окончательно «погибла под гусеницами советских танков в Праге» (август, 1968). Наступило время брежневского «застоя», и подобный подъём советский народ испытает уже только в годы горбачёвской перестройки.

Я счастлива, что мы жили и формировались, как личности и как поэты, именно в 60-е годы. Наши литературные вкусы складывались под влиянием наших кумиров, знаковых поэтов того времени — Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, а также новых литературных журналов, начавших выпускаться в СССР, — «Юности», «Нового мира», «Иностранной литературы». Мы пели песни Булата Окуджавы, смотрели фильмы Марлена Хуциева, а мягкие голубые диски «Кругозора» приобщали нас к зарубежной эстраде. «Эвридика, Эвридика!» — нёсся из полуподвала голос Анны Герман.

Именно в полуподвале уголовного дома по Карла Маркса, 20 и находилась юношеская библиотека (вход — со двора, с улицы Гагарина). Теперь здесь располагается аптека и библиографический коллектор.

В крохотном читальном зале, со стен которого на нас строго смотрели Владимир Ленин и Тарас Шевченко, и проходили наши встречи-собрания-заседания. Собирались

по воскресеньям дважды в месяц. Вначале наши собрания не имели характер литературной студии — просто мы делились прошедшим и прочитанным за неделю. Это позже будут занятия по поэтическому мастерству, выступления на TV, в библиотеках, школах и на заводах, литературно-музыкальные вечера. Воспоминание о выступлении в новом кафе «Юность» (октябрь, 1964) перекликается у меня со стихотворением Татьяны Белозерской:

Дом на углу дышит светом и музыкой,
В дом этот молодость входит парами.
Входят влюблённые, и входят дружески
Просто девчата, просто с парнями.

По мне, так самым ярким событием в жизни клуба была наша поездка в Канев (июнь, 1963). Музею Шевченко мы подарили альбом своих стихов. Об этом забытом факте напомнила мне публикация в «Прапорі юності» и чудом сохранившийся черновик моего школьного сочинения «Как я провёл лето» (на английском языке). Сколько таких безымянных клубов дарили Кобзарю свои стихи!

Только в начале 1965 года у Клуба поэзии появилось название — «Бригантина». Да, именно в честь одноименной песни на слова Павла Когана, написанной ещё до войны (1937), перенесшей в 60-е своё второе рождение и в редакции Юрия Визбора ставшей гимном романтиков нашей юности:

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

«Бригантин» (особенно клубов бардовской песни) расплодилось столь много, что оно стало штампом. Валерий

Гончаренко даже возражал против такого названия клуба, предложенного Гребенюком, но оно прижилось, внося в нашу жизнь морскую тематику. У нас появились кубрик и капитанский мостик, капитаны и боцман с юнгой. Но не только морской тематикой переболели «бригантиновцы» и писали не только о любви, волновавшей юные сердца. Гончаренко признавался в любви к Украине:

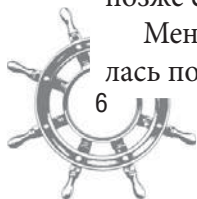
Бути променем, чи краплиною,
Лиш світитися Україною,

Зоя Грицаенко восславляла Кировоградщину:

Який прекрасний рідний край!
Які чудові наші люди!

Тему труда воспевали Таня Белозерская («Я тоже сею»), и сам Гончаренко много писал о людях труда, прославляя и свою профессию («Будова — моя держава, / Я — президент цеглин»). В наших стихах клеймилось мещанство, подлость и равнодушие. Мы были детьми послевоенного времени, и тема прошедшей войны для многих была определяющей. Нам выпало счастье жить в эпоху покорения космоса, и это не могло не отразиться в стихах («Колумбы космоса» Грицаенко). Нашим героем был Фидель Кастро, а Куба — всеобщей любовью, поэтому даже карибский кризис автоматически попадал в стихи. Вадим Гребенюк и Коля Волынский заражали нас романтикой гор, Лида Гребенюк — национальным колоритом своих рассказов. Валера Картузов осмелился писать пародии на «великих», мы писали пародии друг на друга. И никто не обижался. Главное, всем было безумно интересно друг с другом. В основном мы были школьниками, позже ставшие студентами. «Средний возраст — 17 лет!»

Меня состав экипажа и капитанов, «Бригантина» мчалась по волнам времени. Заглянув в главу «Воспоминания»,

читатель этого альманаха узнает о буднях и праздниках нашего парусника, о том, как мы умели дружить и веселиться. И это было незабываемо! Через 50 лет в своей автобиографии «Мне повезло» я напишу:

«Бригантина» — моя первая юношеская литстудия, так отчего же она так много значит в моей жизни? Она — мой первый парусник в океане любви и поэзии. Первый бал Наташи Ростовской — выход в свет!».

Прекратив своё существование, наш клуб всё же выполнил свои задачи, стоящие перед любой литстудией (от организации досуга молодёжи до литературной учёбы), и даже такие отдалённые, как подготовка молодых кадров для отечественной литературы. Из «Бригантины» вышли известные поэты (Валерий Гончаренко, Юрий Каминский) и знаменитые прозаики (Николай Волынский, мастер исторического детектива и триллера), а Людмила Сараскина — всемирно известный литературовед, специалист по русской литературе XIX и XX веков. Многие члены клуба посвятили себя журналистике (Владимир Бондаренко, Николай Волынский, Лидия Гребенюк, Виктория Невинская, Анатолий Саржевский). Некоторые члены «Бригантины», профессионально не связанные с литературой, продолжали писать и уже в XXI веке издали свои поэтические сборники (Татьяна Березняк, Светлана Ярошевская). Незабвенная Ляля Ланская связала себя с театром, став известным режиссером-организатором. Анатолий Баранов, изначально цирковой артист, достиг звания академика РАЕН. Многие из нас нашли своё призвание в науке: Анатолий Шендрик (доктор наук, профессор, один из родоначальников социологии культуры в СССР), Татьяна Белозерская (физ-химик); На службе у царицы наук Математики — Валерий Картузов, Алла Баранова и Виталий Лазеев. Некоторые из нас преуспели не только в

родном языке, став крупными переводчиками: Александр Коток, Владимир Бондаренко (публикации на испанском в Латинской Америке).

Я спрашиваю себя, отчего «Бригантине» был отведен такой короткий пятилетний срок? Или парусник сел на мель? Нет, просто окончилась юность, и наши жизненные пути разошлись. По всему постсоветскому пространству и дальнему зарубежью разбросало нас время. (Гениальное цветавское «Рас-стояние: вёрсты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили» — это и о нас). Объединить всех через полвека призван этот альманах (калейдоскоп друзей), созданный благодаря старому альбому, бережно хранимому в нашем литературно-мемориальном музее Карпенко-Карого. (Екатерина Лесняк, Лариса Хосяинова — спасибо вам!). Именно он вдохновил меня на поиск друзей юности и материалов для этой книги.

Оказалось, азарт поиска и радость находок настолько «сладок и приятен», что, кажется: это время было самым интересным в моей жизни! В поиске мне помогало не только везение, не только интернет, но и многочисленные друзья, в т.ч. из Германии, Израиля, России и Канады, а также сотрудники музея Карпенко-Карого и библиотеки им. Чижевского (отдел краеведения). Какое счастье было найти в Интернете очередного члена «Бригантины» — и оно было взаимно! В благодарность за «возврат в далёкую юность» я купалась в лучах признательности, а мой проект (альманах) неизменно получал одобрение и поддержку. Даже корявый неологизм «бригантиновец» за эти годы прошёл проверку временем (согласитесь, «клубовец» — слишком манерно).

Задуманная пять лет назад, книга выходит в год 55-летия «Бригантины», в год 75-летнего юбилея её юного капитана

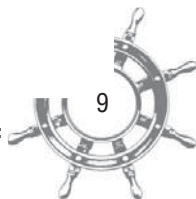

Валерия Гончаренко и в память о тех из нас, которых уже нет с нами. Им — этот «нерукотворный памятник».

Какое счастье, что не только «рукописи не горят»! Проверено — не горят также письма и старые альбомы. Ностальгия по прошлому, превратив альбомные листы в паруса «Бригантины», погнала её по волнам памяти.

И корабль поплыл!.. Вот уже он пришвартовывается к нашему берегу!

На палубе матросы. Вы слышите их молодые голоса?

БРИГАНТИНА

Слова: Павел Коган

Музыка: Георгий Ленский

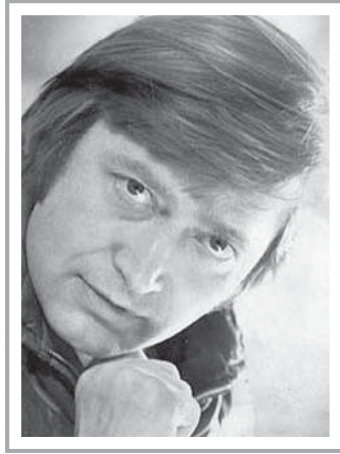
Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас.
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грóшевый уют.
Вьётся по ветру «Весёлый Роджер»,
Люди Флинта песенку поют.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза —
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...

**ГОНЧАРЕНКО ВАЛЕРІЙ ВАСИЛЬОВИЧ —
поет, публіцист, журналіст,
капітан «Бригантини»**

Народився 23 квітня 1942 р. у с. Велика Вільхова Лисичанського району Ворошиловградської області в родині військовослужбовця. З 1944 р. мешкав у Кіровограді. Вчився в Кіровоградській СШ №5, вечірній школі робітничої молоді.

Літературною діяльністю почав займатися у восьмому класі.

Перші вірші були надруковані в газеті «Молодий комунар» у 1960 р.

Працював на будівництві каменярем, муляром (1959-1963). Закінчив філологічний факультет Кіровоградського державного педагогічного інституту імені О. С. Пушкіна (1967).

Працював кореспондентом Кіровоградського телерадіокомітету; методистом Черкаського обласного Будинку народної творчості; в редакціях газет «Молодий комунар», «Кіровоградська правда», «Вечірня газета», «Народне слово» (Кіровоград), «Ленінське плем'я» (Миколаїв).

Твори В. Гончаренка друкувалися в журналах «Дніпро», «Ранок»; у газетах «Літературна Україна», «Молодь України», «Робітничка газета», «Кіровоградська правда», «Молодий комунар», «Народне слово», «Вечірня газета» та ін.

Фундатор та керівник міських молодіжних літстудій 1960-х років «Бригантіна» та «Сівач».

Автор поетичних збірок «Червоний Волосожар» (1967), «Кроки» (1974), «Дума про отчу землю» (1984), «Шлях до джерела» (1986), «Нарозі полудня» (1991), «Парад химер» (2000), «Кажу ось: temento moги» (2001); книжки-розмальовки для дітей «Цар Сонько і кіт Санько» (1999).

Окремі твори увійшли до колективних збірок, альманахів, антологій, хрестоматій: «Наука і культура» (1968), «Прославлені у віках» (1969), «Мы — молодые» (1971), «Молодая гвардия» в поезии» (1971), «Високий обрій» (1974), «Вічний вогонь» (1975), «Комсомоле, доле моя» (1979), «Поезія — 89», «Березневий гомін» (1994), «На грани катастрофи. Из украинской поэзии XX века» (2002), «Боковенька — 2002», «П'яте колесо» (гумор, 2002); «20 x 20. Письменники сучасної Кіровоградщини» (2004), «Шевченкіана степова» (2005), «Золоте поле» (2009), «Блакитні вежі» (2011).

Вірші В. Гончаренка перекладено російською, казахською, азербайджанською, осетинською, болгарською мовами.

Композитори Кіровоградщини П. Бровченко, О. Решетов, О. Смолянський, А. Фоменко писали музику на вірші В. Гончаренка.

Лауреат обласної комсомольської премії імені Юрія Яновського за поему «Вітрило обрію» (1978).

Член Спілки письменників СРСР (1984).

Помер 9 червня 2000 р. в Кіровограді. Похований на Далекохідному кладовищі (почесні ряди).

Обласною організацією НСПУ та ПВЦ «Мавік» у 2000 р. започатковано обласний літературний конкурс імені Валерія Гончаренка для молодих авторів.

«Валерію Гончаренку судилася місія і слава поетичного лідера Кіровоградщини 60-90 років минулого сторіччя. Із всіх кіровоградських поетів він є таки найбільш кіровоградським. Хоча це, звісно, не основна ознака лідерства.

Він був відвертим, епатажним, трубадурним, метафоричним, естрадним, скандальним, некерований, богемний... Якщо до цих епітетів додати ще талант і вдачу, то ось це і будуть складові його успіху.

Успів за життя видати 7 книжок. Він видав першу книгу в рік закінчення педіна, можна сказати, іще студентом, — унікальне явище для 60-х.

...Відрешетуймо полову від зерна, і він постане могутнім і цілісним, ліричним і інвективним, дотепним і ніжним. Поетом талановитим і своєрідним, ім'я якому — Валерій Гончаренко».

Василь Бондарь

«Він залюбки пише про звичайні речі... але й звичайне, буденне набуває під його пером яскравого поетичного ореолу. У цьому одна з ознак справжнього художнього обдарування».

Петро Маргаєнко

«Мова його експресивна, виразна, густо насичена образами. Щоправда, іноді поет аж надто пересичує свою палітру, і тоді його поезія справляє враження банальних іграшок на новорічній ялинці».

Володимир Базилевський

«Мне кажется, что он по-прежнему живёт в городе моего детства и юности, что он никогда не уходил из него и будет жить в нём вечно таким, каким я знала его: молодым, талантливым, беспечным, иногда застенчивым, иногда иронично-насмешливым, упрямым, с хорошим чувством юмора, трепетно-нежным, с чуткой и ранимой душой, тянущейся к людям; щедро делившимся своим талантом, пытающимся дотянуться строкой до человеческой совести, преклоняющимся только перед красотой и литературными гениями, беззаветно влюблённым в Украину».

Ольга Хаменушко

Вірші 1960-х років
(збірка «Червоний Волосожар»)

* * *

Бути променем чи краплиною,
Лиш світитися Україною.
Бути вітром, затятим вітром,
Спів про неї нести по світу.
Україно, удень і нічю
Наді мною твоя любов
І твоє степове обличчя
Із бровами густих дібров.
Що мої перемрії варті
Перед шелестом верб гнучких?
Буду просто стоять на варті
Неповторних пісень твоїх.
Весняне білокриле небо,
Вечорів твоїх зореліт.
Грають райдугою про тебе
Молодих моїх двадцять літ.
Україно: гаї і доли,
І що мені треба мати?
Ти — моя найсвітліша доля,
Ти — моя найрідніша мати.
Коли славлять гучною ранністю
І людей, і їх труд мотори,—
Я стелюсь голубою радістю
По рахманних твоїх просторах.
Мимо парків осінньосонних,
Крізь пожовклого листя сум,
Як великий пахучий сонях,
В грудях серце твоє несучу.

ПРЕЗИДЕНТ ЦЕГЛИН

Живу в ореолі слави,
В крилатому шумі днин.
Будова — моя держава,
А я — президент цеглин.

Команди даю я кранам,
Неначе гігантським роботам.
І кран мені кожен ранок
Махає привітно хоботом.

Рівняю життя правилкою
Я — мирної долі син.
Розписуюся розшивкою
На кладці червоних стін.

Співаючим президентом
Іду по хитких лісах.
Мій прапор тугим брезентом
Полощеться на вітрах.

Державні у мене справи.
Не трачу дарма хвилин.
Будова — моя держава,
А я — президент цеглин.

БОРЩ

Череп'яний стодзвін тарілок,
Ллється ложок сталевий дощ.
Добре діло, хороше діло —
Український гарячий борщ.
Пахне борщ цей осіннім степом.
Щось таке в ньому справді є,
Що від нього стає нам тепло,
Навіть весело всім стає.
Ми їмо його, не смакуючи.
Ми їмо його, в ложку дуючи.
І хрумтить на зубах капуста
Молодим апетитним хрустом.
Борщ, як золото, грає в мисці.
Ми такого не їли в місті
Ні в студентських своїх їдальнях,
Ні в закусточних привокзальних.
Куховарка ж воркує мило:
«Їжте, дітки, побільше...» Що ж,
Добре діло, хороше діло —
Український гарячий борщ.

* * *

Знов обіймає мене сад
Зеленими руками.
Кіровоград, Кіровоград,
Розбуджений гудками.

Спішу з юрбою в інститут,
Моргаю хитро кленам.
А шпак мелодію просту
Насвистує натхненно.

О шпаче! Ти співаєть мастак.
Радієш разом з нами,
Я теж сьогодні, наче шпак
На гілочці весняній...

Сьогодні райдужним вогнем
Займа дрібниця душу.
Адже і сонце весняне
Купається в калюжі.

ЗИМОВИЙ ЕТЮД

Гула над об'єктом хуга.
І сонце холодне, збурене,
Мов дивна якась центрифуга,
Крутилося в сніжній куряві.
Пашіли з морозу лиця
В сріблястім густім тумані.
Промерзлі наскрізь рукавиці
Ламались, як дерев'яні.
Шуміли, немов пропелери,
Над нами тугі плакати.
Скрипіли в руках контейнери
Як рицарські давні лати.
Ми грілися жартом, сміхом,
Носили мішки охоче.
І цемент разом із снігом
Безжально в'їдавсь у очі.
А потім у нашім бараці,
Де кригою вкрилось вікно,
Пили ми окріп після праці
І грали у доміно.

ВЧИТЕЛЬКА

Я учительку, добру вчительку,
Не любив за казенні звичаї.
І нерідко своїми вчинками
Я доводив її до відчаю.
Стане сива вона, захмарена,
В мене втупиться окулярами.
Потім тихо так, не відразу,
Скрипне голосом, як пером:
«Я прошу тебе, вийди з класу...»
Друзі нишкли нараз кругом.
Я наївно кривив гримаси,
Підіймаючи сміх, мов куряву.
«До побачення!» — кидав «басом»
Педагогу своєму хмурому...
Як минулося все, як жаль мені
Ті літа, що кривлянням вжалені.
Що ж, скінчилась дитинства дія,
Зріла юність іде сама.
Як би вибачитись хотів я,
Але вчительки... вже нема.
Вже немає її на світі,
Є про неї лише пісні.
Є могила проста, де квіти,
Мої квіти, лежать сумні.

МОВЧАННЯ

Затихло все на оболоні.
Від рос обтяжилась трава.
І тишу брав я на долоні,
Як непромовлені слова.

Палали кетяги калини,
Де між високих берегів
Своїх очей зірниці сині
Колись хлоп'ям я загубив.
Над шляхом дивним, тополиним
Курився цвіт, як срібний дим.
Степи шафранні України
Цвіли на прапорі моїм.
І серця райдужну криницю
Обсіли білі голуби,
Їм пить одвічно — не напиться.
Мені любить — не розлюбить.
З-за обрію пливло світання,
В очах ярілося воно.
І горде зоряне мовчання
Мене хмелило, як вино.
В тому мовчанні — долі гомін.
В тому мовчанні весь я жив.
І тиша та була вагоміш,
Можливо, всіх вагомих слів.

* * *

Пролетять студентські неспокійні дні.
Ти мене згадаєш? Ну, звичайно, ні.
Твої чорні очі, темні хвилі брів,
По яких веслує мій несмілий спів.
Березневі ранки марять про гаї,
І проміння-спиці в'яжуть сні мої.
Сни про тебе рідну і чужу таку,
Сни про тебе дальню і таку близьку.

Сніг, як цвіт, літає, опада, як цвіт.
Сонце скаче білкою із блакитних віт.
Та затихнуть болі і нервовість рук.
Буде сніг, як попід, кружелять навкруг.
Буде сміх байдужий, будуть звичні дні.
Тільки ти ніколи не збагнеш це, ні...

ОБІД ТРАКТОРИСТІВ

На сухім спориші розправлена
Скатертина в півнях червоних.
Ми берем, наче сонце розплавлене,
Миски з супом в свої долоні.
Хлопці студять серйозно, ніби
Творють справу якусь чудовну.
І засмаглу скорину хліба
Підставляють під ложку повну.
Сонце скибкою кавуною —
У волотті густих хмарин.
Трактористи кусні дожовують
І змітають крихти з колін.
Потім ремствують на погоду
І ладнаються в дальню путь,
На прощання джерельну воду
Із цеберки старої п'ють.
Поспішають вони стежками,
Натягнувши цупкі кашкети,
І обвітреними губами
Міцно стискають сигарети.

* * *

Сховався у травах вітер,
Затих на крутім обніжку.
І білі хати, як діти,
У піжмурки грались нишком.
А десь за старими греблями
Дзвінкий мотоцикл пробіг.
І місяць сурмив над вербами
В рожевий блискучий ріг.
Ішли по стежинах кручених
Комбайнери після праці вже,
Пружини русявих кучерів
Мнучи шкарубкими пальцями.
І пахли комбінезони
Бензином і солідолом,
А чорні важкі долоні —
Зерном і гарячим полем.

* * *

Твоя хустка в гарячих маках,
На тих маках сніжини тануть.
І реклами горять, як марки
На конвертах будинків дальніх.
Так відверто і так щасливо
Мені світиться профіль твій
І жар-птиці очей лякливих,
Що сховались за грати вій.
Що для справжнього щастя треба?
Рідних рук голубе тепло,
Яке може зігріти небо,
Щоб над нами воно цвіло.

Є у щасті іскрини сміху,
Непокірні дівочі плечі...
Ланцюгом твоїх кроків тихих
Моє серце дзвенить весь вечір.

ТОБІ

В серці думки непрохані...
Вірю навічно в тебе.
Так вітер, у синь закоханий,
Вірить в бездонність неба.
Горблю над віршем плечі...
Люблю тебе світло, млісно.
Так любить весняний вечір
Несмілу дівочу пісню.
Від мене з очима добрими
Тікаєш і маниш ти.
Так манять далекі обрії
Того, хто в путі завжди.

ТИ ГРІЄШ РУКИ

Фанерна будка тісна і тепла.
Тріщать цурпалки в іржавім ящику.
Ти грієш руки важкі, мов цегла,
Повз пальці в'ються жовтаві ящірки.
Твого волосся зім'яті промені.
Ти зовсім поруч, як птах підтятий,
Немов сльозами, чеканням сповненні
Тривожні очі. А що сказати?
Для мене ти — важкий неспокій.
Тобою снити я справді звик.
Твоєму сину уже два роки.

І десь у тебе є чоловік...
Хтось на риштовці співа, сміється.
Обмерзлі кельми тамують стук.
Ти грієш руки, я грію серце
Біля маленьких червоних рук.

ЧУЄШ, МАМО?

Чуєш, мамо, кохана мамо?
Ти не мирно жила, не марно.
Давніх зморшок тонка солома,
І осіннє тепло в очах.
Це не тільки важка утома,
Що лежить на твоїх плечах.
Пам'ятаю: в двернім проваллі —
Голос батька глухий, ображений...
Ти повільно записку рвала.
Ніч була, ніби гість небажаний.
Він пішов, наче здався без бою,
І до нас не вертав ніколи.
Він пішов тоді.
Над тобою
Абазур креслив тихі кола.
Потім: перший портфель мій, ручка
І цехи, що так пахли лаками.
Пам'ятаю: приніс получку,
І ти вперше тоді заплакала.
Ти завмерла в ясній знеможі,
І сміялись на віях сльози.
Чуєш, мамо? Б'є щастя в груди!
Я для тебе його доб'юся.
Тільки ти не сивій, як грудень.
Хочеш, юністю поділюся?

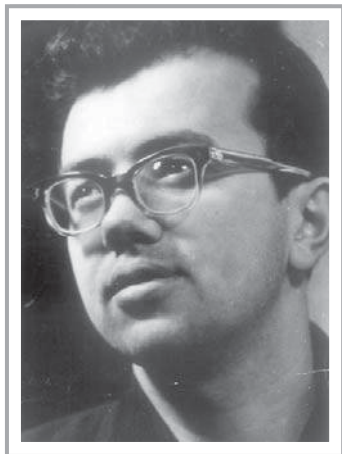
* * *

Ти примарилась у минулому
Світлим променем на рядку,
Залишила у серці чулому
Прохолоду якусь п'янку.
Твої коси пропахли квітнем,
Заціловані сонцевітром.
Твої очі цвіли чеканням
І незбагненим сподіванням.
Я накликав тебе піснями,
Я тобою радів і мучивсь...
І моїми ти стала снами,
І безсонням моїм жагучим.

Я ВСЕ ЗБЕРІГ

Я все зберіг: твої листи,
Нашептані тугими перами,
І брів розведені мости
Над чорнокарими озерами.
Моя любов лише в мені.
Гортаю дні минулоплинні.
Так вітер сірий на стіні
Горта птахів тремтливі тіні.
Я все зберіг: твою весну,
Легкий відбиток милих ніг.
Лише тебе, тебе одну
Я не зберіг...

**ГРЕБЕНЮК ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ —
поэт и геолог,
капитан «Бригантины»**

Родился 01.04.1945г. в Кировограде в семье военнослужащего и учительницы русского языка и литературы.

После окончания СШ №7 учился в Кировоградском педагогическом институте на филологическом факультете (русская филология, 2 курса).

Трудовая деятельность — с 1962 года, основное занятие — электро-механик на предприятиях города (объединение «Медтехника», завод «Красная звезда», воинская часть, РСУ облпотребсоюза и пр.). В 80-е, в начале 90-х гг. работал кузнецом ручнойковки на «Красной звезде».

С 1965 года — корректор, позже — корреспондент районной газеты «Зоря комунізму», заведующий отделом газеты «Серп и молот».

Первые стихотворные публикации — с начала 60-х гг. — в местной периодике.

В середине 1960-х, увлечшись романтикой странствий, много времени провёл в геофизических экспедициях, в основном — в Средней

Азии (рабочий ртутной партии управления геологии, техник-топограф Кировской экспедиции геологоразведки).

В 1990 году выдвигался в депутаты Кировоградского городского совета народных депутатов по избирательному округу №55.

Умер 13.01.1999 года в Кировограде. Похоронен на Маслениковском (Арнаутовском) кладбище.

СТИХИ 1960-х годов

ТОБІ

Коли ночами йдуть дощі,
І віють вітри злі, холодні,
Чогось так жаль, і сум брящить
Чотками спогадів... Сьогодні
Ти знов пришла в безсонну ніч.
І щось гаряче б'є по скроні...
Безсонна ніч... Проклята ніч...
Бере чоло моє в долоні.
Сміється темінь за вікном
Розбурканим, вологим сміхом,
З годинника сухим вінком
На цвинтар йдуть години тихо.
І юрби спогадів бредуть,
Бредуть услід, важкі, безсилі...
Вуста твої човном пливають
Навстріч мені. І так несміло
Поп'ють з очей моїх вологи.
І зникне каламуть тривоги...
Відчув нервовість я руки:
«Кохая іншого...» — як струмом!..
Елегій сині павуки
Кімнату обплітають сумом.

СЕРЕНАДА

Десь в Іспанії далекій
Про кохання променисте
Цілу ніченьку співають
Чорноокі гітаристи.
І красуня Ангеліна,
Лиш гітара залунає,
Все до нього, до Енію,
Босоніжки вибігає.
О, яка коротка нічка
В передмісті Розелунків,
І горить Ангели личко
Від його палких цілунків...
Вранці вулиці кипіли
Від червоних прапорів.
Страйкували сотні тисяч
Андалузських шахтарів.
Та здолали демонстрантів, —
Куль рої свистять жахливо...
І ридала Ангеліна
Біля мертвого Енію...
О, які предовгі ночі
В передмісті Резелунків,
У Ангели — чорні очі,
Тільки вже не від цілунків...
Десь в Іспанії далекій
Про кохання променисте
Цілу ніченьку співали
Чорноокі гітаристи...

БАЛЛАДА О СМЕРТИ

Снова ночь — бессонница,
Звёзды тонут в мглу...
Проходила конница
Ночью по селу.

Ухнет где-то пушка,
Ветр скользнёт крылато,
Кому-то в окошко
Стучали солдаты.

Три солдата бравих,
Конников лихих,
Двадцатидвухлетних
Пареньков седых.

Но уж слышат — к бою:
«Всем в седло-о-о...»
Крыто чёрной мглою
Спит село.

И в яру глубоком
Грянул бой.
Заспешили пули
За судьбой...

Утром солнце вышло,
Мутное, в золе.
Видно, спит парнишка
На сырой земле.

Лишь глаза открыты,
Смотрят в небо колко,
Да росой омыта,
Синеет наколка.

Бешенство застыло,
Прямо в небо глядя,
На руке бескровной
Выколото: «Надя».

ВІРШ ПРО ДІВЧИНУ В СІРІЙ ШИНЕЛІ

Ви зламали вуста скептично,
У єхидну усмішку скрививши,
Обійшли її по дотичній,
По дорозі додому зустрівши.

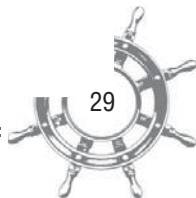
А вона промайнула дзвінко,
Оченята сховавши смішливі,
Хтось гукнув їй: «Вітаю, Нінко!»,
Ви пройшли, мовчазні і сиві.

Дома звично обнявши дружину,
Її протираючи фарфор Венер,
Ви казали, що бачили Ніну,
Що в солдатах дівча дурне.

І ще довго щось бубоніли,
Про розпусту і про мораль...
Жінка слухала осовіло
Її готувала вечірній чай.

Потім, мабуть, ви задрімали,
Кленучи несподіванки ери...
А вона у цей час приймала
Позивні з глибини стратосфери.

І лунало на всю планету:
«Сокіл!.. Сокіл!.. Це я — Земля!..»
Її горда зірочка на береті,
Наче серце її була.

* * *

Світанок б'є у мідь на сході,
І сонце через небо — вбрід,
І я за ним в солдатській робі
Крокую в неосяжний світ...
Іду я по асфальтах міста,
Де площа мріє поранково,
Де поливають урочисто
Газонів оксамитні брови.
Проходжу парком, і кивають
Маслини вистиглі по вінця.
Поважно баби підмітають
Осінні золоті червінці.
Я далі йду. Мене чекають
Поснулі срібні блискавиці,
Локатор вуха розвертає...
Шугають у безхмар'ї птиці...
Як тихо! Зміну я приймаю:
«Іди додому, старшина!»
І відчуваю, як лягає
Мені на плечі тишина.

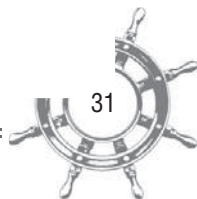

* * *

Діду вмирати, ой, не хотілося.
Руки, неначе коріння дубове,
В землю навіки-вічнії врилися
І проросли, як зерно гатункове.
Діду вмирати, ой, не хотілося,
Вмерли бо троє чистих арійців,
Що на пшеницю його спокусилися,
Деся догнивають в старій криниці.
Ой, не хотілося діду вмирати,
Правнуки ж пішки ходять по хаті.
Явором стукнула смерть у вікно,
Брязнула клямка розпачливим зойком.
І поминали сусіди вином,
І оброняли сльозу ненароком.

НІЧНІ ПОЛЬОТИ

Ніч стогнала турбінами —
Де там листяним шепотам...
У ангарів над спинами
Шматять небо прожектори.
І тополі розчулено
У відгомін вслухалися,
Тільки курява збурена
В чорне небо вривалася.

Зорі сліпо розбризкались
Від шалених розбігів,
Мерехтіли й кидались
Вслід за посвистом «Мигів».

Вже й сирени захлинуті
Від воління високого...
Зорі падали, скинуті
Ескадрильями соколів.

ДВАДЦАТЬ СТРОЧЕК ПРО ГЕНКУ

Оттаявший ветер с угрюмых вершин,
Казачье седло, за спиной карабин.
Ужились в подсумках: абрис долины,
Дневник, карандаш, фотография Лины,
Домой неотправленных писем десяток
И пять ученических тонких тетрадок.
В тетрадях стихи — вечерами писал,
Ребятам читал и скалам читал.
Ребята молчали, и скалы молчали,
Ребята вздыхали, и скалы вздыхали.
Потом загорался багряный рассвет,
И Генка рычал: «Зачитался... поэт...
Сегодня поедешь с Борисом в морены...
Вот там позабудешь про эти... поэмы.
Нехитрое дело — молоть языком!..»
Ребята в рассвет уходили гуськом.
...Слепящее солнце взошло меж вершин,
Привычно за спину упал карабин.
И слышу, как Генка бормочет вдогонку:
«Борис, присмотри... береги мне мальчонку».

* * *

На баркасах, в штормовках тесных,
На худых лошадиных хребтах
Пели мы разудалые песни
И любимыми бредили в снах...

От костров угорелые, злые
На себя,

на судьбу,

на норд-ост,

Пели мы про глаза голубые,
Про тугие арканы кос...

В изголовье рассветы спали,
И зудела кругом мошкара...
Мы любимых своих променяли
На горчашую радость костра.

* * *

Когда обросшие и грязные
Спускаемся с угрюмых гор,
Мы видим — мы по сути разные,
А общее — вот до сих пор.

И лишь тепер рубли хрустящие
Мы тратим, как кому взбрело,
Ведь мы тепер не настоящие,
Ведь так издавно повелось:

Раз счастье — хмелем надо мерить,
Бумаге — лишь с печатью — верить.
И петь, что милы нам всегда
Лишь голубые города.

СТИХИ О ВАЛЕ

Едва ли я вспомню, едва ли...
Лишь помню, закат догорал,
И девушку, девушку Валю,
Прощаясь, мой друг целовал...
И снова дорога, ныряя,
Умчалась, рассвет шевеля,
Прошёл я от края до края,
И тесною стала земля.
От млечной серебряной пыли
В душе неуёмный огонь...
Мы Валю, конечно, забыли.
Но как-то однажды гармонь
Мне снова про всё рассказала,
И вспомнил я старый вокзал.
Там сосны, как струны, дрожали...
И Валю мой друг целовал.

СЛЕПЫЕ ДОЖДИ

Облака-телеграммы запутались в ветрах,
Облака-телеграммы над нами плывут.
По глазам, по гитарам, по тоненьким веткам,
Над землёю слепые дожди идут...
На Курилах осталось забытое утро,
На Курилах остался забытый рассвет...
Даже солнце решило задуматься мудро,
Любишь ты ли меня, любишь ты или нет...
Голубиным пером закружилось счастье,
Я ответа не жду, пусть уходят дожди,
Я сумею увидеть сквозь злое ненастье,
Первый солнечный луч впереди.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Я иду в парадном костюме
Под руку с девчонкой в кино,
А в Боз-Су и в Чакрыр-Коруме
Уже полночь, и спят давно.

Я иду по знакомым улицам,
Где знакомы мне даже скворцы...
А в палатке Борис сутулится,
Обрабатывая образцы.

Пахнет керном, храпят ребята,
Дует ветер с крутых вершин...
Мы купили на рубль измятый
Очень грустный французский фильм.

На экране дымят пистолеты,
Добиваясь холодной руки...
Ты навряд ли сейчас заметишь
Необъятность моей тоски.

По большому, по нужному делу,
По ребятам, по лошадям...
Взял, чудак, и отдал несмело
Своё счастье чужим рукам.

* * *

Перламутрове небо на заході,
І трави вже зів'ялі запахи.
Рання зірка вместила синуцею
На вербі, над самою водицею.
Все стиха перед нічкою гупою,
Лиш антонівки гупають... гупають...

ВАДИМ ГРЕБЕНЮК — ЛІДИИ ГРЕБЕНЮК
(письмо от 11.08.1964)

День добрий, Лідо!

Тільки що до нас в загін (вперше за місяць) прийшла машина з Фрунзе. Привезли мені багато листів, почав перечитувати і звернув увагу на лист від тебе. До речі, він зовсім не нудний, а дуже цікавий ... і смішний. Не хочеться тебе розчарувати, але я, здається, інший, ніж в твоїй уяві (просто ти гіперболічно змальовуєш деякі мої ще нерозвинені риси). «Риска невідомого» — по-моєму, вислів неточний. Коли людина захоче щось зробити, то вона робить це не сліпо, не інстинктивно, а обдумано, логічно, передбачаючи кінцеву точку. Не будемо зачіпати мій «коник», тобто поїзду, — це незначна подія в моєму житті, рано чи пізно — вона б визріла. Вона була для мене необхідністю, і нічого надзвичайного в ній немає. Все звично і просто, все на своїх місцях, нічого я себе не заставляв, просто цікавість плюс спортивний інтерес.

Ти дуже неправа, м'яко кажучи, коли вважаєш, що нині ти не «живеш». Ти гадаєш, очевидно, що життя — це суцільні пригоди, щасливі дні і т. д. Дуже наївне уявлення. В першу чергу — це сірі дні, праця, невтомна праця над собою, лише потім можна повністю відчувати радість перемоги. А тобі на нинішньому етапі лишається тільки навчання, і головне — якомога більше читати про все — все, що є на білім світі. Не сприймай це, як повчання, просто я пишу тобі, як хорошому товаришу.

Зараз сиджу, готую вечерю (до речі, я став непоганий кулінар). Вечеря проста — смажений теке (козел дикий) і кофе. Смажу **теке** з цибулею, потім побільше перцю, і аж за вухами ляцатиме! Маршрут сьогодні був не важкий, всього 28 км. Непогано навчився їздити верхи, сідлать, навіть ку-

вать коней. Кінь у мене хороший, швидкий і сильний, сідло в порівнянні з іншими нове. Зовуть коня Ванька. Він вже двічі мене виручав. Раз на осипі, і раз в буран сам прийшов в табір (буран був такий, що витягнутої руки не було видно). Всі озброєні, Китай майже поруч, працюємо за 5-20 км від кордону. Бачив з перевалу Чакир-Корум китайську територію, китайських прикордонників.

Зараз стоїмо в урочищі Нарим-Тау, через три дні на в'юках ідемо на перевал Ішитик, там до кордону 3 км. Що таке праця, я вже трохи знаю. (Я трохи знав, що воно таке).

17.08.64.

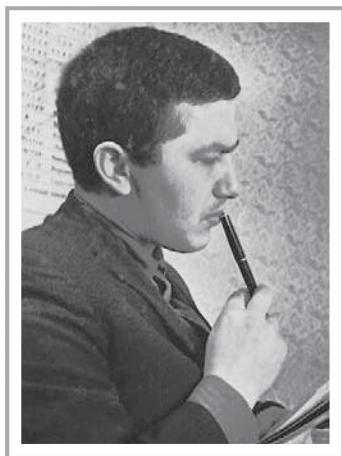
Пробач, дописати не встиг, в табір приїхала машина, мені сказали, щоб я зібрав речі і через 5 годин був у таборі Кара-Сай. Ніч переспав там і з загоном Розпопова-Кришталя виїхав в'юками за перевал Кайнар, на озеро Кайнар (в перекладі — «кипляче»). Тут набагато цікавіше, але працювати важче — дуже круті скелі. Стоїмо на 3500 м на південному схилі хребта, тепло (літо закінчується). Дуже багато оводів, піднялись з долини. Десь на початку вересня буду у Фрунзе, потім ще місяць чи півтора, і я зможу виїхати додому. Пишу багато, але жодної закінченої речі не маю, так що вислати щось — просто не можу. Гадаю, що коли побачимось, поговоримо про все, розкажу багато. Надсилаю едельвейс.

Жму руку. З привітом, В. Гребенюк

P.S. Лідо, пиши, я з задоволенням буду відповідати. Пробач, що погано пишу, вже дуже пізно, маршрут був важкий, пішов сніг, я промок і пишу, не виходячи із спального мішка.

Кайнар

КАМИНСКИЙ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ — филолог, журналист, поэт

Родился 19 декабря 1942 г.* в с. Кассан Кашкадарьинской области (Узбекистан).

В 1944 г. семья переехала в Украину (Кировоград). После окончания 8 классов средней школы пошёл работать на завод (токарь, слесарь).

Позже уезжал в Белоруссию и Сибирь, где работал в газетах Минска и Красноярска. Окончил Кировоградский государственный педагогический институт им. А.С. Пушкина (филфак, русская филология). С 1967 г. — корреспондент Бюро пропаганды Союза писателей Украины. Работал журналистом («Кіровоградська правда»), редактором газеты «Без таємниць».

Был членом Кировоградского областного литературного объединения «Степ», с 1963 г. посещал также юношеский клуб «Бригантина».

Член Союза писателей СССР (1984).

* Во всех источниках датой рождения поэта называется 19 мая, а не 19 декабря 1942 г. Это объясняется изначальной ошибкой в метрике, перешедшей в дальнейшем в паспорт, справочники и другие документы.

Член Союза русскоязычных писателей Израиля (1999).

Стихи Юрия Каминского печатались в местной и республиканской периодике, а также в таких престижных журналах Советского Союза, как «Юность», «Смена», «Нева», Радуга» и др.

В 1998 г. репатриировался в Израиль, живёт в Бат-Яме, где уже в XXI веке издал четыре книги. Презентации новых книг проходили не только в Израиле, но также в Европе и Америке.

Пишет на русском языке.

Книги:

Автор 10 поэтических сборников:

- Пора ледохода (1976),
- Ранний снег (1979),
- Неторопливая звезда (1984),
- Речь (1987),
- Минутная стоянка (1990),
- Песок (1994),
- Мгновенья света и свирели (2001),
- В тени мерцающей свечи (2007),
- Вкус полыни (2012),
- Избранное. 1958-2011 (2014).

Две книги прозы: очерки «Земля на ладонях друзей» (1986), повесть «Самое время» (1989). Также работает в жанре перевода.

Представлен в антологии «Украина. Русская поэзия. XX ст.» (2007), в многотомной Энциклопедии Современной Украины.

Его творчество, казалось бы, в отношении поэтики достаточно ровное и традиционное, на самом деле спектрально. В нём уживаются любовь и жёсткость, сентимент и непререкаемость.

...Эта лирика, уходящая из настоящего вспять, не оставит равнодушным тех, кто ещё не окаменел душой в житейском разбросе. Она закаляет сердце. Ибо непререкаема память сердца — главное достояние человека.

Юрий Кублановский

Способность к творчеству предполагает бесикурность, сверхчувствительность, острый взгляд и наблюдательность. Всё это присутствует в произведениях Юрия Каминского.

Ольга Полевина

Капитаном «Бригантины» Юрий Каминский никогда не был, но был для нас большим литературным авторитетом, которым остается и сейчас.

Татьяна Березняк

Т. БЕРЕЗНЯК — Ю. КАМИНСКОМУ

(в письме от 30 марта 2015)

Ты спрашиваешь, что я напишу в нашем альманахе о тебе, «красивом, двадцатидвухлетнем»?

Что? То, что ты был самым взрослым среди нас (Баранов не в счёт — наезжал из Москвы очень редко), т.е. самым серьёзным и значительным, поэтому казался недосыгаемым. Поражал литературной эрудицией (и здесь тебе не было равных). Помню, как ты, похвалив мою рифму, тут же добавил: «Но эта рифма уже была у Кирсанова в 32-м году. Ты знаешь Кирсанова?» (Я, конечно, не знала Кирсанова, более того — я тогда — в 1963 году — НИЧЕГО не знала).

У тебя был удивительный для такого возраста характер — спокойный, уравновешенный, мудрый. И ровное отношение ко всем. И главное для женской души — на фоне наших мальчишек-школьников ты был в «Бригантине» самым красивым. Вот таким я вижу тебя, глядясь в прошлое 50-летней давности.

СТИХИ 1950-1960-х гг.

ЭВОЛЮЦИЯ

Лет эдак через сто я постарею.
А время изменит черты лица.
И те из них, что выдадут еврея,
Проступят резче, чётче — до конца.

И мой сосед из третьего подъезда,
Дай Бог, ему дожить до этих дней,
Признается, конечно, безвозмездно,
Что я наилучший на земле еврей.

Сижу и думаю, к соседу бы сходить:
Ведь я могу до ста и не дожить.

1958

ТЁТЯ ДУСЯ

За окном непогода, вьюжит.
На стене пожелтевшее фото
В двадцать два погибшего мужа,
В двадцать два — командиром роты.

Говорили соседи сочувственно:
«Молодая, другого ищи,
Жизнь такая, в ней всё почувствуешь,
Может, будут без хлеба щи,
Может, вовсе не будет щей —
Жизнь такая: везёт не везёт.
Ты о будущем думай.
О будущем...»

Не закроешь соседям рот!

Говорили соседи, правила,
А она их слушала зло.
Не хотелось ей жить по правилам,
По которым в жизни везло.
Не хотела знать этих правил.
И сынишка чтоб их не знал.
Ожидала: вернётся Павел —
Обязательно!
Как сказал.

Двадцать лет, столетия вроде,
Всё ждала, не смогла приспособиться.
А теперь.
Теперь на заводе
Тётя Дуся подсобница.
И юнец совсем желторотый
Просто «Дуся» её зовёт.
И вдова командира роты
Детали ему подаёт.

1958

СНАРЯД

Он спит,
В траву уткнувшись носом.
Он спит
Десятки лет подряд.
Щетиной времени обросший
Неразорвавшийся снаряд.

И что ему сегодня снится —
Ведь он живой:
Несостоявшийся убийца
Мой.

1958

В САМОМ НАЧАЛЕ

1.

Жизнь началась несытой прозой
В полуразрушенных домах.
И ласточки, как вдовьи слёзы,
Сверкали
в детских небесах.

2.

В сырых подвалах детства,
В той полумгле жилья
Успел я оглядеться,
Увидеть, где тут я.
И средь развалин мира
В ожившем сорняке
Увидеть: плачет лира.
Одна.
На сквозняке.

1959

* * *

*Первое воспоминание о жизни — похороны бабушки:
Мне было четыре года в сорок шестом году.*

Я помню:
Старые женщины,
Как бескрылые бабочки —
Чёрные и бескрылые
В чёрном
бесснежном саду.

1959

ИРПЕНЬ

Промчит,
Подлесок оглушая,
Электропоезд.
А потом
Возникнет тишина большая,
Пусть ненадолго,
воскрешая
связь между небом и кустом.

И в этом промежутке кратком
Неожидаемой тиши
Душа откликнется украдкой
На зов неведомой души.

1960

* * *

Вот и всё, что осталось от лета:
В старом парке фигура атлета —
В темных трещинах алебастр,
Да свеченье холодное астр
На пожухлых,
 истоптанных клумбах,
Две афиши у нового клуба.
Цирк уехал —
 афиши висят.
Паутиной опутанный сад
Возле пятиэтажного дома
И котельни с железной трубой.
Да закладка цветная —
 из тома,
Недочитанного тобой.

1960

* * *

Опять нагрянули снега
В моё отечество степное.
И поседели вмиг стога,
И хаты с думою земною
Присели,
 робко задымив:
И дымы потянулись в небо,
Как думы о весне, о хлебе,
О том,
 что старше стали мы.

1958

ЗА ПОСЛЕДНИМ ДОМОМ

За последним домом, где рассвет рыж,
Где совсем рядом его лицо,
Ты на красных лыжах с горы летишь,
И горит ярко твоё лицо.

И летит ветер с высоких крыш.
И летит прямо тебе в лицо.
Мир вокруг красный от твоих лыж.
И совсем рядом его лицо.

1958

* * *

Что упало,
то пропало?
Что оставил,
не вернёшь?
Приезжай, ты мне сказала.
Я приехал.
Ну и что ж?!

Берег моря незнакомого.
Дождь холодный
Проливной.
И живу я здесь закованный
Незнакомою волной:
Плечи тоненькие модные,
Расплетённая коса.

И глядят в меня
холодные
равнодушные глаза.

1959

У РЕКИ

Ты говоришь мне:
 «Рекой рискованно,
Вода морозом ещё не скована,
Не видишь разве или спятил —
Как много ещё темных пятен —
Это же вода, а не лёд,
Что только в голову человеку взбредёт,
Ты надо мной издеваешься просто,
Пойдём как люди —
Как все — по мосту.
Иди, упрямец. Я побегу.
Буду ждать на том берегу».
И побежала...

А я — прямиком — на тёмное место.
Иду и думаю: повеселюсь...
Хорошо, думаю, что только невеста...
Эх, провалиться бы!
Провалюсь.

1962

* * *

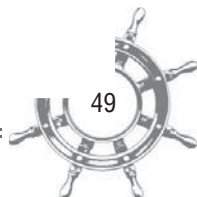
Леденцы сорок пятого года.
Ещё март.
Во дворе ещё лёд.
И о первых плодах огорода
Разговоров никто не ведёт.

Ещё затемно
Дворник наш Фрося
Будит дом беспокойным совком.
Огонёк от её папиросы
Светит в темени маяком.

Ещё многие не вернулись.
Ещё порохом пахнет кора.
На руинах заснеженных улиц
Добивает врага детвора:
Добивают снежком и рукою,
И трофейною гильзой —
мальцы.

И у многих
уже
за щекою
тают медленно
леденцы.

1963

* * *

Лист падал медленно и косо.
Кружась,
затягивал полёт.

Притихший дворник
у ворот
Дымил привычно папиросой.
Ещё троллейбус не шумел.
И сны досматривали дети.
А он — единственный свидетель
начала осени —
Глядел:
лист кружится
и падать медлит —
полузелёный,
полумедный.

Старик размеренно дымит.
Теперь ему спешить не надо.
Предощущенье листопада
Его на миг с листом роднит.
И не идёт он досыпать.
Глядит внимательно и строго,
Как медлит
лист упасть
под ноги,
Как он не хочет умирать.
И может, думает старик,
Что краток век.
И долгод миг.

1965

ЭТОТ ГОРОД

Люблю я этот город
С годами всё сильней.
И пыль его
Нескоро
Уляжется во мне.

Покуда зеленеют
Сады и облака,
Течёт и не мелеет
Во мне
Его река.

И купола собора,
Как прежде, хороши.
И дом, который взорван,
Живёт на дне души.

Распахнуто в нём настезь
Высокое окно.
И снова моё счастье
В реке отражено.

Два зыбких силуэта
Текут, соединяясь,
Со всем, чего уж нету,
Налаживая связь.

1959

ДВОЕ

Некрасива она, а уж он-то совсем никудышный.
А глядят друг на друга и друг другом
Никак не надышатся.

Не слышны их слова,
Но просты
И естественны жесты,

Некрасивые врозь,
Как прекрасны они, когда вместе.

И казалось, что парк, неухоженность лип и сирени
Оживили, озвучили ломкие звуки свирели.

Даже воздух – и тот был дыханьем влюблённых
пронизан:
Всё казалось иным, всё красивее было, чем в жизни.

На стареющий парк знаки осени бегло ложатся,
Отзвук снега как будто в редяющих ветках возник.

Они встали.
Они начинают прощаться.
И мне страшно при мысли:
А как же мы будем без них?

1984

САМОЕ ВРЕМЯ

(фрагмент повести)

Я учился в школе рабочей молодежи, подумывал поступить в университет на заочное отделение журфака.

Что-то во мне вызревало, искало выхода.

Игорь поддержал мой выбор. А больше я ни с кем об этом и не говорил.

Как-то на переменке ко мне подлетел Валерий Овчаренко. Он был моим ровесником. Работал на стройке. Писал стихи на украинском языке. Я даже запомнил одно его стихотворение, напечатанное в молодежной газете. Очень эффектное: «Живу в ореолі слави, в крилатому шумі днів, будова — моя держава, а я — президент цеглин». Кирпичей то есть.

Шумное стихотворение.

Да и сам он был шумным белобрысым парнем с нарочито исподлобным взглядом голубых глаз, с неестественными, по-моему, жестами. И шумел он, как бутафорский гром за сценой. Так я ему однажды и сказал. Думал, обидится. Ничего подобного.

— Старик, твою мужественную лапу, — возбужденно вскричал почему-то он и сильно сжал мою ладонь...

А на этот раз он подлетел ко мне после урока литературы, на котором я, возражая учителю, бесшабашно заявил, что ранний Маяковский мне нравится больше позднего, что раннее творчество поэта — истинная поэзия, за что получил первую двойку в жизни.

— Старик, ты — гений. Потрясающе. Нет, чего захотел, иметь свое мнение о Маяковском, да ещё раннем.

Он тут же протараторил мне историю о своем друге, прочитавшем на вечере в кооперативном техникуме стихотворение Маяковского 1915 года «Вам».

— Слышишь, они дико оскорбились и пожаловались в горком комсомола. Ну, помнишь, там эти строчки: «Да я лучше в баре блядям буду подавать ананасную воду»? Они решили, что друг мой назвал их блядями. Слышишь?! Ха-ха-ха! Можно подумать, девочки. А друга исключили из комсомола.

— Почему же ты смеешься? — невольно возмущился я.

— А что, плакать из-за этих дур? Во даёшь!

— Но ведь в ранних изданиях эта строчка печатается полностью, а не с буквой «б», — сказал я, — надо было раздобыть старое издание.

— О чём речь! Мы всё показали. Не помогло. Идиотизм чистой воды.

Говорил он громко, не обращал внимания на людей, толпящихся в узком коридоре.

Мне было неловко. Меня коробила выпренность. Смущали его неестественно широкие жесты, дурацкое в его устах «гениально». Он произносил это слово так, словно только что проглотил что-то чрезвычайно вкусное.

— Слушай, — не снижая тона, продолжал он, — ты пишешь, даю голову на отсечение. Признавайся.

Я промолчал.

— Да брось скромничать. Слушай, — он повторял это слово, хотя слышали его, наверно, на другом конце длинного коридора, — завтра в редакции молодежки как раз собирается литобъединение. Приходи. Я буду читать новые стихи. Захочешь, тоже прочитаешь для знакомства. У нас такой ритуал. Оревуар.

И, не дав мне опомниться, он еще раз взмахнул руками, «как крыльями, птица», вспомнил я Есенина, и, быстро перебирая ногами, загрохотал по лестнице.

Стихов я не писал. И не пробовал даже. Не думал об этом. Вообще я ничего не писал, кроме сочинений по русской литературе, за которые меня хвалили.

Но на литобъединение меня почему-то потянуло.

Для этого надо было пропустить несколько последних уроков в школе. Что я и сделал. За пропуски у нас не ругали, а журили. А меня не трогали вообще — я был отличником, «показательным». И с последних уроков я уходил довольно часто не потому, что пользовался этой своей привилегией, нет, — я на последних уроках нередко засыпал от усталости.

Редакционная комната была просторной, но людей в ней собралось немного — человек десять. Удивило то, что все они были разного возраста. Несколько молодых ребят, солидный, лет сорока пяти очкарик, две девочки, наверно, восьмиклассницы, и одна уж пожилая сутуловатая седая женщина. В углу комнаты что-то писал за столом худой, с большими усами молодой человек в украинской сорочке под серым пиджаком.

На меня, кроме пожилой женщины, никто не обратил внимания. Она жила неподалеку. И встречались мы на улице нередко. Я внука ее знал, он с Гулькой в один детсад ходил.

Она мне кивнула, хоть прежде мы никогда не здоровались, и я даже расслышал своё имя. А может, она не произнесла его?

Я подпирал стену у двери, рассматривая комнату с разноцветными лепными потолками. Никогда прежде я в такие помещения не попадал.

Поначалу мне понравился простор комнаты, лепнина и высота потолков показалась симпатичной, но, присмотревшись, я холодно решил про себя: аляповато, у нас хоть и тесно, но уютно.

Овчаренко появился неожиданно и шумно, на середине комнаты, воздев руки кверху, воскликнул: «Приветствую вас, господа присяжные» — и шлепнулся на стул напротив усатого, ловко забросив ногу за ногу.

Насупился.

— Ты готов? — глуховато спросил усатый.

— Как всегда, — встрепенулся Овчаренко.

Он обвёл комнату исподлобным взглядом. Довольно нахальным, отметил я про себя. Увидел меня и вскочил.

— Валера, — он обращался к усатому, — я пригласил своего однокашника. Костя, иди сюда, — покровительственно позвал Овчаренко.

Но я остался на месте.

— Вы пишете? — устало спросил усатый, уставившись в меня немного водянистыми глазами.

— Нет, — коротко ответил я.

— Работаете?

— Да.

— Где?

— На заводе «Громкоговоритель».

— Кем?

— Токарем по дереву.

— Значит, не пишете, — раздумчиво сказал усатый. — А поэзию любите?

— Угу.

Я уже начал сердиться и на Овчаренко, пригласившего меня на этот допрос, и на самого себя за то, что терпеливо отвечаю. К чему все эти вопросы? Кто я здесь?

Я не робел, но чувствовал себя неважно.

И взгляд усатого мне не понравился. И глаза — тоже.

«Это он всех так выпытывает? — подумал я. — Жаль их.

И что они могут о себе рассказать?»

Спрашивал усатый как-то безразлично. Потом он встал, одёрнул пиджак с заметно помятыми лацканами, подошел ко мне.

— Давайте знакомиться, меня зовут Валерий Курьев, я руковожу занятиями, — он протянул руку.

— Константин Цветов, — ответил я.

— Прекрасно, — поживее и, как я подумал, совсем не к месту, сказал он и познакомил меня со всеми, кто был в комнате.

Я, конечно, тут же позабыл, как кого зовут. Правда, имя одной девочки, о которой я подумал сразу, что она восьмиклассница, запомнил. Ее звали, как и мою сестрёнку, Гулей.

— Порядок у нас демократичный, — сказал Курьев, усаживаясь на своё место, — каждый говорит то, что думает об услышанном. Сегодня мы обсуждаем стихи Овчаренко, не забыли? — он обвел всех глазами. — Ты готов, Валера?

— Я уже сказал, — недовольно буркнул тот.

Заседание длилось около двух часов. Каждый что-то говорил о стихах Овчаренко. Даже Гуля пропищала: «Мне нравится», а на вопрос Курьева: «Что понравилось и почему?», она вспыхнула и промямлила: «Всё».

Овчаренко выслушивал высказывания чуть свысока. Подбрасывал реплики. «Во, старик, даёшь!», «Напиши лучше». Но я видел, что он волнуется.

Курьев говорил последним. Хвалил Валеру за то, что он пишет о стройке, о том, что ему близко, ругал за небрежности и неточности.

Но никто почему-то ни словом не обмолвился о стихотворении про отца, который ушел от матери, оставив сына. А мне оно очень понравилось. Оно было по-настоящему искренним. И печальным по-настоящему. Так мне, во всяком случае, показалось.

И про Овчаренко я кое-что новое узнал из этого стихотворения.

Тогда-то, я помню, подумал, что, наверно, вся его театральная бравада, все его бутафорские громы — для самозащиты... искренности.

Уже тогда я замечал: искренность нередко принимается за наивность, глупость даже. А кому в семнадцать лет хочется смотреться наивным и слышать про себя: «Да он же ещё наивный, глупый мальчик».

Потом читали по одному стихотворению. «По кругу», — как сказал Курьев.

— У меня есть предложение, — сказал он в самом конце заседания. — Пусть каждый к следующему занятию принесет стихотворение на одну и ту же тему, — он на секунду задумался, — ну, скажем, о ромашке.

— Гениальная банальность, — первым громогласно отозвался Овчаренко. — Я — за.

Остальные согласились молча. Только две восьмиклассницы радостно пискнули. Быть может, у них уже были стихи о ромашке.

— А рассказ можно? — спросил, по-моему, иронически, очкарик.

— Хоть роман, Федя, — весело ответил Овчаренко вместо Курьева.

Я вышел из редакции вместе с Курьевым и Овчаренко.

«А глаза у него всё-таки не водянистые, — подумал я, — а светло-карие с зеленинкой».

На заседании литобъединения он был со всеми одинаково вежлив, выделиться как-то не пытался. Очкарика, которому Овчаренко тыкал, называл по имени отчеству — Федор Степанович.

— Вам у нас понравилось, Костя? — спросил Курьев.

— Еще бы, — тут же вмешался Овчаренко, — меня драли, как Сидорову козу. Валера, он у нас отличник, кстати. Пай-мальчик.

— Перестань паясничать, — оборвал его Курьев.

И я был ему благодарен: сам собирался уже осадить Овчаренко — надоела его пышная болтовня.

— А-а, старик, не обращай внимания, — словно услышав моё состояние, Овчаренко положил руку на моё плечо, — это я так, по привычке. Как тебе?

— Интересно, — сказал я сдержанно, а сам подумал: «Ему эта бравада самому, наверно, изрядно надоела».

Две недели до следующего занятия я пытался написать стихотворение о ромашке.

Сочинял на работе. В школе. Дома, на кухне, на топчане. Старший брат, закончив техникум, уехал работать по назначению в Кривой Рог. Топчан перенесли на кухню, и я спал на нём один.

Я до изнеможения марал тонкую ученическую тетрадь. И ничего у меня не получалось. Ничего.

Совершенно, наконец, отупев от этой работы, я остановился и сердито спросил у себя: «А зачем мне всё это надо?» Однако ответа не нашёл.

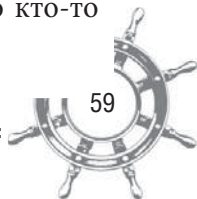
И всё же чувство огорчения из-за неудачи оставалось во мне.

Но на заседание я пришёл. Когда подошла «по кругу» моя очередь, я отрицательно замотал головой.

— Не пробовали? — спросил Курьев.

— Нет, — соврал я, почувствовав, что Курьев мне не поверил.

«Следующим» и последним читал плотный крепыш с завода «Большевик». В прошлый раз его не было, но кто-то сказал ему о задании.

Читал громко, с пафосом.

«За дымкой голубой дымит родной завод, и дышит, как судьба, железная труба, а рядышком с трубой ромашки полевой мне слышится мольба о свидании со мной».

— Я закончил, — объявил он и сел.

Кто-то прыснул. Овчаренко подпустил:

— Вот так лёгкие!

Курьев остановил его:

— Кончай, Валера. А ты, Антон, молодец, что написал.

Обсуждать, я думаю, не будем.

Когда все начали расходиться, Курьев подозвал меня.

— У вас, Костя, нет желания написать что-нибудь о своём заводе? Для газеты, — уточнил он.

— А что именно?

Я не ожидал такого вопроса.

— Ну, например, о своем ровеснике, передовом рабочем.

Вы же знаете ребят на заводе?

— Мало. Я с дядей Пашей работаю. Нас в столярке только двое.

— А кто это? Кто он?

Я замаялся. Не знал, что ответить. А кто мне дядя Паша? Никогда об этом не думал.. Правда, Курьев не спрашивает, кто он мне. И всё же.

Кто: сосед? друг?

Но какой же он мне друг, если ему сорок, а мне... Ну и что!

Друг семьи? Да.

Но Курьеву это, я понимал, неинтересно.

И я вдруг вспомнил мамины слова. Она их часто повторяет.

— Он бескорыстный человек, — сказал я.

Курьев, как мне показалось, с интересом посмотрел на меня.

И ещё я хотел добавить, что никогда не слышал в дяде Паше страха, но промолчал. Подумал: а что скрывается за тем колючим, на которое я каждый раз натыкаюсь в нём?

— Хорошо. А кем работает дядя Паша?

— Столяром, я же говорил, — я заторопился, — но он прекрасный столяр, он, — и снова вспомнились мамины слова, — он всё, что глаз видит, может сделать.

«Но поэзии в его жизни нет» — этих слов я не произнёс, потому что засомневался в их правильности и точности.

— Вот и напишите о нём, — сказал Курьев. — На станке он вас учил работать?

— Конечно.

— И у него, наверно, есть ещё ученики?

— Не знаю, может, и есть.

— Должны быть. Вы поговорите с ним. Он воевал?

— Конечно. Он партизанил в наших местах. Он инвалид. У него левой ноги нет. Так он сам себе смастерил протез, в коленке даже слегка сгибается. А ходит дядя Паша не меньше моего.

Я преувеличивал. У дяди Паши была инвалидская коляска. До снега он только ездил. Но когда подмораживало и наледь закрывала мостовые, он ставил машину «на отдых», и мы вместе ходили на завод и обратно. Я предлагал ему добираться автобусом, но он каждый раз отказывался. «Стыдно, Костик, в наши-то годы». — «Но дядя Паша», — начинал я и замолкал.

Странное дело, но я, столько лет живя рядом с ним, редко когда задумывался о нём, как об инвалиде. Я частенько забывал, что одна нога у него деревянная.

Встретившись с ним рано утром у подъезда, я, чтобы разогнать сон, сразу же набирал скорость — слава богу, ноги

длинные. «Не торопись, Костик, время еще есть, — говорил он, — не опоздаем».

— Значит, напишите о дяде Паше. Расспросите о его жизни. У других узнайте о нём. Надо стремиться, чтобы фактов было много. Это всегда помогает.

— Да, он такой!.. — воскликнул я неожиданно для себя громко, но Курьев меня перебил.

— Главное, не торопитесь, Костя. Вот вы сказали, что он бескорыстный человек. Но сказать вот так о нём в очерке — мало и неубедительно. Нужно это доказать фактами, поступками его. Понятно?

И после короткой паузы, не дожидаясь моего ответа на свой вопрос, Курьев сказал:

— Короче, пишите. Что будет неясно, забегайте, я подскажу. Мне кажется, что у вас получится. Договорились?

«Как же это он станет советовать мне, что писать о дяде Паше? Разве не страшно давать советы, ничего не зная о жизни незнакомого человека?»

Эти вопросы возникли во мне неожиданно.

Свое «угу» я промычал не очень уверенно, хотя ощутил в себе какое-то непонятное волнение, что шло, кажется, не от неуверенности в себе, а от избытка чего-то хорошего. Но чего?

Конечно, от желания немедленно сесть и писать о дяде Паше. Ведь я столько о нём знаю!

Я быстро надел пальто, нахлобучил шапку и то ли себе, то ли Курьеву, который копался уже в своих бумагах, твёрдо и громко сказал:

— Напишу.

И, словно смутившись своего бахвальства, заспешил к выходу.

**АДАМЧИК ВАЛЕНТИНА ГЕНРИХОВНА —
инженер, экономист.
Просто ВАНДА**

Родилась 26.07.1948 г. в Кировограде в семье медиков. Дома называли её Вандой. Так же называли её члены «Бригантины». После окончания Кировоградской СШ №24 поступила в Кировоградский институт сельскохозяйственного машиностроения (факультет сельскохозяйственного машиностроения), где была в активе клуба «Романтика» (вместе с Анатолием Шендриком), а также студенческого театра эстрадной миниатюры СТЭМ. Получив специальность инженера-механика, работала инженером-конструктором на заводе «Красная звезда», в дальнейшем — в Институте повышения квалификации Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения (инженер-организатор).

В годы перестройки создала свою собственную фирму. Чтобы выжить в лихие 90-е, «иногда приходилось работать в нескольких фирмах одновременно».

Представитель второй волны «Бригантины» — в клуб пришла в 1964 году.

Ванда, девчонка Ванда,
Милый осколок детства,
Вечно торчащие банты
Всюду меня приветствуют!

(Жаль, дальше не помню. Чьи стихи? Конечно же, — Воеводина!) Действительно, фотографии подтверждают наличие белых нарядных бантов на голове нашей девятиклассницы.

Первое стихотворение, написанное Вандой в 15 лет свидетельствует о том, что автор переболел *гейнеманией*, особенно модной в XIX веке. Ввиду крайней наивности произведения цитируем только первую строфу, застрявшую в памяти современников:

Я начиталась Гейне,
В голове — сумасбродов пляска.
Моей душе, поверь мне,
Стала близкой даже Аляска.

А вот её стихотворение, понравившееся мне больше других:

* * *

Ты сидишь и пишешь стихи,
От напряжения кусая губы.
А мне смешно немного, ты прости, —
Стихи не пишутся вот так — с натуги.
Без вдохновенья, без летящих слов,
Кружащих голову до опьяенья,
Как лёгкий стук твоих шагов
Или природы буйной омовенья.
Мне крикнуть хочется: «Зачем? Постой!
Не искажай того, что так непрочно,
Что ненавидит болтовни пустой,
Что так светло и непорочно!»
А ты сидишь и пишешь стихи.

БАРАНОВ АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ — режиссер, актёр, педагог

(05.05.1941, Кировоград — 06.02.2004, Москва).

Профессор (2003). Засл. деят. иск. РФ (2002). Академик РАЕН.

Ученик школы № 31. Окончил ГУЦЭИ (1963), отделение клоунады (педагоги Ю. Белов и Б. Бреев). Выступал с номером «Клоуны в рейнском колесе». Окончил ГИТИС (РАТИ) у выдающегося режиссёра Андрея Гончарова и высшие театральные курсы по специальности режиссер массовых представлений. Два года работал режиссером Сахалинского облдрамтеатра им. А. Чехова, где поставил ряд спектаклей; в 1970-1972 гг. — художественный руководитель Московской дирекции «Цирк на сцене». Позже почти 10 лет проработал режиссером-постановщиком в Свердловской филармонии, основал и провел Республиканский фестиваль искусств «Уральские самоцветы» (1978, 1979, 1980). Там же начал преподавательскую деятельность в Институте культуры. Вернувшись в родной город, в 1982-1985 гг. он — художественный руководитель Кировоградской филармонии. За это время создал

камерный оркестр, народный ансамбль, ежегодно проводил рок-фестивали с участием группы «Ария» и др. Провел фестиваль по случаю столетия великого пианиста и педагога Г.Г. Нейгауза, уроженца Елизаветграда/Кировограда, в котором принял участие С. Рихтер. С 2000 г. Баранов жил и работал в Москве. В Моск. гос. университете культуры и искусства вёл курс постановки шоу-программ (на кафедре культурно-досуговой деятельности); одновременно работал в Моск. институте рекламы, туризма и шоу-бизнеса — декан факультета и заведующий кафедры актёрского мастерства. Из написано А. Барановым: учебное пособие «Звукорежиссура — профессия творческая». М., 2002.; Статья «Блистательный Майоров» в журнале «Театральная жизнь. 2002. №2.

В последние годы жизни раскрылась ещё одна ипостась его личности — реализовалась его страсть к поддержке, попечительству ярких личностей, непризнанных или забытых талантов, к открытию новых. Как результат, А. Баранов создал и возглавил культурно-благотворительный фонд поддержки современного искусства («Фонд Поддержка»). Так, художников Украины Баранов показывал в Сан-Франциско, в Москве организовал выставку работ художницы Панфиловой, дочери героя войны и питерской художницы Марины Тиме-Блок, племянницы Блока, до этого известных только узкому кругу. Благодаря Баранову мир узнал ленинградского художника Игоря Майорова, талант которого при жизни не был признан. Благодаря нашему подвижнику его картины попали в коллекции известных людей: от Окуджавы и Горбачёва до А. Шварценеггера и Ж. Ширака.

Сам Анатолий Баранов — тоже большой коллекционер прекрасного. В этом он — продолжатель традиции отца и деда, у которого до революции была большая коллекция живописи и антиквариата.

О человеке лучше всего говорят не слова, а его дела. В его увлечении мы находим большее, чем обычное дело. Он дарит людям радость, он помогает не угасать талантливым звёздам.

Как тут не вспомнить слова, подаренные ему в молодости великим Журавлёвым: «Сохрани тепло души своей, Анатолий. Это так важно в юности, но ещё важнее в старости».

Сергей Миляев (ЛГ, 16-21.05.2001)

Учёба и дружба великих А. Гончарова, Дм. Журавлёва, Махмуда Эсамбаева, работа вместе с Эмилием Кио-старшим, А. Джихарханяном и Евгением Леоновым отточили профессионализм Баранова, одновременно воспитали в нём душевную доброту, чуткое отношение к людям. Всё это он смог передать, в свою очередь, обучая молодых.

Я впервые увидел его, когда он репетировал с молодой актрисой. Он старался, чтобы из неё пошли эмоции.

- Ну, крикни что-нибудь!
- Что крикнуть, Анатолий Яковлевич?
- Ну, крикни, Баранов — тидак!!!!

Мне посчастливилось работать с ним в университете и учиться у него, как надо преподавать, чтобы было понятно и весело.

Он не дожидаясь двух месяцев до выпуска «Энциклопедии Эстрады XX века», чтобы увидеть там статью о себе.

Сергей Пинсон

Анатолий Баранов редко посещал «Бригантину» — только приезжая из Москвы в Кировоград к родителям. Помню его осенью 1963 года. Тогда он уже окончил цирковое училище и учился в театральном, нынешнем ГИТИСе. Разительно отличался от нас своим артистическим видом. При общей нашей расхристанности он смотрелся так, вроде всегда был во фраке, на шее красовался галстук-бабочка. Вид был надменный, столичный. Дистанция между нами подчёркивалась. Кстати, никто и не догадывался, что он был старше нас в среднем на 5 лет — ведь фактически все мы были ровесниками и о возрасте не задумывались. В моём дневнике 1963 года о А. Баранове всего две записи.

06 сентября 1963 года:

Зойка — новая девчонка в нашем клубе (речь идёт о Зое Олейник — Т. Б.). Яркая, очень красивая. Огромная чёрная коса. Сильный характер. Как смело она отвечала С.К. и «московскому гению» Анатолию Баранову! Я бы там не смогла. Я перед ними теряюсь. Даже ничего не смогла ответить на его замечание о том, что я обратилась к нему на «ты».

(Но ведь все мы тогда были на «ты», и обращались друг к другу просто, чаще всего: «Валерка», «Танька», «Вадька»!).

29 сентября 1963 года:

Валерки (Гончаренко — Т. Б.) не было — ещё в колхозе. Не читали — никто ничего не принёс. Зато Баранов читал нам много Маяковского, Когана, Луговского и Рождественского, которого, кстати, он не любит. Он учится в МАТИ и презирает провинцию. Обсуждали новые стихи Евтушенко. Мне понравились только: «Очарованья ранние прекрасны», «Смеялись люди за стеной», «Нет, мне ни в чём не надо половины!». Вадька (Гребенюк — Т. Б.) придумал тему, на которую мы должны написать стихи на следующий раз: «Любовь».

Судя по фотографиям, Толик Баранов иногда сбрасывал маску пресыщенного гения, становясь доступным каждому — весёлым симпатичным балагуром. Недаром кафедру клоунады окончил!

Думая о судьбах бригаантиновцев, многие десятилетия искала имя Баранова в титрах мосфильмовских кинолент. Жаль, что не зная о его недолгом возвращении в Кировоград, не узнала его в новом худруке нашей филармонии.

Задумав книгу о «Бригантине», нашла его в Интернете только через 10 лет после его смерти — в 2013 году. Обрадовалась, увидев, как много о Баранове в мировой сети. Первой попала статья в «Энциклопедии циркового и эстрадного искусства» (2004), последней — некролог Пинсона.

Татьяна Березняк

БАРАНОВА (Авакумова) АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась 10.04.1946 г. в Кировограде в семье служащих.

В 1964 г. с золотой медалью окончила СШ № 34.

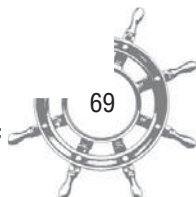
1964-1969 гг. — учёба в МВТУ им. Баумана (теперь — Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана), факультет приборостроения (вычислительная техника).

После вуза работала ведущим специалистом в НТИ при заводе счётно-вычислительных машин.

1991-2008 гг. — заместитель декана факультета довузовской подготовки МГТУ им. Баумана.

С 2008 г. работает в государственной маркетинговой фирме.

В «Бригантине» — с 1963 года.

СТИХИ (1963-1964)

* * *

Огни, огни, огни!
Далеко видны.
Цепочки огней
Всего мне милей.
Напомнят огни
О дороге большой.
Святят они и зовут за собой.
Глазок светофора
Дорогу даёт.
Вперёд, ребята, вперёд —
Строить, вершить,
Новую жизнь возводить!
Юность пытливая,
Юное племя,
Словно река говорящая.
В новое время
По-новому жить.
Все свои силы в него вложить!
Шагай по дорогам большим,
В жизни своей будь одержим!

ВЫСОТА

Под ногами снег хрустит,
Зимнее утро голубит.
Человек шагает по дороге,
Вдаль она его манит.
Рвётся в небо голубицей
К свету, солнцу и теплу.
Ты попробуй углубиться
В голубую высоту.
Чистота её хрустальна,
И прозрачна, и тонка.
Так и тянет, так и манит
Юных высота.
Высота полёта мысли,
Высота высоких чувств,
Высота полёта жизни,
Высота — хоть в чём-нибудь!

ЗАЙКА

Светлое пятнышко, солнышка лучик —
Зайчик весёлый по стенке бежит.
Нет для ребёнка занятия лучше —
Мальчик с восторгом за зайкой следит.
Вот он на коврике, вот — на столе,
Милый малыш, он крадётся к тебе!
Вдруг передумал и прыг — к малышу.
Прямо в ладоши, а я хохочу.
Он им играет и ловит его.
Зайка опять убегает в окно.
Зайка-шалунчик — дразнит людей,
Всё же нам с ним веселей!

ЛУЖИ

В лужах окна домов
распластались яркими пятнами.
Улицы мокрые
и не кажутся грязными.
Люминесцентные фонари
светят цепочкой вдали
И один одному говорят:
«Зови!»

Зови меня топтать
вперёд под дождём,
Зови меня топтать туда,
Куда все мы идём.
Зови меня в будущее скорей,
уличный свет фонарей!

БЕЛОЗЕРСКАЯ (Доленко) ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Родилась 20.12.1944 г. в г. Донецке. Детство прошло в г. Павлограде, Днепропетровской области. В 1961 г. окончила школу №8 в г. Кировограде, куда семья переехала в 1954 году. Работала в метизном цеху на заводе «Красная Звезда». В 1963 году поступила на физический факультет Харьковского университета. С 1968 года работала в Харьковском политехническом институте, там же закончила аспирантуру и в 1974 году защитила диссертацию. Кандидат химических наук. После переезда в 1977 году в г. Новосибирск преподавала физику в Новосибирском строительном институте, с 1983 года работала в Институте неорганической химии Сибирского отделения РАН.

Область научной деятельности: сверхпроводимость, квантово-химические расчёты комплексов с водородной связью, создание автоматизированного банка данных по физическим свойствам полупроводниковых материалов.

Основные занятия досуга: литература, музыка, природа, фото- и видеосъёмки, общение с близкими, переписка, шитьё и моделирование одежды.

Круг интересов: поэзия, человек (становление личности, природа таланта, детство), закономерности истории.

Т. Белозерская — Татьяне Березняк
(письмо от 17.07.2015):

Я рада, что общение в клубе дало нам первые в жизни образцы свободного высказывания, формирования своего мнения о прочитанном. Вопреки традициям советской школы, это были шаги полной самостоятельности, без штампов и эталонов. И Валерий, и Вадим, в равной мере, были талантливыми ребятами, достойными глубокого уважения. Теперь, после многих прожитых лет, я вспоминаю их с глубокой благодарностью. Двадцатилетние того времени выгодно отличались от двадцатилетних теперешних уважением и требовательностью к себе и другим, самостоятельностью, работой над собой и, конечно, романтикой.

Стихи 1960-х гг.

Я ТОЖЕ СЕЮ*

Вірші червонозорівців

Я не встречала рассветы в поле,
Тёплой земли не ласкала рукой,
Но знаю я тоже цену мозолей,
Знаю — хлеб сам не течёт рекой.

Я сева весеннего напряженье
Чувствую в пульсе цехов учащённом,
В каждом привычном руки движенье,
В своей усталости укрощенной.

* Первая публикация Т. Белозерской в заводской газете «Червона зірка», №16 (3561), чт., 18 апреля 1963 г.

Никто упрекнуть меня не посмеет,
Мир ограничив своими рамками,
В том, что я мелочью в булочной сею,
А урожай собираю буханками.

Нет, я не мелочью сею небрежно,
А каждой деталью сквозь руки прошедшей,
Каждой сеялкой новейшей,
В мочуем потоке со сборки сошедшей.

И каждый товариш мой, каждый рабочий
Может с чистой сказать душой:
Я тоже сею! Сею наш общий,
Всей страны урожай большой.

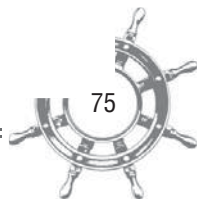
* * *

Деся забарилось мое кохання,
Очі любі вже тут, зі мною,
І, подолавши мое вагання,
Звуть і уводять мене за собою.

Йду я за ними, та так несміло,
Ніби проміння мені не вдосталь.
Робить найкращий мій час немилим
Юної мрії зваблива постать.

Почуттям своїм в чисті очі
Я відверто, суворо дивлюся.
В них відбилися щасливі ночі,
Що за щирість їх так боюся.

Забарилось мое кохання —
Це тепер вже я можу сказати,
А тоді на твоє прохання
Я тебе не могла цілувати.

ВЕЧЕР В КАФЕ

Дом на углу дышит светом и музыкой,
В дом этот молодость входит парами.
Входят влюблённые и входят дружески
Просто девчата, просто с парнями.

Мы сегодня в кафе собираем ребят,
Тех, кто с нами дорог неизвестность пахал.
На столах, среди вин, апельсины горят,
Как костры, в ореоле запахов.

Нам волнение румянит лица,
Пары в танце плывут за нами,
И, чуть с завистью, смотрит улица
Любопытными окон глазами.

Мелькают улыбки и чьи-то брови,
Мелькают рисунки абстрактные стен.
Ты улыбнулась, и вот уже сброшен
Первый гнетущий неловкости плен.

В многогранности бус огоньков отраженье,
Каждый сердца удар — дирижёра взмах.
Мне кажется: музыка — от моих движений,
А ноты её — у тебя в глазах.

Дом на углу дышит светом и музыкой,
В дом этот молодость входит парами.
Входят влюблённые и входят дружески
Просто девчата, просто с парнями.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

У моей ошибки первой
Брови круто дугами,
Да некстати так, наверно,
Встретили друг друга мы.

Виноградник под луной
Матовыми гроздьями.
Хорошо, что мы с тобой
Юные, не взрослые...

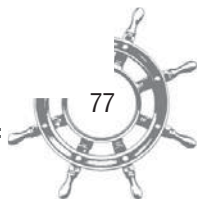
Как у тайны этой первой
Вихри ночь пригладила,
Сочно краска винограда
Губы на помадила.

И от ласки у тебя
Очи со хмелинкою,
Под луною тень моя
Тонкою былинкою.

Закатилась луна,
Только луч украдкою
Подглядел, что у меня
Губы тоже яркие.

А закаты на реке —
Увертюра ранняя,
Будто солнышка и Буга
Нежное свидание.

Оттого в те вечера
Я была нестрогою,
А слыла я у ребят
Раньше — недотрогою.

МЕЧТА

Как знамя сквозь сильный ветер,
Мечту я несу по жизни.
Я за неё в ответе
Перед совестью строгой и чистой.

Я боюсь, чтоб не стала комичной
Та мечта, что из детства вынесла,
И молчу, как об очень личном,
Чтоб её не назвали вымыслом.

Я её затирала в буднях,
Где житейские злые мелочи,
Где в чужих углах неуютных
Жили люди легко и мелочно.

Там над нею смеялось пошное,
Равнодушие бросало вызов ей.
И в вопросе застыло прошлое:
— Как я — вывезу или не вывезу?

А друзья мне уж очень верили,
Снова голову поднимала я,
И трепало свежее веянье
Чёлку русую и упрямую.

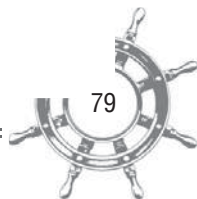
И если рукой могучей
За древко возьмёшься ты —
Взовьётся выше и круче
Знамя моей мечты!

* * *

Я люблю.
Это значит,
на огромных листах альбомных
я рисую твои глаза.
Те глаза,
что открыли мне счастье.
Я счастливая!
Вы-то знаете,
как порою от счастья тесно
в оболочке из слов и улыбок?
И тогда
пусть глаза-антенны
излучают волнами счастье
в атмосферу уж очень разных
человеческих ощущений.

Я не знаю,
что ты ответишь!
Может быть,
я сейчас представляю
интереснейшее явление —
несчастливых влюблённых счастье.
Оно чисто,
как зимнее утро,
пусть с холодным,
но ярким солнцем.
Не боюсь твоего ответа!

НЕЛЮБИМОМУ

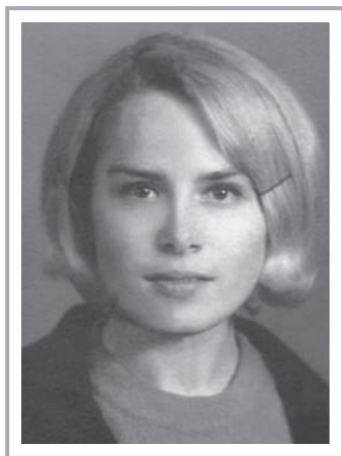
Ты — как якорь, а мне бы дерзкого,
Мне б отчаянного рулевого.
Мне в любви твоей просто тесно.
Понимаешь, ищу я другого.

И не нужно мне глаз умиленных.
Слов признанья не нужно липких.
Я хочу, чтоб были у милого
Гнев и боль, чтоб была улыбка.

И тянуться хочу за ним я.
Догоню — увлечённость пройдёт.
Я хочу, чтобы мой любимый
Шёл по жизни на шаг вперёд.

Ты — как якорь, а мне бы дерзкого,
Мне б отчаянного рулевого.
Говоришь ты: «Всё это детство».
Все равно, я найду такого!

БЕРЕЗНЯК ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА — биолог, врач, поэт

Родилась 19.07.1946 года в г. Кировограде в семье военнослужащего.

Ученица СШ №34. После окончания Харьковского госуниверситета (теперь — Национальный университета им. В. Каразина) работала в подмосковном НИИ (ВНИИФБиП сельскохозяйственных животных). С 1978 г. по 2013 г. — врач Кировоградской областной санэпидемстанции.

Автор 4-х поэтических сборников (все — издательство «Имэкс-ЛТД»):

- «Веселье мартовской метели» (2003);
- «Любви прощальный звездопад» (2006);
- «Мной прожит год» (2010);
- «Чаепитие с закатом» (2014).

Редактор-составитель книги брата Бориса Березняка «Если меня полюбишь» (2011) и книги Светланы Ярошевской «Свідощтво про життя». Печаталась в Украине (Кировоград, Винница, Киев), Канаде (Торонто), США (Сакраменто).

С 2004 г. — член областного литературного объединения «Степ».

С 2009 г. — член киевской литстудии «Восход» при НСПУ.

Слёжкой руки Валерия Гончаренко вошла в историю «Бригантини» как «БЕЗАЛАБЕРНАЯ ДЕВЧОНКА» — по её одноимённому стихотворению 1963 года.

Из автобиографии «МНЕ ПОВЕЗЛО» (2012)

В марте 1963 года пришла в литературный клуб «Бригантина» при юношеской библиотеке им. Тараса Шевченко, возглавляемый на паритетных началах Валерием Гончаренко и Вадимом Гребенюком, тогда ещё 20-летними. В 23 апреля этого года (в Международный день книги и заодно день рождения Шекспира) мы отметили 70-летие Валерия Гончаренко — поэта, знакового для Кировоградщины. Как жаль, уже 12 лет его нет с нами...

Той весной Гончаренко (тогда просто — Валерка) свозил нас в Канев к Кобзарю. Впервые на Чернечьей горе! Моя восторженная память:

Ты помнишь Канев?
Мы на круче...
Когда-нибудь
нам было ль лучше?
Цветенье Троицы вокруг,
И перед нами —
Днепр могучий!..

Согретые хрущёвской «оттепелью» (на излёте), влюблённые в свою юность и всю мировую поэзию, учились писать по Вознесенскому, Рождественскому, Евтушенко. Через них — наше заочное знакомство с Цветаевой и Пастернаком, встреча с которыми произойдёт пару лет спустя. Гениальные поэты XX века предстанут перед изумлёнными глазами и потрясённым слухом моего поколения в виде синих томов Большой серии Библиотеки поэта и останутся с нами не великими поэтами, а людьми, с которыми прожита жизнь.

А пока начало 60-х. «Бригантинцы» открывают для себя Федерико Гарсиа Лорку (в переводе Савича), раннего Павла Тычину и... друг друга. Юрий Каминский (тоже — 20!), представляя меня уже маститому Валерию Юрьеву, шутил: «Я открыл тебя, как Бурлюк — Маяковского. Пиши!». «Судьбоносное» совпадение 70-летия Маяковского и моего 17-летия клуб отмечал выступлением в библиотеке им. Тобилевича (теперь — Кировоградский городской литературно-мемориальный музей И. К. Карпенко-Карого), читаю свои «Апрельские звёзды», «Молодо — зелено», «Безалаберную девчонку» — стихи, ставшие моей визитной карточкой той поры. «Снова, снова влюбилась глупая, безалаберная девчонка!..»

«Бригантина» — первая юношеская литстудия, так отчего же она так много значит в моей жизни? Она — мой первый парусник в океане любви и поэзии... Первый бал Наташи Ростовской — выход в свет!

«ОЙ, ДО ЧОГО ТА НІЧ МУЗИКАЛЬНА!»

Вона — з дзвінкого покоління кіровоградської «Бригантини» 60-х років, на якій вирували пристрасті поетичних боїв ще до відомого «Сівача». «Бригантина» кипіла молоддю — молоді вчителі, студенти та школярі (більшістю), машинобудівники, журналісти. А керівниками цього клубу були «метри» — члени обласного літературного об'єднання Валерій Гончаренко та Вадим Гребенюк. І читала тут свої вірші юна Тетяна Березняк, закохана в Маяковського, Пастернака, Цветаєву. Біолог за професією, вона пройшла велику школу життя, побувала на різних «розстаннях», а ось видала щойно книгу поезій «Весельє мартовської метели», і ми побачили знову вітрила тієї кіровоградської «Бригантини». Зберігся її оптимістичний дух, іронія, легкість, політ мрії...

Краще в цій збірці читається легко і дзвінко! Автор зберегла свій «біловітрильний» стиль дівочих поривань, а отже, — і себе, як творчу натуру.

Книга гарно виконана поліграфічно (поліграфічно-видавничий центр «Імекс-ЛТД»), а художник Андрій Ліпатов талановито підсилив поетичні заметілі Тетяни Березняк, яка нещодавно презентувала свої «Метели» в бібліотеці ім. О.Бойченка. Велелюдно.

Віктор Погрібний*

БЕЗАЛАБЕРНАЯ ДЕВЧОНКА

То, что было фантазией сна,
Намечтавшееся ночью лунной,
Принесла голубая весна
Незадачливой девочке юной...

Синеоко-задумчивый март,
Подаривший мне счастье, — спасибо!
Чувство дерзкое, словно Марс,
Сокрушающе-нежной силы...

Вспоминая сверкающий день,
Словно в память заброшу невод...
Я от счастья истаю в тень,
Как Снегурочка, — облачком в небо!

Уходящий на лето снег
На бегу задеваю сумкой,
Отвечает мне звонкий смех
Разбивающейся сосульки,

* Кіровоградська правда, 22.05.2004; літературний часопис «Стежина»

В каждой луже аукнув, солнце
Вновь взлетает к небесной сини,
Трель скворцовая несётся
Колоратурой Россини!..

На тот день я гляжу сквозь лупу
И от глаз убираю чёлку...
Снова, снова влюбилась глупая
Безалаберная девчонка!

АПРЕЛЬСКИЕ ЗВЁЗДЫ

Звёзды апрельские яркие,
Словно китайские марки.
Неба цветы-самоцветы,
Что вы там шепчете ветру?

Ночь одурманил их запах.
Небо — в весёлых залпах
Праздничного фейерверка.
Это на небе, наверно,
Блеск карнавала в разгаре.

Звёзды в счастливом угаре
Пляшут, мигая радужно.
Звёздам, как людям, радостно.
А ночь так тепла по-весеннему,
Что кажется воскресением...

Секрет потепления знаю,
Он сказочно мил и прост:
Идёт репетиция Мая,
Зажёгшая тысячи звёзд!

ВАЛЬС ПОД ДОЖДЁМ

Мелкие бусинки с облака серого
Медленно падают мне на плечо...
Радуюсь этому дождику первому,
Думать не хочется мне ни о чём.

Воздух пронизан звенящими струями,
Под абажуром дождя — фонари.
В сумрак разбужен прозрачными струнами,
Город теперь не уснёт до зари.

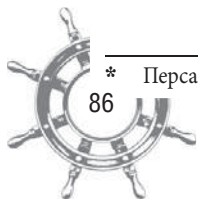
Замерла вечера многоголосица.
Зонт распахнув, я по лужам иду...
Друга хорошего встретить мне хочется,
Время придёт — и его я найду!

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО*

Поверь, зимой от елей
Струится тёплый свет.
Зелёный славлю! Зелень —
Весны победный цвет.

В огней вечернем хоре
Зелёный — там и тут.
Смотрите, в светофоре
Сверкает изумруд!

И льётся, льётся зелень
На сердце, как бальзам...
Влюбилась я в апреле
В зелёные глаза.

Как в жаркий полдень — ливни,
Так юность хороша.
Да здравствует наивная,
Зелёная душа!

ОСЕНЬ

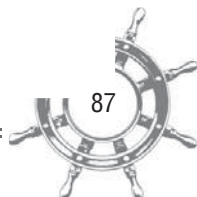
(Слушая Сибелиуса)

1

Вечер.
 В осенней одежде
 лисьей.
Ветер.
 Играя, срывает
 листья.
Листья.
 Носятся грустным
 вальсом
Над асфальтом.

2

Осень,
 ты скоро станешь
Нищая
 и босая:
Ветер,
 воруя,
 бросает
В копилку
 монеты счастья.
Стая
 грачей блестящих
За горизонтом
 тает.

* * *

Нет, никто столь счастливым не был!
Оттого и душа напоказ.
Ярче солнца зажглось на небе
Счастье, выпрыгнувшее из глаз!

Чувств весенних моих кантилена
Навевает то радость, то грусть...
Не любила Снегурочка Леля.
Как она, я л ю б в и дождусь!

И меня, как Снегурки, не станет,
Превращусь я в прозрачный ручей.
Но сейчас этот день, что тает,
Мой. И больше ничей, ничей!

Может, в будущем буду стремиться
Прятать счастье в укромный лаз.
А пока в небесах — жар-птицей
Моё счастье!.. Слезою из глаз?..

* * *

«Приручи меня», — попросил Лис.

А. де Сент-Экзюпери

Влюбиться — какая мука!
И приручаясь сама,
Отчаянья чувствую руки,
Холодные, как зима.

А я вырываюсь на улицу
И в детство, как в сон, бегу.
А там под ветром волнуются
Ромашки на берегу.

Танцуют серебряно вербы...
Я память о том сберегу:
Мне птица о спутнике верном
Гадала на том берегу.

Коварная, злая птица!..
Грустя, оторвусь от земли
И буду, как ветер, носиться
За облачком, что вдали...

Но облачко станет тучей,
А солнце — огарком свечи,
Но где же тот самый лучший,
Кто сможет меня приручить?

ИЗ «Автобиографии»:

*Помню мою первую поездку в Канев к Кобзарю,
организованную Валерием Гончаренко и оставшуюся
в памяти моей стихами.*

В КАНЕВЕ

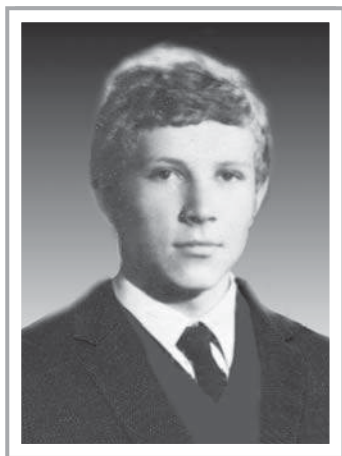
Ты помнишь Канев, давний друг?
Среди душистых трав на круче...
Когда-нибудь нам было ль лучше?
Цветенье Троицы вокруг,
И перед нами — Днепр могучий!..

Блаженствуй здесь, стихи пиши
Про аромат травы примятой,
Как многоцветием богата
Звенящая степная ширь:
Чабрец, шалфей, полынь и мята...

Как щедро жизнь балует нас,
А радость сердце рвёт на части!
И льнёт к нам мир зелёной масти...
И, как детей своих, Тарас
Благословляет всех на счастье.

2013

БОНДАРЕНКО ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ — журналист, поэт, переводчик

Родился 24 ноября 1952 г. в семье кировоградского художника Н.И. Бондаренко. Детство было спокойным и счастливым, а учёба в кировоградской СШ №5 (1960-1970 гг.), в которой собрались, по-видимому, лучшие учителя города, — была предопределяющей.

Сразу после окончания школы без труда поступил на первый курс филологического факультета КГПИ, причем вступительное сочинение написал в стихах.

После окончания института в 1974 году работал учителем украинского языка и литературы в с. Криворожье Донецкой области, но по окончании первого учебного года, как водится, одел кирзовые сапоги рядового Советской Армии.

Впоследствии всецело отдал себя журналистике — работал корреспондентом областных газет и редактором в различных украинских издательствах.

Между делом освоил ряд смежных профессий, как, например, фотограф, и выучил испанский язык.

Последующие 15 лет — начиная с 1983 года — переводчик-синхронист в некоторых странах Латинской Америки.

С 2000 года постоянно живёт в России (Сахалин).

Член «Бригантины» с 1967 года.

Первая публикация — в газете «Молодой коммунар» (октябрь, 1968).

Книжка стихов «Від імені обр'їв» вышла в 1977 году (издательство «Донбасс»).

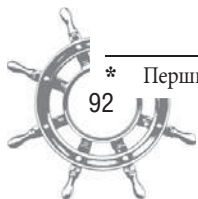
Переводы с русского на испанский. Издавались в латиноамериканских странах.

ЧЕРВОНИЙ ЛЕБІДЬ

Мені лебідь червоний мариться,
У світлицю, мов привід, іде,
І, здається, крилом торкається
До гарячих моїх грудей.
Я до нього горнущу, вслухаюся,
В дивну пісню, як небеса.
Проростає пагіння парості,
Вимальовується краса.
Ой, лебедик, ти фіалки
Повесінням принести зміг.
Бачу вітру розбиті скалки
І не можу торкнути їх.
О, той лебідь — широкі крила —
Лину вслід, вдалечінь за ним.
І червоні дзвенять вітрила,
Як обидва у світ летим.
Мудра птиця мене гукає,
Мудрим шляхом у світ веде
І я жду, я давно чекаю
Горизонту крило молоде.*

*Останні два рядки за мене дописав Валерій Гончаренко —
мій літературний наставник.*

* Перший у моєму житті опублікований твір.

* * *

Добридень вам, друзі,
Нівроку світ молодий!
Земле батьківська, здрастуй!
Підтримують небо моїх надій
Руки пращурів мозолясті.

Чатують мене від людей дурних
ікони віками намолені.
Щоки святих
на іконах старих,
на іконах старих
не голені.

Попід сивинами
на скронях шорстких
мислі юнацькі незламані.

Голос у Божої матері,
сльози у Божої матері,
очі у божої матері —
мамині.

* * *

Л. Е.

Тільки зорі на видноколі,
І місяць серпневий сумний.
Пригадались окличні тополі
На межі нездійснених мрій.

Ми з коханою мовчки просимо,
Щоб півні не співали треті.
Але вітер ногами босими
Уже човгає в очереті.

ВОЛОДИМИРІВКА

Любій Наді Самойчук

Осінь.
Крижинки перші.
Опалого листя мідь.
Чи мотоцикл, чи вершник
За греблею цокотить.

А там, де лани засніжені,
Серцем зігріті божим,
Хати під макітру стрижені
Підморгують перехожим.

* * *

Діти малюють казку,
Де заплакалось небо хмарами.
Там лігать рожеві птиці
Із очима блакитно-карими.

Там сонця, мов маленькі краплини,
З неба падають світлозливою.
Фіолетова постать церкви
Куполами хитає сивими.

А повз церкву крокують люди —
Козаки на гарячих конях.
І старий білобровий дзвонар
Гучно б'є в намальовані дзвони.

* * *

Вчився я в неписьменних грамоті,
Бачу землю скрізь скельце колосу
І Вітчизну, неначе маму,
З пелюшок впізнаю по голосу.

ЛИСТ У ПРОСТОМУ КОНВЕРТІ

Лист у простому конверті
Надійшов з голубиною поштою.
Мислі друзів відверті —
Вони чималого коштують.

Згадую теплий дощик
У березі міста милого,
Вулиці навколо площі,
Що віку не знають похилого.

Без човника і без весел,
В годину недавньої повені
Верби втекли на плеса —
Так і спинились здивовані.

Милуюсь далекою миттю —
Сонечком на Інгулі,
Де нашому довголіттю
Заздрять тутешні зозулі.

В сяйві юнацьких споминів,
Так само, як і тоді,
Розжарені дротики променів
З шипінням зникають в воді.

* * *

Джерело гаряче, аж кипить вода,
В джерелі вирує сила молода.
Та нема у ньому завзяття й відваги —
З джерела гарячого
Не вгамуєш спраги.

Уильям Шекспир

СОНЕТ 66

Я верю в смерть, которой не хочу
Ни богачам, ни чуждым мне по нраву
Гулящим девкам, нищим, палачу,
Над простотой затеявшим расправу.

В почете нынче ложь и клевета,
За правду всяк сожжён или повешен.
Толпа безумцев отмахнулась от креста,
Но каждый, по отдельности, — безгрешен.

Пророков нет. Поруганную честь
Не воскресит святая добродетель.
Глупее глупости бывает только лесьть
Или предательство... и я тому — свидетель.

Боюсь, что после смерти — вне меня —
Любовь моя не проживет и дня.

Свободный перевод — В. Бондаренко

* * *

Тамарі Поляруш

Весна залікує рани,
Сонце вийде з-за хмар нескорене.
Журавлиними лемішами
Небо вранішнє переорене.

Життєствердний пташиний клекіт —
Дивна пісня на срібній струні.
Слов немає —
Лунають далекі
Наголошені голосні.

ВОЕВОДИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ — спортсмен и поэт

Родился в январе 1946 года. Учился в Кировоградском педагогическом институте имени А. С. Пушкина, факультет физвоспитания (1963-1965 гг.).

Из письма Н. Волынского Т. Березняк от 21.06.2017

О Воеводине могу сказать очень мало. Он после службы в армии приехал в Питер. Долго жил у меня на 3-й линии Васильевского острова, мы ходили с ним по разным ЛИТО, в Союз писателей, он читал свои стихи — ранние, почему-то после армии ничего не написал. Потом устроился на работу в пожарную охрану — его охотно ваяли как отслужившего. Дали прописку, общежитие. Но через пару месяцев он заявил, что в Питере ему не нравится. «И солнца мало, поеду в Ригу, там у меня отец». И уехал. С тех пор о нём ничего не знаю совершенно. Перед отъездом он обещал писать, но так ничего не написал. Это было, кажется, в 69-м или 70-х годах.

ОСЕНЬ

Осень — рыжая романтика,
А мне грустно почему-то.
В небе газовые бантики
Облаков, знакомых будто.

Осень, выглянь из-за облака,
Вздыхни чуть слышным листопадом.
И что стряслось с привычным обликом,
И что случилось с милым садом?..

Мы с рыжей — очень давние приятели,
С ней как-то хорошо мечтается.
Одни мы с ней — безусые мечтатели...
Когда с деревьев лето осыпается,
Во мне моя фантазия рождается.

Фантазия осенняя — чудесная страна,
Где голубика глаз упала в небо.
И там живёт с косичками одна —
Та, которой вовсе не было...

Моя фантазия — ты небо голубое,
Сентябрь голубой, дождливый, яркий.
Я никогда не загрущу с тобой,
Как не грустят весной парки.

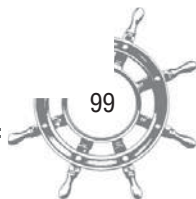
СОЛДАТСКИЙ ВОСКРЕСНИК

Вы знаете, здорово это,
Когда простые солдаты
Не роют окопы где-то —
Сажают берёзки и яблони,
Снимая свои бушлаты.

Солдат поднимает берёзку
И держит её, как облачко.
Оркестр играет хлёстко,
Задиристо звонкое «яблочко».

Ребята, скрутив самокрутки,
Смеются чему-то весело.
А солнце так любит шутки,
Как любят солдаты песни.

Вы знаете, здорово это,
Когда простые солдаты
Не роют окопы где-то —
Сажают берёзки и яблони,
Снимая свои бушлаты.

* * *

Обломился угол облака
проливным дождём июльским.
Дождик хлещет
по ногам и улицам...
Выбежала за околицу
девочка в платье простеньком,
весело поймала облако,
выжала его, как простыню...
И не хлещет больше дождик
по ногам и улицам!

* * *

Во дворе морозы
шлифуют ледок из грани.
У тебя краснобокое лето
Яблоком зреет в кармане.
— Вовка, отдай мне лето!
Ну, что ты грызёшь авторучку?..
Лампы висят, как яблоки.
Хоть подсади и срывай.
Нам из газеты — кораблики,
Нам из луны — каравай.

* * *

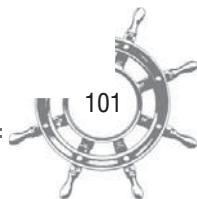
Между мной и тополями
Солнце на лучах шаталось.
Ослепить меня пыталась
Та, которая осталась
Между мной и тополями.
Листья меж собой шептались
На своём наречье: «лето»...

Ты ж была далече где-то.
О тебе, наверно, это
Листья меж собой шептались.
Подарить тебе подарок?
Яркий, праздничный, весенний...
Солнце на лучах висело.
И его решило сердце
Подарить тебе в подарок.

МАМА

Вы знаете, что такое мама?
Родная и близкая. Нет.
У меня на сердце огромный камень
Вопросов, которым нет ответа.
«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...
Раз, два, три, четыре, пять... Я иду искать!»
Косички, косички, рыжие лисички.
Огоньки бантиков, яркие, как фантики.
Палочка-стучалочка, выручь, выручалочка!
Девочка-скакалочка, недотрога Галочка.
Что смеёшься надо мной?
Я смешной?
Может, я совсем другой?
Может, я совсем плохой?
Только я с тобой
Сам не свой.
Колька, тебя зовёт мама...
Какая мама?
Что-то к горлу подошло упрямо...

Может, ты пришла ко мне из детства.
Быть может, ты зайдёшь...
И включишь свет... во мне
И скажешь:
— Сынка,
Разогреть тебе картошки?..
Ты только подожди.
Устала я...
Хоть отдохну немножко.
Но всё прошло...
Пропало всё куда-то,
Остался я один,
Совсем не виноватый.

— Сынок, это твоя новая мама.
И что-то оборвалось там внутри.
Как это — новая мама?
Разве может быть другая мама?
Которая была... Которой нет...
А эта новая,
Стоит, как айсберг,
Стоит, как ночь.
Я кричу... Я не хочу... Я не хочу
Новых мам! Я хочу!
Мне надо свою, мне надо мою,
Добрую и хорошую,
Родную и близкую,
Мою... и только мою!

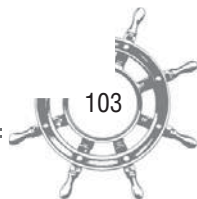

* * *

Одуванчик луны осыпался.
Снег, ну сыпь, ну сыпь же, снег!
Одуванчик повис над крышей,
Стебелёк уронив на землю —
Стебель лунной дороги.
Снег, прошу, ну сыпь сильнее.
Сыпь, чтоб всюду белым было,
Чтобы всё хрустящим стало!
Сыпь, ну сыпь, снежок, сильнее!
Ах, как мне хотелось снега,
Чтоб в сугроб и я, и губы,
Чтоб плясать мне в хороводе,
Взявшись за руки снежинок!
Чтобы просто шёл белый снег.
И одуванчик луны осыпался...

* * *

Опустилось солнце
В камыши ресниц...
Очень тихо, очень грустно.
Это бабочки порхают,
Однодневки-бабочки...
Вы поймёте мою грусть?
Только тихие глаза
Однодневками порхают,
Голубыми бабочками...
Нет, наверно, не поймёте.
Два голубых солнца
Опустились
В камыши ресниц...

* * *

Наступает вечер звонкий.
Дышит дом ноздрями комнат.
Только рыжая знакомка
Обо мне совсем не помнит.
Просто вовсе не дышал я
Этим тихим, робким взглядом.
Может, был я просто шалью,
Надоевшей, ненарядной?

* * *

Когда я брожу по городу,
Бесцельно шатаюсь по улицам,
Меня неизменно к вокзалам
И тянет и что-то влечёт.
Я знаю, зачем на вокзалы
Несут меня ноги поспешно.
Меня одиночество гложет!
А здесь... здесь так много людей.

* * *

Слышу печальное Ave Maria.
Рижские улочки очень кривые.
Только в Риге пролётка промчится —
Пара гнедых из лазурного ситца.
Пара гнедых — и больше нигде:
Ни в Ленинграде, ни в Кулунде
Ты не услышишь Ave Maria.
Волосы башен дымно-седые
И мостовые — спины гнедых.

Где вы, янтаринки дней золотых?
Слышу печальное Ave Maria.
И прорастают сквозь стены глухие
Сочных травинок в лугах хоровод,
Синих дождинок и солнца восход.
Слышу печальное Ave Maria.
Рижские улочки очень кривые.

* * *

Эвридика, не волнуйся,
Не печалься, Эвридика.
Заплети живое время
В две школярские косички.
Школьный бал настал последний.
Ты смеёшься и танцуешь,
Ничего не замечаешь...
Этот бал последний... чуешь?
Вальс, бесстыжий оленёнок,
Не даёт сидеть девчонкам.
Вы танцуйте, все танцуйте,
Смейтесь весело и звонко.
А потом всё было странно...
Правда? Правда, Эвридика!
Только ветер, будто пьяный,
Гладил кольцами косички.

* * *

Я верю в святость Джульетты,
Я верю в верность Ромео.
Можно ли видеть в чёрном
Проблески синего цвета?
Слышу безликие губы,
Вижу безмолвные вздохи,
Ползёт из тюбика паста
Слов и нежных, и грубых.
О, эта липкая вязкость,
Мухи — и те осторожней.
— Верю в святость Джульетты! —
В горле лопнули связки.
Небо зашаталось и упало,
Ободрав о деревья коленки.
Упала и больше не встала
Девчонка по имени Небо.
Но сердце радостно качнулось.
На пол упали сигареты.
И, разогнув свою сутулость,
Я крикнул: «Верю в вас, Джульетты!»

Из письма В. Воеводина к Л. Гребенюк из армии

(1 февраля 1965 года, Тула)

Видишь, Лида, я ошибся на целый год, сперва написал 1964, потом исправил. Мне стало немного грустно. Чёрная кошка вечера спрыгнула с крыши соседнего дома, держа в зубах твоё письмо. Кошка принесла вечер, стало тепло. Белая ладонь конверта принесла день. Кошка больше не вернётся... а чёрт с ней! Цепями рук я сдавил голову и вспомнил тебя, Лида.

Рыжие лисы мыслей убежали всё дальше и дальше...

Белый день ладони оказался до сумасшествия своим; до какой-то щемящей боли — родным и близким.

Рембрандт фотографии потряс меня, выбил из колеи... я вспомнил всё... Поезд моих воспоминаний промчался по рельсам строчек твоего письма...

Может, он остановится где-то у Кировограда. Неужели Вовка в Армии? Вадька в райредакции? Не завидую. Я сбежал от этой газетной каторги. Немного работал в райгазете кором. Золотая поговорка — везде хорошо, где нас нет.

Вся эта самогонка новостей схватила мою голову, оторвала её от шеи и принялась дубасить меня, на чём свет стоит. Не веришь? Вот пришлю фото — там одна моя голова! Я вышел в люди? Чепуха!!! Но, что живу очень остро и интересно — не отрицаю. Эх, жизнь... А слушай, Лидка, вот кончишь 11 классов — сматывайся к чёрту на кулички, не пожалейшь... Жизнь моя очень трудна, даже очень, без преувеличений. Живу, откровенно, в нужде, и поэтому интересно живу. А раз живу, вот это, значит, и здорово!!! Лидочка, послушай немного моей неразберихи.

Лида, недавно мне исполнилось 18. Я уже старик... не правда? Лида, почему все захандрили? Почему развал? А где Гончаренко? На днях мне Зоя прислала очень хорошее письмо...

Лида, почему так долго молчала, наверное, за что-то обиделась. Да всё прошло...

Присылай свои шедевры.

С приветом ВОВА ВОЕВОДИН

Насонова с Воеводиным (1964 г.)

ВОЛЫНСКИЙ НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ — писатель и журналист

Родился 7 января 1949 года в г. Златополе Кировоградской области (УССР). Среднюю школу закончил в Кировограде (СШ № 11 — Т.Б.). Там же с 14 лет начал печататься в местных газетах.

После школы провалил вступительные экзамены в МГУ, вернулся в свой город и был принят корреспондентом в районную газету «Заря коммунизма» («Зоря комунізму»). Через год, уволившись, отправился по стране, чтобы в итоге вернуться на землю предков по отцу в Петроград (теперь Санкт-Петербург).

Освоил несколько профессий. Работал техником-дозиметристом в Северо-Киргизской геологической экспедиции (Тянь-Шань — хребты Акшийрак и Джангарт, от 2,4 до 6,5 тыс. метров над уровнем моря), слесарем, жестянщиком, сварщиком, водителем такси, музыкантом в ресторанном оркестре, техническим редактором издательства, учителем вечерней школы (русский язык и литература и немецкий язык). Одновременно печатался в крупных газетах и журналах.

В 1967-1974 гг. корреспондент газеты «Ленинградский университет».

В 1972 году принят в Союз Журналистов СССР — самый молодой член СЖ на тот момент.

В 1969 поступил на филологический факультет Ленинградского университета (кафедра германской филологии), но был отчислен с третьего курса по политическим соображениям — распространял тексты Солженицына в самиздате.

Попал в местный «проскрипционный» список ОК КПСС и был вынужден прекратить журналистскую работу.

Через три года был восстановлен в университете, но — только на кафедру русского языка и литературы. В восстановлении на кафедру германской филологии ему было отказано.

Закончил университет в 1979 году.

После 1982 года политическая ситуация в стране стала более либеральной, и Н. Волынский вернулся к журналистской работе.

С 1979 года — редактор медицинской газеты «Пульс»

С 1984 года — корреспондент крупнейшей в стране региональной газеты «Ленинградская правда».

Снова стал печататься во всесоюзных и республиканских журналах и газетах — в «Советской России», «Неделе» (воскресное приложение к газете «Известия»), в «Правде». Публиковал собственные документальные и художественные произведения и художественные переводы с немецкого и английского языков в журналах «Подъем», «Барвинок» (Киев), «Север», «Волга» и др., в альманахах и сборниках «Лениздата», в которых были опубликованы его несколько художественно-документальных повестей, в частности, «Кофе из Коста-Рики», «Трубный зов», «Райские яблоки» и др. В этом же издательстве в 1989 году вышла первая отдельная книга Н. Волынского «Разогнём ли согбенные спины?».

В те годы в стране разворачивалась перестройка, посеявшая много несбывшихся надежд, и Н. Волынский, как и многие тогдашние оппозиционеры (тот же А. А. Собчак), подал заявление о вступлении в КПСС и был в партию принят. Правда, со второго раза. Вскоре за-

кончил дневное отделение Института политологии (бывшая ВПШ) по специальности «Политическая психология».

21 августа 1986 года в 13 часов редакция газеты «Труд» пригласила корреспондента «Ленправды» Н. Волынского на должность собственного корреспондента по Ленинграду и области.

В 16 часов того же дня он получил аналогичное предложение от «Советской России».

В 19 часов того же дня работу собкора Н. Волынскому предложила газета «Правда».

Выбрал «Правду», где проработал больше 20 лет.

В августе 1989 года, когда к власти в Ленинграде в результате единственных до сего дня действительно честных выборов пришли к власти антисоветские и антирусские силы, Н. Волынский на второй день опубликовал в «Правде» критическую статью «Переменилась власть». Это была на тот момент единственная в СССР публикация, в которой новая власть была оценена как исключительно враждебная России и разрушительная. В статье автор предсказывал скорую и неизбежную геополитическую катастрофу, сравнимую с падением Древнего Рима, — разрушение СССР. Судя по всему, считал автор, на КПСС никаких надежд нет, и её песенка тоже спета. Ничтожные наследники промотали наследство великих предшественников.

Тогдашняя сознательная общественность (коммунистическая и антикоммунистическая) в стране и за рубежом ответила яростью и злобой на публикацию «Правды» — одной из крупнейших газет мира. Долгое время редкий день обходился без травли Н. Волынского в разных СМИ — отечественных и зарубежных. В коллективной охоте на Н. Волынского приняли участие такие популярные журналы, как «Огонёк» (ред. В. Коротич) и «Демократический союз» (В.Терехов), «Хроника текущих событий» (С.Григорьянц), газеты «Московские новости» (Е. Яковлев), «АиФ» (В. Старков), альманах «Век XX и мир» (А.Алексеев, Ю.Нестеров), парижская эмигрантская газета «Новое русское слово» и др. Эта последняя опубликовала письмо с голос-

ловной руганью в адрес Н. Волынского. Письмо подписали академик Дм. Лихачев, писатели Д. Гранин, Б. Стругацкий, Н. Катерли, В. Кавторин, Е. Анисимов и еще человек 5-6. Правда, два года спустя академик Дм. Лихачев принес Н. Волынскому свои запоздалые извинения.

В охоте на Н Волынского также поучаствовали радиостанции «Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки», местные газеты «Смена» и «Час пик», ленинградское ТВ — программы «Пятое колесо», «Перестройка», «Горизонт» и другие. Единственным союзником Н. Волынского тогда оказался питерский популярный телерепортер А. Невзоров со своей знаменитой программой «600 секунд».

Новые демократические депутаты Ленсовета и члены разных прогрессивных политических объединений и партий — «Ленинградский народный фронт», КПСС-Демплатформа, «Демократический союз» (В. Терехов, Е. Дебрянская, К. Подольцева, Е. Зеленская, В. Новодворская) на своих митингах и в расклеенных по городу листовках требовали от новой власти примерно наказать врага демократии Н. Волынского. Пленум местной организации Союза журналистов СССР в октябре 1989 года попытался исключить Н. Волынского из СЖ за «недемократические взгляды», но не получилось: некоторые журналисты, не потерявшие совесть и разум, обвинили пленум в покушении на свободу слова. Дело замяли.

Новый демократический Ленсовет на первом же своём заседании поставил вопрос о высылке Н. Волынского из города. Однако вмешался А.А. Собчак: посоветовал депутатам идти путём закона и для начала подать на Волынского в суд. На том дело и стало — законных оснований для иска не нашлось, хотя искали активно.

Самое печальное: прогнозы журналиста, вызвавшего столько раздражения и злобы, полностью, к сожалению, сбылись.

В газете «Правда» Н. Волынский проработал до момента, когда газета перешла в собственность КПРФ и партруководство стало превращать всё ещё популярное издание с мощным, не использованным до конца ресурсом, в средство саморекламы и самоудовлетворения.

Напоследок Н. Волынский опубликовал в родной газете сатирическую статью «Как я увеличила свой бюст» — о бесплодных амбициях КПРФ выражать интересы трудового народа. И уволился.

Создал собственные газеты «Правда на Северо-Западе» и «Рабочий Петроград», а также собственное издательство «Правда». Через 8 лет был вынужден закрыть издательство из-за непосильных налогов. По той же причине еще раньше закрыл обе газеты.

Сейчас имеет свой информационно-публицистический и познавательный портал <http://n-volynsky.ru> «Остросюжетная книга», но основное время отдаёт литературному труду, который отбирает силы, но не кормит: Россия перестаёт читать.

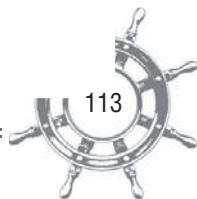
Последние, наиболее заметные работы Н. Волынского — исторический детектив «Наследство последнего императора» (трилогия) и роман-триллер «Год беспощадного солнца». Их продают несколько десятков обычных и интернет-магазинов, отечественных и зарубежных, в том числе «Amazon», «Ozon», «Litres», «Библио-глобус» и др. А также предлагают для бесплатного скачивания сотни пиратских ресурсов, с которыми бороться пока невозможно. Если бы эти книги вышли в те времена, когда страна была читающей, они вряд ли пролежали на прилавках больше недели. Особенно, в Петрограде.

Художественные переводы с немецкого и английского языков: больше всего Н. Волынский работал с произведениями таких мастеров прозы и поэзии, как Э.-М. Ремарк, Ганс Фаллада, Ингеборг Бахманн, Роальд Даль, Вальтер Йенс, Луис Фюрнберг, Вульф Кирстен, Вольфганг Борхерт.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Персональный сайт: <http://ng-volynsky.ru>

Апрель 2017 г.

НАСЛЕДСТВО ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА

(исторический детектив)

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть первая

1. СМЕРТЬ ПРЕТЕНДЕНТА

(фрагмент)

В ГОДУ 1992-м мая 29 дня в Санкт-Петербурге, который всего год назад был Ленинградом, в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора собралось человек полтора ста народу. Такой толпы в последние 200 лет стены собора ещё не видели.

Большинство собравшихся мужчин — в одинаковых черных мешковатых костюмах, белые рубашки, черные шелковые галстуки «анаконда» или бантики «кис-кис». Дамы тоже в трауре. Некоторые из них, по правилам Православной церкви, были в платочках. Одна повязала себе голову носовым, и его светлое пятно было видно издалека. Остальные — жены демократов или сами демократки — тогда ещё оставались атеистками. Это лет через пять они враз и чуть ли не поголовно превратились в верующих. И как только в столичных и питерских церквях и соборах обычной принадлежностью стала видеокамера «Betacam», «новые православные» зачастили в храмы с подружками, с мужьями — «новыми русскими», впрочем, большей частью как раз нерусскими. Платочки оставили и стали показывать

по телевизору всей России свои умопомрачительно модные шляпы от Диора, от Кардена и даже от Валентино.

Поначалу они отстаивали службу, держа свечки в правых руках. Потом газеты им подсказали: правая рука дана христианину, дабы он осенял себя крестным знамением. Свечи тут же перекочевали в нужные руки. Осеняться «новые православные» научились удивительно быстро, хотя в основной массе своей не были и не могли быть крещёными, а значит, и христианками. И большинство их мужчин в младенчестве прошли совсем другой религиозный обряд — обрезание. Тем не менее, крестились новые православные вполне удовлетворительно — троеперстие ко лбу, к пупку, потом правое плечо, левое. Скоро научились становиться на колени, причем, не только дамы, но и господа тоже. Больше всех в этом деле преуспел, кажется, всемирно известный виолончелист Мстислав Ростропович. Он как входил в церковь, так сразу падал на колени, словно подрубленный, чем неизменно, будто в первый раз, пугал неразлучную свою жену — всемирно известную певицу Галину Вишневскую (лучшее в Европе колоратурное сопрано, между прочим!), бывшую «девчонку-хулиганку из Кронштадта», как она сама себя называла. Очевидно, ещё с тех, кронштадтских времен с лица Вишневской и до сих пор не сходит умеренно-хулиганская, презрительно-нагловатая гримаска.

Впрочем, крестные знамения и падения на колени «новых православных» демократов — всё это потом, потом!.. Лет через пять-шесть. А тогда...

Тогда в Великокняжеской усыпальнице сильно пахло ладаном, дорогим американским одеколоном, французскими духами и немного — коньяком. В воздухе зависло тихое жужжание разговоров, действовало оно усыпляюще. Но никто не спал и даже не дремал. Толпу оживлял петербургский

мэр Собчак. Он порхал от одного гостя к другому. Тяжело уставившись в лоб собеседнику своими сильно косящими глазами, с одним он заводил короткую беседу, с другим шутил и первый смеялся своим остроумам; подойдя к третьему, бросал отточенные реплики; с вежливым молчанием внимал четвертому... Он был почему-то в темно-малиновом смокинге и при белой «кис-киске», хотя причина, по которой здесь собралась публика, была не праздничной — даже совсем наоборот.

От мэра ни на шаг не отходила его супруга. Своим траурным платьем из черного итальянского муара, который переливался всеми цветами радуги, она вызывала у дам судорожную зависть. На голове у нее был зелёный, замысловато повязанный тюрбан — её любимый головной убор, из-за которого самый тогда скандальный тележурналист Невзоров, невежда, циник и страшный ругатель, назвал её Дамой в тюрбане.

Прозвище прижилось.

Глаза у жены мэра были узенькие и распухшие, нос покраснел и тоже распух. Она поминутно прикладывала к нему маленький вышитый платочек и шмыгала в него так часто, что у постороннего человека не оставалось сомнений: ее мучит не простуда, а большое личное горе. Однако горе, а, может, и не горе, приключилось не с ней, а с другими, из-за чего и собралось в соборе так много народу.

Хоронили одного из отпрысков российской императорской фамилии, русского аристократа — князя императорской крови Владимира Кирилловича Романова. Он родился в Финляндии в 1917 году, между Февральской и Октябрьской революциями, и прожил за границей всю жизнь. И вот с тех пор, по прошествии почти семидесяти пяти лет, впервые в городе, который всё это время назы-

вали колыбелью трёх революций и цитаделью социализма, погребали представителя династии, правившей Россией более трёх столетий и закончившей свое правление бесславно и позорно. Для того чтобы погребение князя Владимира Кирилловича стало возможным в соборе Петропавловской крепости, памятнике истории культуры, президент Ельцин издал специальный указ, в котором была такая фраза: «Похоронить Великого Князя и Наследника Престола Российского в Семейном Петропавловском соборе в Кругу Его Августейшей Семьи». Между тем, соборная Императорская и Великокняжеская усыпальницы были императорскими, то есть государственными, а вовсе не семейными, не романовскими. Да кто сейчас об этом знал? А если и знал, то не помнил.

И теперь мэр города Питера не скрывал, что очень гордится собой, потому что именно ему удалось надавить на Ельцина и организовать похороны в бывшей столице империи и, главное, в соборе. На указе ещё не высохли чернила ельцинской толстенной паркеровской авторучки с золотым пером 96-й пробы, а Собчак уже подрядил некоего американца, звать Таболтом Рубином, свежеепеченного владельца восьми шикарных магазинов на Невском проспекте. Мэр лично выдал Рубину сертификат с заказом — приобрести в Италии, в знаменитой Карраре, близ Тосканы, плиту лучшего в мире мрамора для княжеского надгробия. На солнечном свете этот изумительный камень кажется живым — словно пульсирует изнутри. Известно, что великий Микеланджело Буонаротти признавал только каррарский мрамор.

За работу город заплатил Рубину хорошо. Собчак не стал скряжничать и утвердил авансовый отчет Рубина, который вывел сумму в долларах, равную годовой прибыли всех его магазинов на Невском вместе взятых.

В этой жизни князю императорской крови Владимиру Кирилловичу Романову решительно не везло. Всё началось с решения его отца — великого князя Кирилла, который на смертном одре объявил сына «единственным и законным Наследником Российского Престола».

Это было роковое решение. Остальные Романовы — дальние и близкие родственники — объявили «указ императора» Кирилла ерундой. В ответ «император» добился аудиенции у Папы римского и предложил, чтобы Папа официально, от имени Римско-католической церкви, признал права его сына на трон Российской империи вполне обоснованными. Надежда у князя была только на Рим. Он прекрасно понимал, о чём и заявил Папе, что Русская Православная Церковь, как в России, так и за рубежом наверняка откажется это сделать. Без церкви же в таком деле, как право на императорскую корону, не бывает. Папа согласился пойти навстречу и заметил, что уже почти две тысячи лет ни один монарх в Западной Европе не может считаться таковым без миропомазания — своего рода экспертизы ОТК. Корону можно получить, в конечном счете, только из рук хранителя ключей Святого Петра, то есть от Папы. Даже Наполеон Бонапарт, у ног которого лежала вся Европа и который в грош не ставил мнение Ватикана, был вынужден съездить на коронацию в Рим, чтобы получить корону непосредственно из рук понтифика. Правда, при этом он не позволил Папе завершить коронавание: выхватил корону из его рук и сам возложил её себе на голову.

Сертификат качества, точнее, папский рескрипт, где подтверждалось, что Владимир Кириллович является не только Наследником, но ещё и «Единственным Местоблюстителем Российского Престола, а также Регентом», Папа Павел VI выдал соискателю через неделю. Пообещал помочь и с коронацией. Тут уж большая романовская родня, словно с цепи

сорвалась: объявила «Наследника» не просто узурпатором, а ещё и вероотступником, ставшим на путь Гришки Отрепьева, который тоже пытался отдать Святую Русь в лапы папистов. На своём экстренном съезде родственники в две минуты, единогласно, словно коммунисты на съезде КПСС, заявили, что вопрос о престолонаследии в России может решать только Земский Собор, и применили к еретика самую жесткую, самую болезненную, а главное, необратимую репрессивную кару: отлучили Владимира Кирилловича от Дома Романовых, главой которого он провозгласил себя уже по собственной инициативе буквально за день до этого печального события...

Между тем «Наследник и Местоблюститель Российского Престола, а также Регент» и несостоявшийся Глава Дома Романовых жил не просто плохо. Он нищенствовал. Не имел ни профессии, ни ренты, ни каких-либо ещё постоянных источников дохода. Единственное, что Владимир Кириллович умел и чему предавался с неугасимой страстью, — целыми днями разбирал и собирал различные часовые механизмы. Правда, однажды попытался поработать — ещё до второй мировой войны. Тогда Владимир Кириллович с супругой и отцом своим Кириллом жил в Мадриде. Когда к власти пришел Франко и наладил самые тесные отношения с Гитлером, отец и сын Романовы решили открыть свое дело — поставлять в Испанию из Германии запчасти для немецких автомобильных двигателей. Дело обещало перспективы, но всё погубила спешка. Работать ежедневно, целеустремленно, постепенно, по маленькому шагу приближаясь к цели, оба не умели и не хотели. В самом деле, что может звучать нелепее: «Российский Император: продажа карбюраторов»! Или: «Наследник Цесаревич — специалист по распределительным валам»... Жизнь слишком коротка, богатеть надо быстро. Поэтому

уже в первой партии товара, пришедшего на имя августейших бизнесменов из Германии, оказались не запчасти, а моторы для «БМВ» и «Хорьха» в полном сборе, на ввоз которых в Испанию Романовы разрешения не имели. «Императора» и «Наследника Цесаревича» жандармы немедленно арестовали и обвинили в контрабанде. Сидеть бы им лет десять-пятнадцать в фашистской тюрьме, да вмешался каудильо. Всё-таки члены династии, императорская кровь, пострадали от большевиков и, по определению, враги его главного врага — красного диктатора Сталина. Будущий генералиссимус сеньор Франциско Франко приказал отца и сына из тюрьмы выпустить, но вид на жительство у обоих отобрал и велел депортировать для начала одного «Императора» за пределы страны в семьдесят два часа. «Цесаревичу» он велел дать отсрочку, пока его отец не найдёт пристанище.

Кирилл Владимирович собрался меньше, чем за сутки и рванул из Испании, куда каудильо не передумал. И вот тут-то обрушились на «Кирилла I» казни египетские. Ни одна из европейских стран не пустила «Российского Императора» к себе: газетчики постарались, раздули дело о немецких моторах на всю Европу. Лишь через полтора месяца мытарств и мучений Кириллу удалось зацепиться за Лихтенштейн. Великий Герцог Лихтенштейнский разрешил Романовым пожить у себя, но только инкогнито.

В Лихтенштейне Романовы пробыли недолго: началась война. Немцы вошли во Францию, и «Императорская» семья благополучно переехала в Фонтенбло, под Парижем. Получив немецкие аусвайсы, они спокойно досидели до конца войны и после разгрома Гитлера двинулись в Америку, где увидели истинный рай по сравнению с измученной Европой. Благодаря войне, Америка не просто разбогатела. Она сказочно разбогатела. Типичный гешефт тех времен: корпорация «Catod

Ltd», крупнейший производитель аккумуляторов, одной рукой посылает тушёнку русским, а другой продаёт Гитлеру свои самые мощные в мире танковые аккумуляторы, причём открыто, даже не потрудившись организовать поставки через третьих лиц. Общественное мнение Америки их не осуждало: бизнес.

«Императорская» семья, направляясь за океан, рассчитывала, что в Америке, где народ более простодушен, необразован и глуп, нежели в Европе, им легче будет вписаться в новую жизнь и подняться на вершину социальной лестницы – пусть даже на первое время, пока в эмигрантских кругах. Но их ждало неприятное открытие: публика почти не обратила на них внимания. Всех затмила тогда Анна Андерсен-Чайковская. Она находилась в зените своей удивительной славы. Ещё довоенный берлинский суд признал её великой княжной Анастасией Николаевной Романовой, подлинной дочерью императора Николая II, которая выжила после расстрела, спаслась от большевиков и сумела бежать из РСФСР. Некоторые из членов Дома Романовых её признали, в том числе и те, кто дружил с Анной, как её называли сестры и брат, ещё с детства, например Глеб Боткин, сын царского лейб-медика. Некоторое время даже Великая княгиня Ольга, сестра Николая Второго, робко утверждала: да, возможно, это Анастасия, хотя, как знать, может, и не она... Но «император» Кирилл ещё десять лет назад, после того уникального судебного решения в Берлине, публично назвал Анну Андерсен самозванкой, более того – воровкой, укравшей сначала честное имя его погибшей любимой племянницы. А теперь она с помощью своих преступных немецких покровителей нацелилась на жалкое имущество, оставшееся после бедного Ники. Встретаться с ней, вступить в публичную полемику Кирилл, разумеется, отказался. «Ну конечно! Какой же кот, укравший мясо, захочет

встречаться со строгой, но справедливой хозяйкой? — презрительно заявила Анна-Анастасия. — Берёзовый прут для вора у меня всегда наготове. И скоро дяде Кириллу придётся дать мне отчёт за всё — и за узурпацию титула, и за своё предательское поведение в 1917 году. И отвечать ему придётся гораздо раньше, чем он думает». Прут, приготовленный для вороватого кота, пока оставался без применения. На повторном процессе, в США, суд города Вашингтона, округ Колумбия, рассмотрев иск Анны Андерсен об идентификации личности, не признал её Великой Княжной Анастасией Романовой. Однако и обращения в тот же суд Кирилла Владимировича, требующего подтвердить его императорские полномочия, оказались напрасными. От такой бесполезной жизни Кирилл вскоре умер.

Сын его Владимир Кириллович объявить себя очередным «Императором» Российской империи побоялся, хотя условия изменились: теперь местные власти ему гарантировали, конфиденциально, разумеется, положительное решение суда того же города Вашингтона, округ Колумбия, о признании его Императором Российским Владимиром I. При условии, что пятьдесят процентов от наследственных капиталов, если таковые обнаружатся, будут внесены в бюджет приютившей его страны, куда Владимир Кириллович приехал за свободой. Но не хватило духу у «Цесаревича» объявить себя императором. Так и проходил всю жизнь в «Наследниках» — буквально до гробовой доски. Женился он на бывшей супруге английского банкира Кэрби — Леониде Георгиевне, которая считалась и до сих пор считается какой-то представительницей древнего грузинского рода Багратиони. В 1958 году у них родилась дочь Мария. Семья жила на колёсах, разъезжая по родственникам и знакомым, иногда выступая перед публикой в разных странах, а последнее время совершала чел-

ночные поездки между Испанией, США и Россией вплоть до смерти Владимира Кирилловича в 1992 году.

Князь в тот несчастный год отдыхал в Америке, в Майами, где в последние годы пляжи были плотно завалены тушами «новых русских» бандитов и банкиров, в основном, еврейского и кавказского происхождения. Секретарь князя, который служил Владимиру Кирилловичу за харчи, организовал ему встречу с «молодыми русскими капиталистами», как они себя называли. Бандиты весело раскупили билеты ценой от 800 до 1000 долларов за место и пожертвовали ещё около ста тысяч баксов наличными герою дня. Встреча получилась. Были слёзы радости и внезапно вспыхнувшего взаимного обожания.

Они лились и на сцене и в зале. Князь рассказывал, как он страдал от большевиков и от поганого генералиссимуса Франко. Под конец бандиты, а особенно, их женщины, совсем расчувствовались, когда князь признался, что любит Россию и готов послужить ей в любом качестве. Кто-то крикнул: «В любом – не надо!» Зал принялся скандировать: «Царём! Царём!» Здоровенный бандюган с бочкообразным животом, явившийся на встречу в полосатых семейных трусах, рухнул перед Кирилловичем на колени и взревел: «Батя! Ты наш царь! Вертайся на хату!»

Князь всплакнул, прижал руки к сердцу, открыл рот, пытаясь сказать ещё что-нибудь дополнительное о своей любви к России. Но неожиданно язык перестал ему повиноваться: заковенел, будто князь только что съел ведро мороженого. Он снова открыл рот, но неожиданно сник, отвалился на левый подлокотник кресла... И так с открытым ртом умер.

ГРЕБЕНЮК-КРЕЧЕТОВА ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА — журналист, прозаик, психолог

Родилась 27.05.1947 г. в Кировограде. После окончания СШ № 24 работала в газетах «Зоря комунізму» и «Молодий комунар». Окончила Московский институт полиграфии и книжного дела (факультет журналистики) и Высшие курсы по психологии при Кзыл-Ордынском педагогическом институте. Печаталась в газетах Кзыл-Орды, после возвращения в Украину (1980) — в кировоградской периодике («Кіровоградська правда», «Ведомости-Плюс»), сотрудничала, как психолог, с Кировоградской ОГТРК.

В клуб «Бригантина» пришла одной из первых, пробовала себя в прозе. Её первые новеллы заметил Николай Смоленчук, позже — Виктор Погрибной.

ГАНКА

Вони, як завжди, зустрілися за селом, біля каменю, що крутолобо випинався на шляху. Ганка, підбравши плаття, сіла на теплий ще граніт і притулила до нього босі ноги. Небо сіре, захмарене, як розлита повинню ріка, покотило хмарами аж за обрій і десь там розкотисто гупало громовицею.

— Скоро дощ буде, — піднявши кирпатого носа, сказав Толя.

Ганка мовчала. Прикусивши маленьку нижню губку, вона дряпала хворостинкою по сухій спраглій землі. Іноді зводила горіхові очі і якимось так дивно дивилась на нього.

Толя ніяковів під цим поглядом. Він сів на землю біля її ніг, зіщулився.

— А в мене задачка з арифметики не вийшла, — раптом сказала вона.

— Яка? — похвавішав Толя. — Про трактора, що орав поле? Я теж попосидів, а розв'язав таки. Ганка відкинула прутик і задивилась на сірий шлях. Толя бачив її засмучене вилицювате обличчя, повернуто до села.

— Я сама. — Вона опустила голову, здригнулася.

— Татко від нас пішов. — А я тобі допоможу, добре?

Первая публикация Л. Гребенюк в районной газете «Зоря комунізму» (18.02.1965) с дарственной подписью Ю. М. Каминскому.

Її загострене підборіддя, маленькі губи ображено затремтіли.

— Я знаю, — спохмурнів Толя.

Все затихло. Важкі хмари придавили тоненьку стрічку дня до землі...

Та раптом зірвався вітер і жбурнув в очі пилюкою, стеблинками сухого бур'яну.

— Він буде жити з нами, так мама сказала, — важко видихнув хлопчик.

— Знаю, схлипнула Ганка.

Вона згорнулася, приклала рученята до грудей і крізь сльози дивилась вслід вітру, що тягнув за собою хвіст куряви й сушняку. «Чого він пішов? Хіба Толя кращий за мене. Він такий же, такий, тільки краще розв'язує задачки. Та я ж навчусь, навчуся, татку!..» Гуркотіло вже над самою головою. Здавалося, щось страшне, невмолиме насувається прямо на ці дві зіщулені, маленькі постаті.

Ганка відірвала ноги від теплого каменю і встала...

— Я піду, — мовила стиха і, закриваючись тоненькими, як цівочки, руками, пішла до села.

Толя бачив, як дрібно здригаються її плечі під вилинялим платтячком, як босі ноги натикаються на рівчаки і каміння... І захипало у нього в очах, викотилася маленька прозора сльоза. Толя розтер її кулаком і побрів услід за зігнутою постаттю дівчинки.

ІВАНІВ САД

Гайворонням налетіли хмари. Шпурнув дощ. Розіп'яте листя похилилося від пружкої січки.

Хмари, розтерзані грімницею, прослизнули далі.

І знову тиша.

Іван вештався поміж дерев, тамуючи чекання. Топив очі у траві, у набряклих грудках, а вони знову збігали на стежку.

Вона повинна прийти.
Повинна? Вона тобі ніхто. Ніхто...
Яблука були теплі. Навіть у гущавині. Мов маленькі сонечка.

Поруч шелестить листям Уляна. Вона похилилася над гілкою. Тягнеться до яблука. Рука смагла, в промінних краплинках.

Іван торкнувся її.
— Чого тобі?
— Я думав — то яблуко.
— Дурний. — Сердито струшує косичками. Відвертається.

Вона ні в чому не завинила перед тобою.
Так сталося.
Тебе скалічила війна. А Уляна злякалася...
Уляні очі наливало сльозами. Не її Іван сидить поруч, а чужий, якого залишається лише жаліти.

Попрощалася стримано. І пішла.
Ось тоді відчай охопив Іванове серце, вирвав з грудей крик:
— Уляно!.. Постій!

Забув у ту мить про милиці, схопився їй услід...
Закам'янів.

Страх піднявся на її обличчі. І вона побігла, побігла...
А через тиждень відгуляли Улянине весілля. З Петром побралися.

То було давно.
Безплідно чорніла земля. Де-не-де пробивалася жива позелень. Очі не хотіли вірити німому пустоттю: де колись розкошував сад — білили гострі стирчаки стовбурів.

Оцими важкими розбитими руками копав ямки для кожного дерева.

Ногою и костуром спирався об землю, а руками копав і копав... З усією силою заганяв лопату в твердь. І так до без-
тями.

Розквітли первістки!

Білий цвіт сипав на плечі.

Іван посміхався. Розводив руками віти.

Цвіт замітав очі, губи...

Уляна несподівано виринула з-за дерев.

— Вечір добрий, Іване!

Іван кинувся.

— Здрастуй, Улю! А я от трошки задумався.

— Ішла з ділянки та й забігла, — мовила жінка, світячі
вологими очима.

— Добре, що забігаєш.

Замовкли. Свіжий вітер збирав пахощі яблук і розхлюпу-
вав їх далеко в степ.

Катюшу сьогодні в комсомол прийняли, — розгладила
вуста Уляна.

— В тебе пішла. Гаряча.

Вечір недбало скидав плоди з віт.

Яблуко гупнуло Уляні до ніг і затонуло в траві.

Жінка заблудила рукою в зелені, відшукала його.

— Візьми, Іване, це ж той ранет, якого ти стільки ждав.

Іван в темряві зустрівся з її пальцями. Відчув у грудях ту-
пий біль.

— Скажи, Улю, чого ходиш, чого душу бунтуєш?

— Я можу піти.

Він злякався:

— Ні, ні!..

— Вже пізно, Іване. На добраніч.

— Яблуко пахло її руками.

Він жадібно припав до нього сухими вустами.

Из дневника Татьяны Березняк 1963 года

1 сентября — первое заседание клуба после летних каникул. Лидочка принесла новый рассказ. Мне в жизни такого не написать!

Огромная связь с народным творчеством, колядки, пословицы, буковинський диалект. Откуда это у неё?.. Очень люблю Лиду Гребенюк, хотя совсем её не знаю.

КАРПАТСЬКА НОВЕЛА

Стукіт. Вона схопилася до вікна. Темно. Снує вітер у верхівітті. Почулося, мабуть. Та де там!.. знову обережний стукіт.

— А най тебе... Налякалася. І хто ж то глибої ночі?..

Війнула по хаті сліпучо-білою сорочкою, затаїла віддих біля дверей.

— Хто то?

— Я, Ганнусю, Іван.

— Йой, леленьки, Іванку! — губи аж забриніли у радісному гуці. — Зараз, зараз... світло запалю та одягнуся... Господи, як на гріх, ані сірників тобі, ані одягу не знайду...

— Не треба, Ганнусю, я й при місяці тебе гляну.

Ганнуся накинула хустку, що китиці аж до коліна стали, швидко розчинила двері.

— Іванку-у! — простягла усміхнено, гублячи свої руки в його долонях.

— Ганнусю! Здрастуй, Ганнусю!

— Де ж ти так довго був? Не чуть тебе...

Обвила його теплом хатнім: сонним розкиданим ліжком, тілом гарячим.

— Не питай, не питай, Ганнусю!

— То чом же, Іванку?.. Та ти ж проходи, проходи. Темно тут, ніяк тебе не вглядію, сідай, Іванку.

В кімнаті було видніше від широкої місячної смуги, що простяглася вздовж кімнати. На столі — гірка зошитів, шкільний глобус. «Вчителює», — подумав Іван, сідаючи на лаву. Ганнуся вмостилася навпроти, з-під китиць виринали її маленькі вузькі коліна, засвічені наскрізь місячним світлом, складені на них руки. Обличчя ховалося в тіні густого розпущеного волосся, сплескували блиском одні очі, та швидким пташенням пурхали губи в мові.

І аж напнувся увесь, дослухаючись, — здалось йому, що злетить зараз з її губів оте далеке дитяче: «Агі-і-ій!», і як колись, довго ще її сріблясте «І-ій»... буде перелунюватися з берега на берег, поки річка, врешті отямившись від скрипалевої висі її голосочку, знову зажебонить щось своє, а вони з Андрійком зітхнуть, кожний ховаючи у своїй маленькій груді далеке відлуння...

— Хоч дай глянути на тебе! Який став! Великий, гора немов. Я знала, знала, що ти будеш з таким розкидом плечей, лапатими ручищами, — всміхалася Ганнуся. — Ох ти ж, Іванцю! А шия... нім плугом виорана. Ти змалечку ріс сильним, вдалим... А на війні змужнів ще, — додала тихо.

Ворухнувшись, Ганнуся підставила місячному струміню своє обличчя, забираючи з нього пасма волосся.

— А я... ось якою стала, Іванку.

Йому перехопило подих. Зачепивши пів-брови, широкий рубець переорав до підборіддя її щоку.

— Це війна, Іванку, — мовила суворо.

— А де Андрій?

— Тут він, Іванку. Зле Андрійкові. Куля в грудях, як гадюка, сидить, ссе його, а виїняти не можна... Він на полонинах — там йому легше дихається...

Стала тиша в хаті. Почули обое, що птахи вже ніч розкльовують — голосують.

— Ганнусю... Ганнусю, а як же твоя обіцянка, пам'ятаєш?
— То яка це?
— Росяна косиця, пам'ятаєш?
— Ой, леле, Іванцю! Як то те давно було! Дитячі забави. А було це... Бабка мені оповідала, що коли парубок принесе дівчині росяну косицю — отую найпрекраснішу, найцнотливішу квітку Карпат, то дівка стане його дружиною... Ой, леле! А ви тоді з Андрійком загорілися і собі — знайти отую квітку. Я боялася, бо ж бабка казала, що не один парубок зривався з орлистих скель..

— І я тобі знайшов, і ти обіцяла... Ганнусю-ю... — мов п'яний, хитнувся до неї Іван, впіймав за плечі, втис їх у свої груди.

— Для мене то була гра, — шепотнув десь у волосся і побіг губами по теплій шиї, плечам, відстороняючи сонні складки сорочки, хустку.

Ганнуся повела плечами, відійшла.

— Я ж не доказала, Іване. Андрійко пізніше приніс цілий пучечок росяної косички...

Івана всього пересмикнуло.

— А щоб над ним уже світ не світав, і сонце праведне не сходило. — Глухо вилаявся він і вмить, обхопивши Ганнусини ноги, заговорив швидко, розпачливо:

— Тобі, тобі одній все скажу, кохана. Окрім тебе ніщо мені не миле... І тобі все повідаю.

З Андрійком воювали ми в одній частині, і коли він закрив мене своєю хирлявою груддю від кулі... я... я спокій втратив. Ти ж знаєш, — я гордий!.. Краще б вбило мене отоді, але цей миршавий... Ганнусю, я хотів піти в іншу частину, Не пустили, кажуть, дезертирство, бо стояли ми тоді у найважчому районі. Та ж хіба вони розуміли?.. І я сам пішов... а назад вороття не було. Почав я ховатися

від трибуналу, пішов у глибокий тил, очапався трохи, але тягнуло сюди... До любої небоги немає злої дороги. Ганнусю, мила! Андрійові довго не вічувати з кулею, задихнеться, задавиться, а тоді ми — вірнесенькі, як птахи угорі! Виїдемо, Ганнусю. За тобою я...

— Іване! — Йому аж запаморочилося в голові від її сильного розбурханого голосу. Відкинулася від нього, хустка на її постаті завихрилася з плечей донизу, впала. У передранні дуже чітко вималювалася обтяжена вагітністю Ганнусина постать.

Іван відсахнувся, позадкував крок, другий...

— Ти... ти...

Вона з презирством осміхнулася:

— Вже сьомий місяць. В Андрійка буде син!

У Івана, як вода з каменя, зійшла кров з лиця. Тремтячою рукою, як сліпий по тину, провів по грудях, шукаючи коміра.

Тривожно стало Ганнусі від чорної брили його постаті, якось самі руки потяглися прикрити живіт... І мов скаженим вітром, злупало її і кинуло долі, вп'явшись в тіло руками й губами.

— Глумитися?..

Іван підвівся і Ганнуса побачила над собою, зовсім близько, його чобіт... Вона миттю скрутилася, закрилася руками й коліними.

— Не дам вбити сина, запроданцю!

Він із стогоном кинувся в двері.

— А бодай пропало б оце кодро з накоренком...

А в Ганнусі на цю мить ворухнулося стривожене дитя під серцем, здалося їй — ніжною тріпнуло, сотні разів уявленою маленькою ніжною з блискітками нігтиків.

ГРИЦАЕНКО (Нечетова-Колесник) ЗОЯ ИВАНОВНА

Родилась 23.08.1946 г., училась в СШ № 11. В «Бригантину» пришла одной из первых.

Стихи и прозу, отличавшиеся острой гражданской направленностью и политической злободневностью, писала на двух языках (русский и украинский).

После учёбы в Одесском медицинском институте (1965-1971) работала врачом-гинекологом, многие годы заведовала женской консультацией № 1 г. Кировограда.

Умерла 15.07.2009 году, похоронена на Дальневосточном кладбище.

КІРОВОГРАДЩИНА МОЯ

Кіровоградщина моя,
Куточок рідний Батьківщини,
Народів радісних сім'я
І частка вільної України,
Садків вишневих передзвін,
Ланів безкрайніх шепотіння,
Дівочих співів мрійний дзвін
Й заводів-велетнів гудіння.

Це ж ти зростила маяків,
Це ж на твоїх просторах
Рядки зелених буряків
Шепочуть щось при осокорах.
Заводи й фабрики гудуть,
І струм тече в оселю кожну,
По рейках тепловози йдуть...
Та перелічить все не можна!

Чудова ти, квітуча ти!
Люблю тебе всім серцем щиро.
В думках з тобою до мети
Крокую разом з людством миру.
А пісня ллється через край —
Вона не вміщується в груди.
Який прекрасний рідний край!
Які чудові наші люди!

ПЕРВОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Седина виски посеребрила,
И морщинки на лицо легли,
Но глаза, что с детства я любила
Изменить и годы не смогли.

Первая учительница... Сколько
В слове этом смысла и тепла.
С первой учительницей только
Жизнь иная, школьная, пришла.

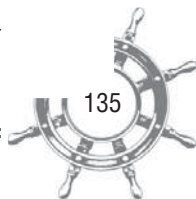
Помните, как робкими малышками
Мы за парту сели в первый раз?
Помните, как думали над книжками,
Ежедневно думая о нас?

Ради детства мирного и счастья,
Позабыв покой свой и уют,
Не одно пережили несчастье,
Помнили, что Вас детишки ждут.

Милую, чудесную, родную
Без волненья вспомнить не могу.
Вот такую — мудрую, простую —
В памяти навеки сберегу.

* * *

Наверное, осенью модны
Полоски и крапинки разные.
Что ты, мне вовсе не холодно,
И нос-то совсем не красный.
А эти жемчужины с просинью —
Из сказки «Цветочек маленький» —
Не ты подарил, а осень!

Ну, что ты сопишь, как маленький?
Ревнуешь? Ну, уж не думала.
А может, завидуешь зонтикам,
Слезливой, горбатой синтетике?
А знаешь, что я придумала:
Давай перепрыгнем лужу!
Да, да, перепрыгнем лужу,
Назло тупоумным ботикам,
Слюнявым скрипящим скептикам.
А всё же без солнышка скучища.
Нет, не с тобой, а без солнца.
Смотри-ка, какая тучища!
И, правда, будто свинцовая,
Сейчас вот дойдём до киоска,
Вон до того киоска,
И сразу вернёмся обратно.
А что, если... солнце повесим?
Своё, так возьмём и повесим —
Прямо на столб телеграфный!

МЫ С ТОБОЙ, КУБА!

Куба, славная Куба!
Прекрасно слово это.
Ты, как маяк в тумане.
Как знамя в просторе света.

Куба, гордая Куба!
Тебя не сломили, нет.
Знамя твоей революции —
Символ грядущих побед.

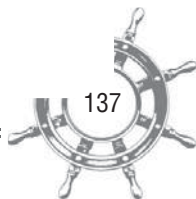

Куба, мирная Куба!
Ты слышишь, с тобой идут
Народы пяти континентов,
Что счастье и правду куют.

Куба, великая Куба!
С тобою идут рядом
Советской страны дети
Мирным единым отрядом.

ДАЛЁКОМУ ДРУГУ

Помнишь наше прощанье у друзей на виду?
А потом «до свиданья» и короткое «жду»
Ты по-русски сказал очень нежно и горько,
И блеснула слеза, словно жемчуг Карибского моря...
Там твой остров — свободный и гордый такой,
Что красивее всех островов на свете.
Слышишь, друг мой, он самый большой
Лоскуток поседевшей и древней планеты.
И ещё мне припомнились дни октября,
Голос диктора гневный гремел тревожно:
«Куба — снова в беде, в двух шагах от огня,
Допустить его к Кубе нельзя! Невозможно!»
А простор одевался в весенний наряд,
День над миром вставал погожий,
И Земля, что стонала минуту назад,
Улыбалась от счастья. И гордости — тоже.
Далеко-далеко, за седой океан
Донесёт эти строки лишь верная дружба.
Нипочём — расстоянья! Пустяк — ураган!
Верить другу, любить его нужно.

ЛЕГЕНДА О КУБИНСКОЙ МАТЕРИ

Горе дерзко, без спроса врывалось в ветхую хижину, одну из многих убогих жилищ, доживающих безрадостный век у самого тёплого, самого щедрого и самого ласкового моря. В погожие дни она с удовольствием разрешала тропическому солнышку поглаживать свои дряхлые стены и крышу, до дыр изъеденных бедностью. Излучающий до боли родные, пьянящие запахи цветущего острова, просоленные самой горькой солью — солью несчастных матерей и обездоленных детей, солью слёз обездоленных рубчиков тростника и сборщиков кофе — ветерок совершенно бесплатно лечил её раны.

Тропическая ночь заботливо укрывала её чёрным бархатом, искусно расшитым изумрудами, да таким великолепным, что о нём не смела мечтать ни одна самая богатая и самая влиятельная женщина в мире. А неугомонные волны вот уже сколько лет подряд поют очень нежную и грустную песню, и заплаты-жестянки тихонько подпевают знакомую мелодию. Дремлет успокоенная ночной тишиной старушка-хижина. Дремлет, но не спит. Не может уснуть и старая кубинка-мать, чьё сердце давно не знает покоя. Давно... Сколько дней прошло с той минуты, когда тайком выпорхнул из насиженного гнезда её любимый мальчик Педро, сколько бесконечно долгих ночей провела она наедине со своими мыслями?..

Шли дни, неторопливо проплывали недели и месяцы. Невыносимо горьким и страшным стало одиночество, безнадёжным — ожидание. Волны, эти всегда ласковые и чуть ленивые волны, каждый вечер приносили ей привет от сына. Она садилась на горячий песок у самой воды и нежно гладила их белые гривы, совсем так, как недавно ласкала волны мягких волос Педро. Она щедро отдавала им чародейное

тепло материнского сердца и не уставала верить, что оно согреет её мальчика в трудную минуту. Мать беззвучно плакала, устремив невидящие глаза вдаль. А волны с готовностью подхватывали слёзы-жемчужины и на лёгких крыльях уносили их в морскую даль, чтобы надёжно спрятать бесценные камни. Так было и вчера, и позавчера, и месяц назад... Но сегодня волны почему-то молчали. С особенной нежностью они лизали её натруженные руки, но боялись заглянуть в глаза. И она, как всегда, молчала, осторожно глядя белые непокорные вихры. Долго молчали волны, не решались сказать роковое слово. Они боялись вонзить смертельный кинжал во всё ещё кровоточащую сердечную рану.

Ветер, словно струны гитары, перебирал седые волосы непокрытой головы, и они печально и протяжно звенели. Уже и долгая знойная ночь успела набросить невесомую шаль на плечи красавиц-пальм, защищая их от причуд тропической природы, а волны никак не могли набраться храбрости.

Но напрасно волновались они. Чуткая душа старухи-кубинки давно уловила скорбь в их плеске и поняла, что страшное и непоправимое произошло.

Как изваяние, сидела она на берегу, сложив на коленях дрожащие руки, и слушала, слушала...

Тепер некому подарить ласку, передать тепло материнского сердца. И море решилось. Шёпотом, боясь нарушить скорбную тишину, оно, наконец, произнесло то, о чём наблювшее сердце давно догадалось.

Где только силы взялись у измождённой ожиданием, иссушенной горем старой кубинки!

С непокрытой головой, маленькая и щуплая, она прошла десятки километров, собирая рубины, что упали из сердца её родного Педро, — рубины, что посеяли тысячи таких же

безродных мальчишек, навсегда прижимаясь к родной земле рядом с «бородачами». Их очень много, этих рубинов, таких же пылающих и прекрасных, как сама Куба. Она соберёт их все до единого, что бы не случилось, как бы круто не повернула жизнь.

Её не остановит ни палящий апрельский зной, ни дерзкий августовский ливень, перед мужеством женщины-матери упадут на колени легендарные горы Сьерра-Маэстра! Самым дорогим заплатила кубинка за счастье родины — сыном. А теперь она крупница за крупницей собирает драгоценные камни, чтобы подарить их тому, кто научил её Педрожить, кто помог тысячам — Хуану, Педро, Эрнесто — стать героями. Она подарит рубины тебе, Фидель! Ты получишь их вместе с любовью родной земли и вечной благодарностью народа.

А может быть, ты уже встречал на обновлённых дорогах острова Свободы старуху с непокрытой седой головой, с глазами, как тёплый морской прибой. Она, не чувствуя усталости, идёт к своему сыну, несёт ему материнское тепло и всепобеждающую любовь. Ты обязательно встретишь её, Фидель!

КАМЕНЕЦКИЙ ВЛАДИМИР ИОСИФОВИЧ — строитель и поэт

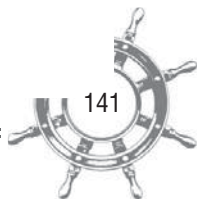
Родился 14 декабря 1944 года в местечке Свобода Курской области в семье учителей. В 1960 году окончил 8 классов Грайворонской СШ им. Энгельса (г. Грайворон Белгородской области) и поступил в Кировоградский строительный техникум, который в декабре 1964 года окончил, получив квалификацию техник-строитель.

В 1965 году был призван на армейскую службу, которую проходил в Калининграде.

Живёт в Горловке Донецкой области.

Руководитель Стройуправления «Химстрой 2» ЗАО «Горловскхимстрой» (монтажные работы).

В «Бригантине» — с 1963 года.

* * *

Сорок пятый, начало мая.
Все так ждали этой весны!
А меня пеленала мама
В День Победы, в конце войны.
Уносились ещё по кругу
Самолёты, но знали: сбудется!
Меня мама несла по Курску,
По разрушенным старым улицам.
Ещё не было фейерверка,
Был весёлый победный май,
И в разбитых бомбёжкой скверах
Было много таких же мам.
Я не знал, что настроена рация,
Я не думал тогда ни о чём,
А радист всей планете радостно
— «МИР» — в эфир посылал ключом.

* * *

Мы — мальчишки, и трудно нам
Жить без всякого звука.
Бывает, что здесь или там
Встречаем хорошего друга.
Мы — мальчишки, и не для нас
Порой расцветают розы:
Летом пьём холодный квас,
А зимой жуём морозы.
И только осень для нас мила
Своим золотистым цветом,
Если бы только сирень цвела
Как обычно цветёт летом.

Мы всё же ещё мальчишки,
И модничать — это не в тон.
Носим простые пальтишки,
Как раньше носили в ЧОН.
А то вдруг глотаем грудой
Только любовные книжки —
И тогда восклицают грубо:
«Это ещё мальчишки!»

* * *

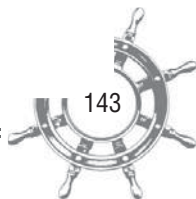
Почему ты сегодня грустная?
Смотришь как-то совсем по-иному.
Не поверю, что нынче луна
Будет ярко светить другому.

Посмотри: вот летит звезда,
И ей ночь уступает, кажется.
Только ты не спешишь никуда,
И тебе ничего не кажется...

А вот рядом стоит сосна
В темноте силуэтом странным.
Хочешь, мы убежим от сна
И вернёмся лишь утром рано.

Так давай же скорей бежать
Вон туда, где звезда упала.
Не могу я чего-то ждать,
Не хочу, чтобы ты засыпала.

Не смотри на тихоню-сосну,
Ей молчать суждено навечно.
Но я тоже люблю тишину,
И люблю её очень, конечно.

А сейчас надо сердцем гореть,
Видеть то, что не видно глазами,
Я придумал, давай лучше петъ
Под луной, под её лучами.

И услышит нас кто-то другой,
Может, просто чужой прохожий.
Скажет: как-то ночной порой
Пел с любимой когда-то тоже.

Слышишь: пели. И мы поём.
Песне нет никакой преграды.
Кто-то снова тоже вдвоём
Подхватил эту песню рядом.

* * *

Когда я хочу быть с тобою,
Всё время смотреть , любя.
Я просто рисую рукою
Похожую на тебя.

И кажется: будто бы снова
Лучи пробивают горы,
Где только рождается слово,
Где стоитя новый город,

Где рушатся вечные скалы,
Где море и свод голубой,
Где люди поднимут бокалы,
Быть может, за нас с тобой.

ЗАЙЧИКИ

Не ругайтесь, девочки,
Не ругайте зайчики.
Пусть влетают в окна
Сразу сто планет.

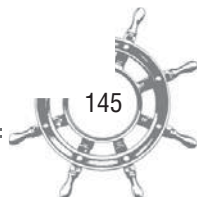
Это солнце зеркальцем
Вам пускают мальчики,
Это юность мальчиков —
Самый яркий свет.

* * *

Луч надежды, луч надежды,
Ну запой во мне стотрубно!
Знаешь, робкий луч надежды,
Без тебя мне очень трудно.

Без тебя ведь даже небо
Не бывает синим-синим.
Знаешь, робкий луч надежды,
Без тебя б я не был сильным,

Без тебя я не узнал бы,
Что бывает ветер солон,
Луч надежды, будь же смелым —
Приведи за руку солнце!

СПЕШАТ ХАРЬКОВЧАНЕ

Спешат харьковчане,
несутся орбиты...
Кипит всё, как в чане.
Трамваи забиты.
Город дышит
миллионным сердцем.
Город слышит,
город сердится
на тьму вечернюю.
Вдруг вспышка новых
ламп неоновых.
На улицу толпы тянет.
Спешат харьковчане.

**КАРТУЗОВ ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ —
математик, учёный, поэт**

Родился 31.01.1949 года в Кировограде.

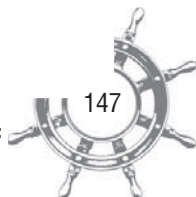
Учился в СШ №8 и в школе старшеклассников — №34 (выпуск 1966 года).

Окончил Кировоградский педагогический институт (1970, физико-математический факультет) и аспирантуру при Институте проблем металловедения НАНУ им. Францевича.

Кандидат физико-математических наук (1980).

Учёный секретарь Института проблем материаловедения НАН Украины.

Заведующий отделом «Прикладная математика и вычислительный эксперимент в материаловедении».

ИЗ ЦИКЛА «ПО ПОВОДУ «ВЕЛИКИХ»
На повесть В. Катаева «Алмазный мой венец»

*Просто память моя отлетела...
Просто я свою жизнь позабыл.*

Е. Винокуров

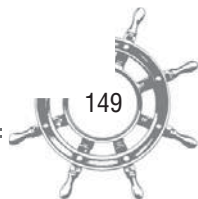
Бог Вам судья, я — не судья.
Я серый, маленький, вон из того людя,
Что по утрам толпится у киоска...
По имени я Вас не назову
И клички не приклею броской.
И даже извиненья попрошу,
Но не за то, что дальше напишу,
А за бестактный переход на ты...
Сему Вас не учили классики — киты???

Ты постарался, чтобы их узнали —
Алмазы на твоём венце.
Скрипит, грохочет жизни ралли,
Напоминая о конце...
А ты еще не отгранен,
не отшлифован,
не готов к продаже —
К немому восхищению толпы.
И мыслью-молнией
Забит, обескуражен...
В живых остался, кажется,
Один лишь ты...
Из тех, что в Мельниковом
Из тех, из «южнорусских»,
Тех, что в Москве...

Великие все в жизни просты,
Но рядом с ними всяк велик...
(так в звёздном свете нежатся планеты).
Кто помнит, что из окон РОСТА
На них не раз глядел старик...
А он напомним... он напомним,
Пусть в парке ставят постамент...
Обрушит памяти обломки
Для Вас, потомки,
На Вас, потомки.
Мир любит сплетни — лови момент!

Читал фантазии и были,
Довольны слушатели были...
И сладострастно вспоминал,
Как женщин с ключиком любили...
А с королевичем блевал...
Как из его домашних стульев
Явились свету друг и брат,
А синеглазый безысходно
Дал Маргариту на прокат...
Брыкающегося *птицелова*
Он еле выпер на Парнас...
Дав *колченогому* дружочка,
Сей раз его от смерти спас...
Эскесс, мулат, соратник Коля —
Ну разве их упомнишь всех?
У *Командора* боли, боли...
А у меня звериный смех.
Звериный смех и волчьи уши —
Про уши *ключик* говорил.
Щелкунчик? — шаркался радушно,
Рассеялся *мулата* пыл...

Штабс-капитан возил в машине,
Кавалерист общением обогащался,
В степи родной, под небом синим
Будетлянин нелепо так скончался —
Не написав, не позвонив, не известив,
Он умер, а я жил, и жил, и жил...

Какая все-таки гофманиана,
Когда великие уходят рано...
А кто-то куколок из них наделав
И с малой буквы обозвав для дела,
На плешь возгромоздив
Алмазный свой венец,
Их голосами скажет:
«Без гения его — поэзии конец!!!»

Вот и всё. Кончаю просто.
Бог Вас простит и статуи простят.
Простят ли люди у киоска?...

* * *

Не отзыв, не стихи, а просто мысли,
Что плавают в строках и между строк
Сверхновой супергениальнейшей
Поэмы-повести известного всем А*.

ПИСЬМО ПОДРУГЕ

Огрызком электрода, закороченным на сердце
(а сердце у поэта — это солнце, дейтерий,
тритий, прочий термояд!)

Я выжигаю на листах металла сна
(искрятся и сгорают звёзды судеб...
гарь войн сжирающих людей...
вонь обывателей, шизоидность вещизма...).

Вселенная!
(пространство — время искривленное
сверхновыми квазарами и
глыбами вскормленных мной поэм).

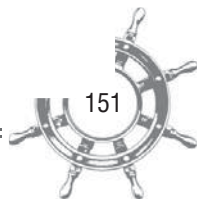
Тебе!
(не Незнакомке, женщине, мадонне —
как надоело сладострастье
восхищенных мною дам.
Устал и сексуальный антиголод!)

Дыре!
(единственной, прекраснейшей из дыр).

Где ты?
(у кого в постели? В душе, судьбе и мастерской?)

Мне грустно без тебя!
(к тому же самолеты воют,
Высоцкий умер, Пушкин не звонит...).

* А — Андрей Вознесенский.

Я больше не могу!

Ищу тебя у всех своих творян в хороммах.

(они такие — стибрят и хлобысь...

Не верь им — Я один,

Я бескорыстен, Я талант и Я нашел Ответ...

Они ж в глубинке мозга — все упыри...

Хлюп, храп и пол из апельсинов...).

Бросай их! Возвращайся!

(ведь сожрут, сейчас все жрут,

продуктов не хватает, чтобы прокормить творян).

Я жду!

(Найдёшь в Аллее Славы,

у входа, как войдёшь),

так ослепит тебя алмазный блеск венца —

иди направо — там далее семейный монумент

с нейтронной бомбой,

ты иди, не бойся, безвреден он, энергия иссякла,

лишь шепчет: Я, я, я...

Ты выйдешь на поляну и увидишь — куб висит,

Работают поддувы — и висит... (из золота и меди).

Так это — Я, — стучи и заходи).

ИЗ ЦИКЛА «ПРОСТО СТИХИ»

* * *

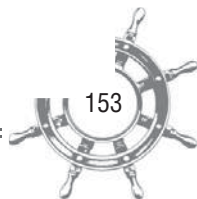
Мне грустно, я пишу стихи,
Гляжу как плачет небо.
Вспоминаю и мягкость рук,
И сладость губ,
И нежность слов, и взгляда страсть...
Мне грустно, я пишу стихи —
Ведь нет тебя со мной.
И плачет небо...

* * *

Живу спокойно, без забот —
Как воспаленный нерв глазного зуба.
Мне пусто в доме, что зовётся жизнь,
Пусть он захламлен тысячами судеб,
Он всё равно пустынным будет
Покамест «Ты» не освятишь сей храм.

* * *

Я не люблю, когда шумят о чувствах.
Тихи года, тих спящий лес, тих океан — а потому велик.
Велик и мудр — на сколько мудрой может быть вода,
Насколько мудры иногда
Те, кто не хочет мудрым быть.

* * *

Не вспоминать, а жить!
Не в даль глядеть — в сейчас!
И очень чётко видеть
Цветы и солнца луч,
Улыбки и... внучат!
И пусть всегда в душе,
И даже где-то глубже,
Мажорные мелодии
Звучат!

* * *

Вся наша жизнь — безумная игра,
Известная и бабушкам, и внучкам.
В ней завтра так же безысходно, как вчера,
И так же безразлично, скучно.
И только ты, твои бездонные глаза
Дают мне жизнь...
Люблю тебя... Люблю...

* * *

Как хорошо, что ты их не читала —
Стихи, что ревность нашептала мне...
Быть может, это осени начало?
Или конец весне?
Зачем же эта грусть стихами льётся,
Откуда же печаль...
И сердца боль?
Быть может, ты со мною расстаёшься,
Или любовь?..

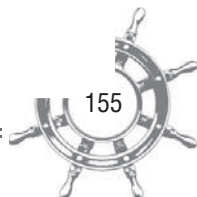

СОПРОТИВЛЯЙСЯ...

Мы мыли окна,
Родилась Весна,
И ты шепнула мне:
«Сопrotивляйся»...
Сопrotивляйся паутине взоров,
Трясине вздохов и печальных глаз,
Счастливой песне сердца-домбры —
Всему, что дорого для нас.
Беги от камнепада недомолвок,
Случайных регулярных встреч,
Вспоминаний старых и ошибок новых.
Беги в несчастье, дабы счастье уберечь...
И я бегу — от глаз твоих, от губ,
От рук тоскующих и ждущих,
От сердца твоего и своего...
От вздохов встреч и встречи вздохов,
От тины сплетен и прозрачного ручья,
Бегу я от себя в себя.
Мне грустно в этом лабиринте.
Весна взорвала почки на деревьях,
Забрызгав зеленью стихи.
Сопrotивленье невозможно.

СЫНУ

*Ещё начало твоего пути.
Гляди вперёд с улыбкою, но твердо.
Обыденность сумей ты обойти,
Романтикою заразиться гордой.
Крылатой мысли торопи полёт,
А плечи подставляй под небосвод.*

*Ещё начало твоего пути
В ручонках погремушку поверти.
Пусть над тобой то сухо, а то ведро, —
Гляди вперёд с улыбкою, но твердо.*

*Гляди вперёд с улыбкою но твёрдо,
Будь мягким, ласковым и добрым.
Воздушных замков витражи черти,
Обыденность сумей ты обойти.*

*Обыденность сумей ты обойти.
Шути, малыш, от двух и до пяти.
Сумей порвать привычек корду,
Романтикою заразиться гордой.*

*Романтикою заразиться гордой,
Вперёд, вперёд и с песней бодрой.
В страну, где птица-жар живёт,
Крылатой мысли торопи полёт.*

*Крылатой мысли торопи полёт.
Ещё загадок клады у Вселенной
Ищи и открывай без усталы и лени,
А плечи подставляй под небосвод.*

*А плечи подставляй под небосвод:
Атлантов нет — и небо упадёт.
Живи, люби, страдай, пиши, расти!
А плечи подставляй под небосвод:
Ещё начало твоего пути...*

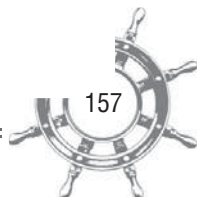
ВЕРЛИБР

В.В. Скороходу

Ломая ритм, ломая рифму,
Оставив девственность у букв и некоторых слов,
Желаю, чтобы Жизнь, которая течёт,
Не согласуя ход свой со звездами,
Молитвами, начальством,
Вас бережно, без турбулентностей, несла Вперёд
В пространстве (та у Часі),
Чтоб было Вам Светло, Тепло
И улыбались Вы...
И напевали...

* * *

Душа моя — сплошная рана,
А умирать пока что рано.
Нет, я не против, я устал,
Удобным же так и не стал.
И не знает ни сын, ни дочь,
Что покоит меня лишь ночь.
И не знает любовь-жена,
Что испита чаша до дна.
Что надоело быть смешным,
Что не умею быть иным,
Что не от мира я сего,
Что не могу постичь его,
Что всё равно люблю людей,
Что жизнь — та вереница дней,
Что в даль течёт...

ЛАНСКАЯ РИММА (Ляля) ВЛАДИМИРОВНА — поэт, актриса, режиссёр

Родилась 8 апреля 1950 года в Кировограде в семье служащих.

После окончания 9-го класса СШ № 24, работая на радиозаводе, была активным членом заводской команды КВН, которая в 1966-1968 годах неизменно побеждала в соревнованиях весёлых и находчивых. В те же годы посещала клуб «Бригантина», писала лирические стихи.

Поступив в Кировоградский пединститут (физико-математический факультет, заочно), работала ретушером, помогая отцу, профессиональному фотографу.

В 1973 году семья переезжает в Черновцы, где она окончательно определяется с выбором профессии: театр, с детства обожаемый ею, — её призвание.

Поступив в Киевский театральный институт им. Карпенко-Карого, завершила образование в Харьковском институте искусств им. Котляревского, получив специальность — режиссёр драматического театра. После вуза работала в театрах Советского Союза (Харьков, Лиепая, Москва).

В 1990-е годы — замдиректора московского Товарищества режиссёров, специалист по разовым постановкам спектаклей, а также режиссёр-координатор театральной жизни Москвы.

Трагически погибла 19 мая 2001 года. Похоронена на Кунцевском кладбище Москвы (колумбарий).

* * *

Я — Коломбина в балагане,
А ты в хохочущей толпе,
И взгляд мой никогда не станет
Предупреждением тебе.

Когда стою на сцене зыбкой
В сиянье музыки и роз,
За ослепительной улыбкой
Моих ты не заметишь слёз.

Я — кукла для тебя. Никто.
Поэтому совсем одна
Перед толпой жующих ртов
Навек плясать обречена.

Но в их толпе и ты один,
В твоей душе глухая боль.
Ведь ты такой же Арлекин,
Но только позабывший роль.

Так пусть мой смех тебя не ранит
Среди твоих незримых бед.
Когда погаснет в зале свет,
Я — Коломбина в балагане.

* * *

Дуй в лицо сильнее, ветер.
Гром, греми... пляшите, ливни,
Расскажите всем на свете:
Я до чёртиков счастливая!

Солнце дождь разбил на капли,
В каждой капле — солнца крошка.
Я сегодня ленту-радугу
Золотой дарю берёзке.

Надо мною листья кружатся,
Дождик сыплет холодком.
Я бегу по синим лужицам,
Как по небу, босиком.

Меж берёзками и клёнами,
Поглядите, здесь в лесу,
Молодое и зелёное,
Счастье звонкое несу!

* * *

Снова ветры завыли
По ночам, по ночам...
Снова я тебя выйду
У дороги встречать.

Будет странно и ново
Просыпаться земля.
Будет тихое слово
И улыбка твоя.

* * *

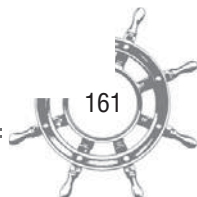
Помнишь, тихо скатилась звезда,
Нас в какие-то дали маня.
Почему ты не понял тогда,
Что тебе не прожить без меня.

Ах, какой же ты, право, чудак,
Если солнце из сердца гоня,
Ты не можешь поверить никак,
Что тебе не прожить без меня.

Сунув руки в карманы пальто,
Я шагаю вдоль шумного дня.
Что ж поделать? Не верит никто,
Что тебе не прожить без меня.

Я по городу долго брожу
В синих всплесках живого огня.
Всё равно я тебе докажу,
Что тебе не прожить без меня.

Будут тише звучать голоса,
Будет вечер кружиться, звеня.
И тогда ты подумаешь сам,
Что тебе не прожить без меня.

* * *

Город светится тёплыми окнами,
Зябко кутая плечи ветром,
И мечтают берёзки мокрые
О прозрачных весенних рассветах.

Ночь кошачьей походкой неслышной
Побрела посмотреть на улицы,
Как дома, нахлобучив крыши,
Под осенним дождём ссутулятся.

Ловит ночь в свои мокрые сети
Этих улиц изгибы гулкие,
И кружится дождливый ветер
Над продрогшими переулками.

* * *

Мне это было дорого всегда...
И что дороже может быть теперь,
Чем Киева открытые глаза
Под острыми ресницами антенн.

И кто меня поддержит в час беды?
И чья ко мне протянется рука?
Ты, Киев, Родина моя, лишь ты
Поможешь удержаться на ногах.

С тобою мне не страшно ничего.
С тобою и теплей мне, и светлей.
О, добрый город детства моего!
О, мудрый город юности моей!

Пускай нас разделяет стук колёс,
Пускай умчался в сумрак твой вокзал,
Но сердце ты моё навеки взял
В ладони, полные прозрачных грёз.

* * *

Я твой меч и твой щит —
Ты меня разыщи.
И цветок я и сталь —
Ты меня не оставь.

Два звена — одна цепь.
Мы, как небо и степь.
Как страданье и стон.
Неприснившийся сон.

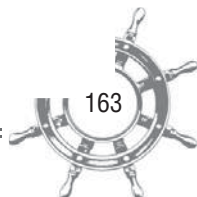
Неуслышенный зов,
Нераскрытая дверь...
Ты услышь и поверь.

Мало слов позади,
Много дней впереди,
Ты поверь и прости.

* * *

Я хочу в приморский город,
Чтоб над молом ветры пели,
Чтоб над синим-синим морем
Жёлтой дыней солнце зрело.

Чтобы шум прибоя слышать,
Видеть, как вода искрится,
Чтобы поднималась крыша
К небу красной черепицей.

Чтобы жадными губами
Пить хмельной солёный воздух,
Чтоб с закрытыми глазами
Со скалы бросаться в воду.

Чтобы джин матросы пили
В тёмной глубине таверны,
Чтобы в гавань заходили
Голубые каравеллы.

* * *

Кусок ржаного хлеба
Да ветхий старый дом.
Осталась в сердце Треповка
Берёзкой над прудом.

Глухим собачьим лаем,
Груздём в сырой траве
И голубиной стаей
В звенящей синеве.

Прозрачными ночами,
Тропой бог-весть куда
И сумрачным молчаньем
Уснувшего пруда.

ХОРОШИЕ РЕБЯТА-РЕЧНИКИ

Дорожка солнца в море распласталась
И слушала, качаясь на волнах,
Как Пашкина гитара напевала
О тихих кременчугских вечерах.
А Пашка пел о голубом просторе,
О горечи и тяжести разлук.
Летела песня над Каховским морем
О том, что лучший город — Кременчуг.
И видела я город надднепровский,
Хоть там я не бывала никогда...
А где-то на песке погасло солнце,
И над водой проклюнулась звезда.
И было мне понятно, почему
Ребята город свой считают главным
И песни посвящают лишь ему.
И не смешно мне у чужих причалов,
Что, от родного порта далеки,
Свой катер теплоходом величают
Хорошие ребята-речники.

* * *

Усталый человек прошёлся по квартире,
взобрался на диван, перелистал журнал,
лениво просмотрел, что делается в мире,
приёмник покрутил... Подумалось: «Устал».

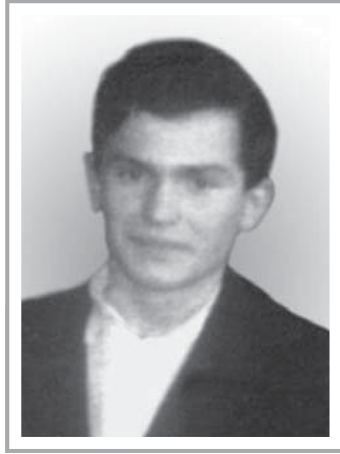
Устал от этих стен, унылых и привычных,
где каждая деталь до одури скучна.
Привычный стол и стул, и телефон привычный,
и с книгою в углу привычная жена.

Как хочется сбежать от этой канители,
всю пыль с души стряхнуть, и верить, и любить,
и руки протянуть к бушующей метели,
зарыться в белый снег и всё навек забыть.

Нет, не забудешь, нет. Куда ты можешь деться?
Тебе не видеть звёзд манящий белый свет.
От паутины дней никак не отвертеться,
и некуда бежать, и не поможет снег.

Прости, я не могу помочь, ну ни вот столько.
Я не могу спасти и оградить от бед.
Я чуда не молю, но если б знал ты только,
как я тебя люблю, усталый человек.

МАТУСЯК СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ — журналист и поэт

Родился 17.03.1950 г.

После окончания филфака Кировоградского пединститута работал в газете «Гайворонский курьер», был спецкором областной газеты «Народне слово».

Стихи его публиковались на страницах «Прапора юності», в районной газете «Зоря комунізма», передавались по радио.

Избирался депутатом Гайворонского районного совета депутатов трудящихся.

Живёт в Гайвороне. Пенсионер.

ВЕСНА

Теплі сонячні промінці
Держать приморозки в руці.
А весна вже крокує далі
У безмежні прозорі далі,
Ходить дівчина чарівна,
Щіро всміхнена, бо весна.
Де ж холодний, колючий сніг?
Ба, у ярі поспать приліг!
І прокинулися озимі,
І розквітли проліски сині.
Трактори попливли вдалину,
Щось воркочучі про весну...

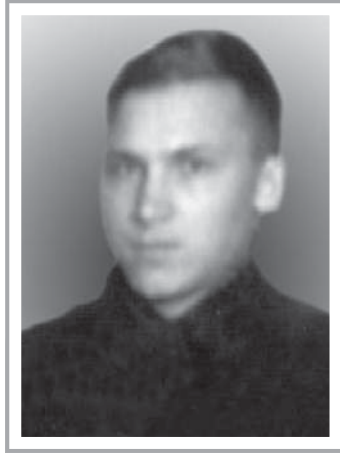
САД

Яблуневим садом іду,
У рожевість, як в буйні сни.
Соковиті плоди впадуть —
Тільки візьми — трусни.

Гомонить у багряній просині
Сад, розкритий на просторі.
І дівчатко, тріпнувши косами,
Обриває з гіллячок зорі.

Здрастуй, осінь, янтарність, здрастуй!
Дзвоном грониться виноград.
Дозріває рожеве щастя,
Мов багрянний пахучий сад.

МИКИТЕНКО НИКОЛАЙ

Родился в 1947 году. Учился в СШ № 26.
Закончил в 1965 году Кировоградскую СШ № 34.
В «Бригантине» — один из первых — с декабря 1962 года.

ОСІННІЙ ЕТЮД

Легкі тумани запорашують світанки,
Кидає синяву у балку небокрай,
Забуло літо про свої співанки,
І осінь привселюдно роздягає гай.

Ще промінь десь скептично засміється,
Попестить річки голубе панно,
Земля вже засинає... осені здається —
Від прохолоди у плачі моє вікно.

Як я люблю вас, осені щедроти,
Важкі плоди, тендітний виноград,
І красний лист, що поспіша напроти.
Лети... Ловлю тебе, осінній спад.

ТОПОЛІ

Ключі журавлів пролетіли,
Шумить, не змовкаючи, гай.
Тополі он дві звеселіли.
Нехай веселяться, нехай!

Листячко вітер тріпоче,
Немов розмовляє до них.
І ніби сказати щось хоче,
Навчити тополь молодих.

Вони дві — стрункі, гордовиті —
Привітно колишуть гіллям.
І раді, що росами вмиті,
І щиро радіють пісням.

Шуміть, веселіться, тополі!
Співайте, співайте про мир.
Про щастя у дружньому колі,
Про неба космічного вир.

* * *

Мені нагадували клени,
Лоскочучи шибки у сірий ранок,
Дивились, мов живі, вони на мене,
А я спішив до них, виходячи на ганок.

Я знав, що ти прийдеш у жовтім платті,
Що будуть гупать яблука в садку,
І підуть в армію ще хлопці не жонаті,
І внуки поласують у дідка медку.

За те, що ти нам принесла кінець врожаю,
За те, що збагатила рідний край,
З собою я тебе на той рік забираю —
Ти принеси нам ще врожай.

**НАСОНОВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА —
журналист, прозаик, поэт**

Родилась 08.08.1946 г. (Астрахань) в семье военнослужащего. С 1958 г. — в Кировограде, в 1964 г. окончила СШ № 11, в 1969 г. — филологический факультет Кировоградского пединститута им. А.С. Пушкина (русская филология).

С 1968 г. живёт и работает в Брянске (Россия).

Из «Автобиографии» Г. Насоновой:

Членом «Бригантины» была с первых дней её организации и вплоть до отъезда из Кировограда в 1968 году. Закончила (вечерне, потом заочно) Кировоградский педагогический институт. В Брянске была принята на работу в государственный Комитет по радио и телевидению (ныне — ГТРК «Брянск») — сначала корреспондентом радио, затем — редактором, комментатором, старшим редактором информационных программ телевидения. Многократный лауреат, дипломант, победитель областных, республиканских

и всероссийских конкурсов. Работала штатно до 65 лет. Завершила карьеру в 2011 году после получения Гран-при Международного конкурса журналистов «Славянский перекрёсток» (2010) в номинации «Поклонимся великим тем годам» — за телеочерк «Главная роль Александра Виноградова» (о командире партизанского отряда). Решила уйти в свободные художники, каковой сейчас и являюсь.

Из наград: «Отличник радио и телевидения», медали Михаила Шолохова и Фёдора Тютчева, «Брянск — город боевой славы» (2016).

Звание «Заслуженный работник культуры РФ» (1999).

Но не это главное. Чем больше проходило лет, тем более я понимала, какой мощный интеллектуальный заряд мы получили в «Бригантине». Не просто знание поэзии, а ощущение литературного слова, умение чувствовать его красоту и новизну, в общем, такой багаж, который ныне не получают и в вузе. Да и общение наше — это одно из самых тёплых воспоминаний и неоценимое богатство, которым нас осчастливила жизнь, спасибо ей.

И я рада, что память о нашем чудесном сообществе жива.

ОКОННАЯ ЛИРИКА

Весеннее солнце обладает способностью открывать окна и вытаскивать на подоконники побледневших за зиму людей.

Если взглянуть в окна большого дома, то внимательный взгляд обязательно заметит, что каждому из этих весенних подоконников улыбается определённая погода. Впрочем, всегда ли улыбается? Мы не задержимся на подоконнике, на белые доски которого вот-вот закапают крупные капли горького дождя. Чтобы предупредить это нежелательное явление, уже стремится к финишу своего марафона, взмахивая длинными ногами, растрёпанный молодой человек, а смущённые зайчики его очков, прочно обосновавшиеся на соседнем тротуаре, повернут стрелку барометра в другую сторону

Не будем греться в лирических лучах другого окна. Эти лучи, равнодушные ко всему на свете, кроме светлой чёлки в окне напротив. Мы тихо наблюдаем за третьим окном, которое, между прочим, должно было быть закрытым, но солнце и весна так настойчиво скользили по этому сосредоточенному окну, что оно открылось как-то само собой. Да, преподаватели в театральных училищах недаром говорят, что у человека может существовать внимание в нескольких плоскостях одновременно.

Девчонка, сидящая на окне, совмещала изучение физики с наблюдением за улицей. Хвост, перевязанный шнурком, растрёпанный свисавший на одно ухо, и воинственная чёлка, доходящая как раз до веснушек на носу, несомненно придавали ей сходство с французской киноактрисой..

— Затухающими колебаниями, колебаниями...

Вот та группа — это студенты, их всегда много пробегает по улице. Ой, они такие смешные, высказывают из булоч-

ной, две булки делят на десять человек, и от неё, конечно, сразу же ничего не остаётся. И хохочут на всю улицу... Счастливики! А когда она уже будет тоже вот так?... Две булки и десять человек...

— Затухающими колебаниями называются те... тьфу ты, потеряла...

Ага... значит, затухающими колебаниями...

Ух, ты. Стюардесса! Такая изящная! Почему все стюардессы симпатичные?

— Бонжур, мадемуазель!

— Бонжур, месье!

— Вы стюардесса этого лайнера?

— Да.

— Вы нас повезёте в Париж на этом великолепном ИЛе?

— Конечно.

— А как вас зовут?

— Ну, не Галя, конечно.

— «Гэл». А это девочка по-английски ... «Гали»... Нет? ... «Гаяне».

— Нет, меня зовут Га.

— О, у вас очень оригинальное имя, как и вы сами. Знаете, я режиссёр, не хотели бы вы сниматься в моём новом фильме? Я его так и назову — «Стюардесса Га». Впрочем, можно как-нибудь по-другому, но самое главное — вы будете исполнять в нём главную роль...

Э-э-эх!

— Затухающими колебаниями называются такие колебания, которые не...

На этот раз голос девчонки утих, как затухающие колебания. Улица вдруг опустела, и на ней остался один-единственный персонаж, целиком завладевший вниманием девчонки.

Весенний зайчик прыгал-дразнился в больших глазах белокурого юноши. Стройный и высокий, он шёл по улице, не замечая устремлённых на него ошеломлённых глаз. Ох, он был уже недалеко. Шнурок кубарем скатился с растрёпанного хвоста, чёлка пышно легла набок, и через секунду разве узнаешь ту, прежнюю, обнявшую колени девчонку?.. Что вы! На коленях у неё теперь лежала книга (неважно, какая: издали можно подумать, что про любовь), мечтательно опрокинутая голова с модной длинной причёской придавала ей сходство с героинями Тургенева. Глаза любовались весенней природой, иногда незаметно скользя по улице. Честное слово на неё стоило взглянуть! Но он не взглянул. Прошёл. Мелькнул под окном гордый профиль. Остался только затылок, но, боже мой, всё могло ещё измениться, и отчаянный взгляд толкал и толкал этот бесчувственный затылок, но он не повернулся. Так же гордо и неумолимо плыла в толпе большой улицы белокурая шевелюра красивого юноши.

Свесившись в окно, девчонка смотрела ему вслед. Весна насмешливо играла её рыжеватыми волосами, переворачивала страницы забытой физики, а девчонка всё смотрела. Потом села на краешек подоконника, равнодушно взяла учебник и тихонько хныкнула.

Из дневника Татьяны Березняк

13.10.1963 года

Сегодня — 13 сентября, но день какой-то очень хороший. В клубе все были очень весёлые, по крайней мере, я. Все просто выли от восторга — понравилась «Оконная лирика» Галки Насоновой (похоже на новеллы О. Генри?).

МУЖЧИНА СТРОИТ ДОМ ДЛЯ НЕВЕСТЫ

Я держу в левой руке гвоздь. Последний.
А правая уже ощущает прохладное тело рукоятки
молотка.
Сейчас...

Как ощущают землю ноги мужчины в поединке,
Так слился с землёй фундамент дома, который я строил.
Для неё...

Стены теплы и звонки,
Как песни сверчка.

Брёвна прижались друг к другу, как пальцы,
Охраняющие пламя свечи...
Окна в кружеве наличников делал я подобными
колыбели

Света, который родится, чтобы соединить нас
И согреть ночь...

Крыша легла на Дом для Неё, как шаль матери,
Под которой надёжно, ласково и не тесно
Доброму миру...

Комнаты уже откликаются на звук шагов моих,
Как трубы органа на игру пальцев, творящих
Призывную песнь...

Правая ладонь моя обняла послушное тело рукоятки
молотка.

Лепесток ручки сейчас взойдёт из тёплого дерева двери.
Кто ты, Входящая?

В ТРАВЕ ЛИЦОМ К НЕБУ

Одной лишь мне
Сегодня небо отдано!
Земля как кинозал,
Пустующий в тиши,
Здесь только я одна
И синий холст экрана
Игрою облаков показывает фильм
О радостях моих, о смене лет и мыслей...
Как странна жизнь моя
В сценарии пушистом...

МЕЛОДИЯ ГРИНА

Ночное море, я пришла за утешеньем.
Но не мечись меж мной и блеском ночи,
Таинственным и страстным языком
Мне что-то торопливо напевая.

Я вижу — там, в ладонях темноты
Лежит корабль сияющим созвездьем.
Как спелый плод, упавший с ветки неба,
Дитя слезы и солнца, дар надежды.

И море в нетерпенье, как борзая,
То рвётся вдаль, то вновь прильнёт к ногам,
Как будто принести сюда готово
Добычей тёплой тот корабль желаний.

О, не мечись меж мной и тайной ночи,
Ведь если я достигну корабля,
Не греться мне в огнях чужой удачи
И с палубы опять ловить с тоской
Фата-Морганы зов, летящий прочь во мраке!

КРЫША

Под верхней кромкой крыши
Два округлых отверстия рядом,
Как маленькая грудь
Склонённой к земле женщины.

Недавно я увидела,
Как туда скользнул воробей —
Он был озабочен
И не заметил моего взгляда.

Недаром наша крыша
Так внезапно похорошела —
Недаром её называют в женском роде.

Отведи взгляд, дерзкая,
Ведь должна быть непрокосновенной
Чудесная тайна рождения новой жизни!

ЭЛЕКТРОПОЕЗД ОТ СТАНЦИИ «КУСКОВО»

Уйдёшь — я умру!

А.Ахматова

Ну, когда же, когда!
Как нелепый мазок пейзажиста,
На гравюре перрона фигурка застыла твоя...
Ну, когда же, когда!

Ты ушла — я далёк,
Только нервом ко мне протянулись
Струны боли стальной — неприступной,
И гордой, и горькой...
Ты ушла — я один.

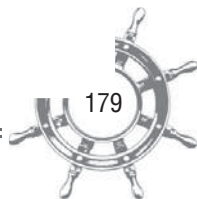

Этот взрыв тишины,
Лишь биенье шагов твоих стихло, —
И мой дом — как воронка в дыму,
В эпицентре беды!
Стихло сердце шагов!

Бубенцом проводов
Поезд-шут возвестит о разлуке,
Как тревожная правда,
Ты в шутках колёс проскользнёшь...
Но когда ж он придёт?!

А, быть может, не так?
Ну, вернись без вопросов и мести,
Глянь в глаза — и пойми,
Молча руку к огню протяни,
Моя рыжая жизнь...

Но мольбе вопреки,
Наконец, он хлестнул плетью фар темноту,
Словно взглядом твоим
Мог швырнуть мне в лицо
Опустевший перрон!
Опустевший...
Перрон...

ПОДРАЖАНИЕ АНГЛИЙСКИМ СКАЗКАМ

(шуточное)

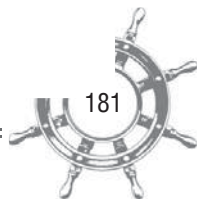
Хочу я заставить задуматься Вас:
Про тётушку Полли
Мой будет рассказ.
На тёмной опушке
Кривая избушка
Стоит,
Набекрень нахлобучив крышу.
Её охраняет
Огромный котище,
Чёрный котище
По имени Кыш.
У старого Кыша
Зубов не осталось,
Заснула усталость.
В скорлупках ореховых
Грустному Кышу
Несут молоко
Две хорошеньких мышки.
На печке в избушке
Кукует кукушка
И лапкой, как стрелкой,
Тихонько стучит.
А вечером
Солнце светило
Белка в мешок собирает лучи,
Енот полотенце стирает в углу,
Суслик блины разложил по столу.
Мёдом их мажет пчела-кулиарка,
Ёжик, пыхтя приготовил заварку.

Чаем поить будут тётушку Полли
Бабочки две, прилетевшие с поля.
А чтобы хорошие сны ей приснились,
Вечером будет
Весёлый концерт:
Выпрямив гордо
Блестящие спинки,
Два таракана
Станцуют лезгинку.
Храбро скрестятся
Шпаги-сучки —
Рыцарский бой
Проведут паучки!
Будет смеяться до слёз тётя Полли!
И позабудут про грустную долю
Полли и друг её, старенький Кыш...
А бабушке Вашей не грустно, малыш?

ОСЕННЕЕ

Осенний прошлогодний лист —
Твой дар, прощальная аллея,
Как горе с сердцем, — с вазой слит,
Он не трепещет, не алеет.
Его иссохшая ладонь
Судьбу недавно мне гадала.
Шептали линии: «Не тронь —
Я —
Память, я умру с годами»...

Но вновь та осень у окна
Стоит, оплакивая что-то,
Мой лист без устали она
Ласкает поздней позолотой.

А сколько у неё детей —
Живых, летящих, торопливых!
Зачем умерший листик ей?
Что за тоска в протяжных ливнях?

Так чья же память на столе
В бездушной вазе засыпала —
Её ль? Моя? О сколько лет
К листу я осень ревновала!

Сейчас молчим, глаза в глаза
Она глядит сурово, смело...
Бери! — мне хочется сказать, —
Соперница, ты победить сумела!

СЖИГАЯ СТАРЫЕ ПИСЬМА

Я над огнём держу десяток поцелуев,
Волшебный сон весны, в рассветной дымке сад
И ласку смуглых рук, и песни ночи лунной,
Внезапный взгляд беды и взрыв пути назад...

Давно я не брожу дорогами той битвы,
Где, сердце отшвырнув, себя спасал солдат...
Минуло время бурь, не помните обид вы,
Спокойно гаснет взор и раны не болят...

А у меня, как встарь, мечты и счастья море,
В нём острова обид и корабли тревог,
И грусти дождь слепой, и спектр улыбки вскоре...
А ты от снов моих теперь уж так далёк!

Но в ящике стола, прекрасен, как мгновенье,
В десятке слов любви луч жизни дремлет твой,
Забыт по воле дня, но так самозабвенно
В нём буйствует весна, что тесно ей порой.

Тогда, отбросив прочь конвертов старых сети,
Она стучит ко мне, всевластный пилигрим,
И пред лицом её я вновь за всё в ответе,
Как суд, прошедший май в моей душе храним.

Суд чести и мечты, доверия и страсти,
Но в нём не ты судим любовью и весной —
Ты, бывший отблеск мой, давно мне неподвластен,
Зачем тебя судить? Погас — и бог с тобой!

Ты мудро меряешь жизнь микронами расчёта,
Семейную постель купив, как половик,
А я — и грех, и бой, падения и взлёты,
И тихих нежных слов застенчивый родник.

МОЛИТВА

Руки тяну к тебе в синеву,
небо!
Неужто взлететь, чтобы воздух захлёб, —
небыль!

Я бы согрелась улыбкой твоей —
зорькой,
Чтоб счастье найти, стала бы я
зоркой.

Стал бы мой взгляд, словно твой после гроз —
синий.
И полюбил бы меня богатырь
сильный.

Стала б ему, словно небу земля,
верной, —
След на земле оставляет любовь
вечный.

Только вот крылья мои, словно сон —
небыль!
Счастье достать, как твою синеву,
небо!

НЕВИНСКАЯ (Фатеева) ВИКТОРИЯ ФРАНЦЕВНА — телевизионный и радиожурналист

Родилась 16 мая 1945 г. в г. Кировограде в семье служащих.

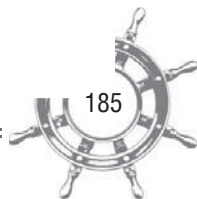
Училась в СШ № 6, затем в школе-интернате № 2.

В «Бригантину» пришла в 1963 году. Писала остропублицистические стихи и статьи («К равнодушным»).

После окончания факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (1970 г.) работала автором и ведущей телевизионных программ на студии телевидения в г. Томске, затем (с 1975 г.) — в редакциях радиовещания г. Москвы.

Вместе с мужем — журналистом Евгением Фатеевым — с 1987 по 1998 гг. была командирована на Кубу и в Бразилию в составе корреспондентского пункта телевизионной программы «Время» по Латинской Америке.

Трое детей, пять внуков.

10 ЛЕТ ПО ТУ СТОРОНУ ОКЕАНА

Когда мы учились на факультете журналистики Московского университета им. М.В. Ломоносова, маститые мастера слова, посвящая нас в тайны репортерского ремесла, все как один призывали вести дневник. «Ни дня без строчки...» — напутствовали они.

«Ни дня» — не получилось... Иногда, следуя заветам мэтров журналистики, я вела дневник чуть ли не ежедневно, а потом — не прикасалась к нему годами. И, тем не менее, за всю жизнь набралась довольно внушительная кипа блокнотов, блокнотиков, записных книжек, тонких и общих тетрадей, а в последние годы — заметок на память уже на компьютере.

Не буду мудрствовать лукаво. Перелистаю блокноты, где сохранились обрывки воспоминаний о Кубе и Бразилии. Там с семьей мне довелось прожить десять удивительных лет, помогая мужу в его работе в качестве корреспондента телевизионной программы «Время» по Латинской Америке.

Итак...

НАД ГАВАННОЙ ПОЮТ ПЕТУХИ

Куба, Гавана, 20 октября 1987 г.

«Над Гаваной поют петухи. Да, да! Самые что ни на есть настоящие. Ну, впрямь, как у Шолохова в «Поднятой целине». Почти две недели как мы прилетели на Кубу, а всё никак не перестроимся. Сказывается восьмичасовая разница во времени. В Москве сейчас вечер, а здесь у нас только просыпается утро... И во всю, на все лады, со всех сторон доносится петушиная разноголосица.

Первое, пока поверхностное знакомство со столицей Кубы, оставило благоприятное впечатление. Двухмиллионный город, подковой вытянувшийся на берегу Мексиканского залива... Весь светлый, солнечный. Поражает разнообразие стилей городских кварталов: от колониального — на одном конце набережной Малекон, до супермодернового — на другом, где высится здание знаменитого архитектора-авангардиста Ле Корбюзье...

И наш дипломатический район, где раньше до кубинской революции жили богачи и генералы, восхитил оригинальностью застройки и какой-то изящной вычурностью особняков, причём ни один из них не повторяет облик другого. Говорят, архитекторов даже лишали лицензии, если находили в их творениях похожесть на уже существующие постройки...

Парки, скверы, широкие проспекты... И главная магистраль города — уже упомянутая мной набережная Малекон, о бетонный парапет которой разбиваются на миллионы мелких брызг волны Мексиканского залива. Окунуться, подойти к морю практически невозможно. Карстовые породы, которые сотни, а может, и тысячи лет вымывались здесь волнами, превратились в острейшие выступы, по которым

не пройти ни в какой обуви. Недаром называют их здесь «собачьими клыками»...

И почти повсюду по утрам над Гаваной поют петухи...
Вот уж чего мы не ожидали...

* * *

В. Фатеева с детьми на фоне набережной Малекон. Гавана, 1988 г.

КУБА, ГАВАНА, 20 февраля 1988 г.

«Какое буйство красок! Всё никак не привыкну к этой волшебной сказке. Здесь почти не сажают цветов, нет клумб и розариев, как у нас дома...

В тропиках в основном цветут деревья. Причем круглый год. Взять хотя бы тюльпанное дерево. Сейчас, по весне, оно сбросило все листья, и сразу на оголённых ветках распустились огромные цветы — точь-в-точь тюльпаны — невидан-

ной красоты. А фламбояны?! Лепестки их оранжевых или огненно-красных соцветий сплошным покрывалом укутывают дерево. Издали кажется, что пылает костёр. Кстати, фламбоян дословно и означает «огненное дерево»...

А какие здесь пляжи! Санта-Мария, Варадеро... Таким пляжам, такому благодатному климату, такому неповторимому по красоте морю-океану стоит только позавидовать».

ЛАГУНА-ДЕЛЬ-ТЕСОРО
КУБА, Гуама, 6 января 1989 г.

Куба, Гуама, 1989 г.

«Мы в райском уголке Кубы с загадочным названием ГУАМА...

Дорога сюда от Гаваны не близкая. Сначала несколько часов пути по главной автомагистрали Ocho Vias, которая широченной рекой рассекает всю страну восьмью полосами

шикарного асфальта — по четыре в каждую сторону. Через равные промежутки на трассе исчезает разделительный газон из олеандров, и автострада начинает напоминать идеальное взлётно-посадочное полотно для самолётов. Может, так и есть, на случай войны...

Потом сворачиваем на шоссе, ведущем через болота полуострова Съенага-де-Сапата к побережью Карибского моря, к легендарному поселению Плайя Хирон. Тому самому, где весной 1961 года Куба разгромила вооружённый десант наёмников, подготовленный американским ЦРУ для свержения революционного правительства Фиделя Кастро.

Плайя Хирон мы посетим как-нибудь позже, а сегодня, не доезжая до него километров сорок, тормозим при въезде в Национальный парк-заповедник Съенага-де-Сапата. Первая его достопримечательность — питомник крокодилов. Их тут больше десяти тысяч — от пятиметровых монстров, дремлющих в болотной тине, до совсем крошечных, только что вылупившихся из яйца. Трёхгодовалых крокодильчиков длиной чуть более метра смотритель питомника Педро предложил нам даже подержать на руках, предварительно спеленав их челюсти и хвост крепкой веревкой. А Машеньке даже разрешил оседлать верхом такого крокодилёнка...

Оставив машину на парковке, мы с туристами из Италии и Канады отправились в плавание на двухпалубном теплоходике — таком древнем, что, казалось, он рассыплется по пути. Вначале двигались по специально вырытому восьмикилометровому каналу, затем по чёрной глади Лагуны-дель-Тесоро — Озера Сокровищ, повторяя путь некогда населявших эти места индейцев племени араваков. Существует предание, что именно здесь, на дне этого глубокого озера аборигены упрятали своё золото. И случилось это якобы более четырех веков назад, перед наше-

ствием испанских конкистадоров. Пока сокровищ никто не нашёл...

И вот мы приплыли к пункту назначения — архипелагу из небольших островков в самом центре Лагуны-дель-Тесоро, где когда-то жили индейцы. Здесь было их поселение. Теперь тут туристический центр, полностью стилизованный под индейскую деревушку и названный Гуама. Таково было имя «касика» — вождя исчезнувшего племени.

Прямо у причала вигвамы, хижины, различные постройки, крытые пальмовыми листьями. На поляне перед нами предстали и сами «индейцы». Скульптурные композиции из гипса и бетона — словно воссоздают их былую повседневную жизнь. Одни — заняты рыбной ловлей, другие — охотой на крокодилов, третьи — приготовлением пищи. Такой вот диковинный музей под открытым небом, созданный известным кубинским скульптором Ритой Лонге.

Между семнадцатью островками перекинута ажурная деревянная мостика. Гостевые коттеджи-хижины стоят на сваях, и войти вовнутрь можно как с воды, так и с берега. В каждой такой хижине — кондиционеры, холодильник, телевизор, полный комфорт и уют.

Как и в Венеции, основной вид транспорта здесь — лодка. Все хозяйственные дела тоже делают на веслах: обслуживание туристов, доставка к ресторану продуктов, вывозка мусора.

Удочки можно забрасывать прямо с крылечка своего вигвама. Рыбалка здесь отменная — то и дело клюет тропический карась-теляпия, иногда, срывая все снасти, попадают сазан, форель и похожая на крокодила реликтовая панцирная щука...

Тишина, покой и умиротворение... Воздух настолько свеж и прозрачен, что как бы и не чувствуешь его вовсе. Глаз

нельзя оторвать от этой красоты, созданной и природой, и руками человека.

А уж настоящее чудо мы увидели на закате... Буквально на несколько минут после захода солнца нас окружили тысячи, нет тысячи тысяч светлячков! Мы впервые в жизни видели это потрясающее зрелище. Все вокруг светилось, кружилось, двигалось, освещённое таинственным светом.

Это было завершающим и впечатляющим аккордом этого удивительного дня, на этих удивительных островах, затерянных в водах удивительного озера Сокровищ...

ДОНА ЖЕНЕЧКА

БРАЗИЛИЯ, Рио-де-Жанейро. 12 июня 1994 г.

В этот день у меня состоялось самое памятное знакомство за все пять лет моей жизни в Бразилии. Встреча — с Еуженией (Евгенией) Федоровой. В прошлом блистательной балериной, в то время главным балетмейстером Муниципального театра Рио-де-Жанейро (он для бразильцев, как для нас Большой театр).

А познакомилась я с Е. Федоровой, приведя в её Академию балета свою младшую дочь Машеньку, которая мечтала стать балериной и до этого, в Москве, училась в школе с хореографическим уклоном. Несмотря на разницу в возрасте — Евгении Федоровой уже тогда было за 70 — мы подружились. А потом вся наша семья, мои друзья и друзья моих друзей влюбились в неё. Она сразу сказала нам: зовите меня на бразильский манер — доной Женей. А мы стали величать её доной Женечкой.

Это был удивительный человек. Великолепная рассказчица, она обладала феноменальной памятью, её нескончаемой эрудиции мог позавидовать каждый. Она могла поддержать беседу на любую тему — будь то история, география, астрономия, литература, живопись...

Дону Женечку знали и почитали почти все мировые знаменитости балета. Стены её балетной Академии были увешены портретами Улановой, Плисецкой, Карсавиной, Семеновой, Стручковой, Лифаря, Бежара, Нуриева, Барышникова (с автографами и дружескими словами приветствия)...

Рио-де-Жанейро. Вместе с доной Женей. 1996 г.

**Строки из моего
дневника
(12 февраля 1996 г.)**

«Какая удивительная, захватывающая, поразительная судьба! Впервые за долгие месяцы знакомства донна Женечка поведала нам о своей жизни...

Родилась Евгения Шелипова (ее девичья фамилия) в 1923 году в Киеве на Андреевском спуске. Семья была из дворян (это тогда скрывалось) и вела свое происхождение от древнего боярского рода Милославских. Отец был профессором, известным на всю страну специалистом в области гальвано-пластики (*нанесения защитно-декоративного слоя металла электролизным способом*). Училась в Киевском хореографическом училище. Её педагогом была ученица легендарной русской балерины Агриппины Вагановой. По окончании училища проходила дополнительную профессиональную подготовку в Государственном академическом театре оперы и балета имени Кирова в Ленинграде (ныне знаменитая

Мариинка). После успешной стажировки была принята в труппу Киевского театра оперы и балета, где вскоре стала прима-балериной. Началась война, и её, как и многих других, немцы вывезли в Германию на принудительные работы. В Киеве остались отец, мать и две сестры.

На Неметчине ей, если можно так сказать, повезло. Попала не в концлагерь, а на невольничий рынок, где ее присмотрела и взяла в свой дом прислугой добропорядочная семейная чета немецких бюргеров. Дона Женя быстро выучила немецкий язык, и это потом сыграло поворотную роль в её судьбе. В 1944 году русский эмигрант, танцовщик балета Николай Орлов решил собрать балетную труппу из русских, угнанных в Германию. Имея на руках пофамильный список, он позвонил и в дом, где работала Женя, и попросил к телефону балерину Евгению. Трубку взяла хозяйка и ответила, что здесь нет никаких балерин. По обрывкам фраз молодая девушка поняла, о чём идёт речь и, сама не зная, откуда набралась смелости, вырвала трубку из рук хозяйки. Так она вместе с другими такими же бедолагами оказалась в труппе Балет Орлофф. Танцевала на разных сценах Европы. В мае 1945 г. выступала и на историческом праздничном концерте в Берлине, посвящённом Дню Победы.

Сразу после этого вместе с подружкой отправилась на поезде домой, в Советский Союз. В Польше, почти у самой границы, к ним в купе подсел молодой офицер, который стал расспрашивать, кто они, откуда и куда едут. Услышав историю девушек, пояснил: так как они работали на немцев, то их ждёт прямая дорога в Сибирь. И посоветовал, не доезжая до границы, сойти с поезда, затеряться в толпе и двигаться не на восток, а на Запад. Так они и сделали.

После войны Евгения Федорова скиталась по всей Европе, выступая на различных балетных сценах. В составе

труппы Королевского балета Бельгии с успехом танцевала во Франции, Испании, Италии. В том числе и под сводами знаменитого театра Ла Скала. В 1954 году её пригласили в Бразилию — солисткой балета театра Рио-де-Жанейро. Попав в Рио, Дона Женечка поняла, что её попросту обманули. Как такового балета здесь ещё тогда не было. Была лишь небольшая балетная труппа, которую пытались создать две русские балерины первой волны эмиграции: М.Оленева и Т.Лескова (правнучка нашего знаменитого писателя Николая Лескова). Но это был не уровень Доны Жени, уже блиставшей на европейских сценах...

И тогда она открывает там собственную Академию балета Евгении Федоровой и Фонд бразильского балета. Начинает готовить балерин на основе русской школы классического танца. Дону Женю приглашают в Муниципальный театр Рио-де-Жанейро хореографом, а затем и главным балетмейстером.

Впервые на американском континенте ставит балет «Лебединое озеро»... Премьера проходит с триумфом. «Раймонда», «Баядерка», «Щелкунчик», «Пахита», «Петрушка» — эти и другие её балетные постановки видели не только в Рио... Дону Женечку приглашал в Голливуд на съемки фильма «Тарас Бульба». Пятнадцать танцоров из Рио-де-Жанейроо зажигательно исполнили там казацкие пляски в её постановке.

Дона Женья знакомила бразильскую аудиторию не только с балетами классического репертуара. Она создает свой собственный балет «Открытие Бразилии» на музыку известного бразильского композитора Виллы Лобоса...

И все эти годы, что жила за границей, всеми правдами и неправдами пытается хоть что-нибудь узнать о своей семье. И только через двадцать пять (!!!) лет узнает горькую прав-

O balé é o vida de Eugénia Feodorova. Sem ele, certamente teria morrido no campo de concentração nazista

A grande bailarina quase dançou na v

Eugénia Feodorova celebra 40 anos de sua escola e i ser homenageada hoje pela nata do balé brasileiro

A solidão da ex-estrela do balé de Kiev e do Bolshoi é, no entanto, uma pena porque diante da tragédia que viveu desde que os alemães invadiram a Rússia durante a Segunda Guerra Mundial. Junto com...

Em 1945, é bailarina, ii havia...

ve as pessoas" ela, com horror. As promissoras de-las eram as únicas a entender a mãe". Ela traziam pedacinhos de pano, perfumes, agulhas de costura", com Eugénia.

cu Eugénia a vir ao Brasil formar talentos. "Neste 40 anos, posso dizer que a qualidade dos bailarinos brasileiros é excepcional. O que falta é estrutura para que eles possam estudar não só a técnica russa, que...

tasmas", reconhece, rindo. De fato, a professora Eugénia é exigente. Mas é igualmente generoso, se descobriu um talento em suas mãos. "Ja live alunos que não pagavam porque eram cretinos. Meu prazer...

mo na que se? Balletto morar, puchos exige.

Бразилия. 1996 г. Публикация о доне Жене в газете «Журнал ду Бразил»

ду о том, что её мать, отец и младшая сестра были расстреляны фашистами. В живых остается старшая сестра. Дона Женечка делает всё возможное, чтобы помочь сестре. Покупает для нее кооперативную квартиру, шлёт при okazji бесконечные посылки. Но вскоре сестра умирает, остается племянница. Дона Женя надеется, что времена меняются и, возможно, племянница сможет приехать к ней в гости».

P.S. В 2002 году за выдающиеся заслуги в области культуры и искусства Евгения Федорова удостоена «Ордена Княгини Ольги» — самой высокой государственной награды Украины, специально учреждённой для женщин.

Дона Женя покинула этот мир спустя девять лет после нашего отъезда из Бразилии, в июле 2007 года. Ее именем названы Академия балета и улица в Рио-де-Жанейро. Светлая ей память!

В ГОСТЯХ У ЖОРЖИ АМАДУ

Бразилия, штат Баия, город Салвадор, в полутора тысячах километрах к югу от экватора. 10 февраля, 1998 год:

«...Весь вчерашний вечер и сегодня утром по дороге в питомник морских черепах на душе было как-то светло и радостно. Судьба подарила нам удивительную встречу...

Все эти годы, работая в Бразилии, мы, конечно же, мечтали побывать у всемирно знаменитого бразильского писателя Жоржи Амаду... Но не могли себе представить, что главное его достоинство, то, что нас удивит больше всего — это его простота в общении и никакой звёздности. Его друзья рассказывают, что ещё совсем недавно (а сейчас просто здоровье не позволяет) он ходил пешком по улочкам Салвадора, его узнавали, здоровались с ним. Он был доступен всем и каждому, любил беседовать с простыми людьми с улицы.

Вот и с нами Жоржи Амаду был удивительно доброжелателен. Невысокий старик, с кипельно-белой копной волос, приветливо встретил нас в распахнутой зелёной рубашке (жара!), познакомил со своей милой супругой Зелией. Пока, Саша (наш телеоператор) выбирал места для съёмки, мы беседовали обо всем — о России, в которой они с женой бывали (и не раз!), о Бразилии, о его любимом Салвадоре, о его коллекции... лягушек. Он обожает этих квакающих созданий, считает их символом мудрости и удачи... И фигурки лягушек, от самых маленьких до лягушищ внушительных размеров — из керамики, металла, глины, смотрели на нас со всех уголков его дома-усады, уютно расположившись у книжных полок, на дорожках сада, под пальмами и бананами, у бассейна...

Тут же крутился под ногами ещё один, самый знаменитый на сегодняшний день «член семьи», известный на всю

Бразилию — Фадул — очаровательный годовалый мопс. Буквально вчера в «Глобу» (самой популярной бразильской газете) в полный разворот было помещено интервью с Зелией и её фотографиями этого самого Фадула. Дело в том, что сейчас по «Глобу» (а это уже самый популярный бразильский телеканал) идёт очередной сериал «Por amor» («Во имя любви»), и там одна из героинь всё время появляется в кадре с собачкой породы мопс, только девочкой. Так вот, по задумке режиссера по ходу телесериала должна состояться свадьба и ни какая-нибудь, а собачья! И Фадул выбран женихом, скоро станет телезвездой! О нем уже сейчас пишут во всех газетах, печатают фотографии, показывают репортажи по телевидению...

В этом вся Бразилия!..

Тихо и незаметно к нам присоединилась и кошка Фифи, точь-в-точь как наша Ночка — чёрная и гладкошерстная. И какая же Бразилия без попугая?! И он явился нам не просто так, небольшой зелёный попугай Лоуру торжественно восседал на ручке... метлы, которую внесла молодая мулатка, помогающая семье Амаду по хозяйству. Поначалу Лоуру уютно чувствовал себя только на плече хозяина, а затем расхрабрился и перебрался к нам, норовя укусьить за ухо.

Присутствие этой живности привнесло в нашу беседу ещё большую теплоту и раскованность.

Во время разговора Амаду сидел рядом с Зелией и держал её за руку... Это было так естественно и трогательно. Они вспоминали, дополняя друг друга, составляя единое целое. Представить их друг без друга просто невозможно. И все, отпущенное нам судьбой время, которое мы провели в семье Жоржи и Зелии, мы были окутаны атмосферой доброжелательности, аурой любви, которая царит между этими двумя, далеко уже немолодыми, людьми:

Жоржи — 85 лет, а Зелии — 82, И живут они вместе уже более полувека!!!

Интервью с Жоржи Амаду, 1998 год.

*Слева направо: Зелия Гаттай-Амаду, Виктория Невинская (Фатеева)
и Жоржи Амаду*

Зелия Гаттай-Амаду — тоже писатель. И пишет добрые сказки для детей. Кстати, их дочь Палома тоже написала книгу, только... по кулинарии. Зелия — полиглот, знает несколько иностранных языков. И я думаю, что именно она — главная Муза в жизни Жоржи Амаду. Так, похоже, считают и их друзья — в дань уважения к хозяйке дома, они подарили ей настоящую металлическую уличную табличку-указатель с надписью: «PRAÇA DE ZÉLIA» («Площадь Зелии»), которую водрузили во внутреннем дворике-патио рядом с бассейном.

Нашему оператору Александру было где разгуляться в этом удивительном уютном доме, было что снять на видео. Прежде всего — роскошная библиотека. Одни только романы и повести самого Ж. Амаду (а их более тридцати!)

на полусотне языков мира, изданные суммарным тиражом свыше 20 миллионов экземпляров, занимают несколько книжных стеллажей.

Чудесный сад и небольшой бассейн, усыпанные все теми же изваяниями лягушек. Вдоль стен обширной веранды лесенкой расположились широкие деревянные полки. На них тысячи (не побоюсь этого слова!) сувениров со всего мира, присланных и привезенные в подарок писателю. В том числе и те, что изображают в фарфоре и керамике героев его книг — «Габриела, гвоздика и корица», «Капитаны песчаных карьеров», «Мертвое море», «Дона Флор и её два мужа», «Тереза Батиста, уставшая воевать». С середины 20-го века эти сочинения Жоржи Амаду стали бестселлерами во многих странах мира...

Рассказывая нам о своих книгах, писатель поделился секретом: он никогда не планирует развитие сюжета, не сочиняет заранее кульминацию и развязку. Он просто выдумывает своих героев, а потом ждёт, что из этого получится. И они, как скажем, его любимица Габриэла, начинают жить своей собственной, неподвластной ему жизнью. А он лишь описывает её...

Сейчас у Амаду почти созрел новый роман о судьбе бездомного мальчишки, который живёт на берегах великой реки Сан-Франциско, которая для бразильцев значит то же самое, что для нас Волга.

А Зелия нас сразила и влюбила в себя окончательно и бесповоротно, когда под конец нашей встречи начала петь на чистейшем русском языке:

*Далеко, далеко, где кочуют туманы,
От далёкого ветра колышется рожь...*

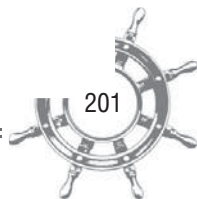

Она пела с таким чувством, таким мягким приятным голосом, что мы не выдержали и попросили спеть её ещё раз. Она без всяких церемоний, с удовольствием пропела на бис эту душевную русскую песню. Нынешнее поколение, наши дети (увы!) этой песни не знают, да и звучит она по радио крайне редко. Зелия рассказала о том, что у неё в Москве много друзей, и что она очень любит Россию.

Сколько мы ни искали глазом на сувенирных полках, но так и не нашли нашей знаменитой матрёшки... На прощание пообещали Жоржу и его Зелии обязательно пополнить их коллекцию русским сувениром».

***P.S.** Через пару месяцев нам привезли из России красивую русскую матрёшку. Мы ее переслали Ж. Амаду и Зелии вместе с видеозаписью нашего телерепортажа, который был показан по первому каналу российского телевидения в программе «Доброе утро». А матрёшка, как нам стало известно, до сих пор хранится в Мемориальном музее Жоржи Амаду в г. Салвадоре.*

Писатель ушёл из жизни спустя три года после нашей встречи. Зелия пережила его на семь лет.

ПАРОКОНЬЕВА АЛЛА КОНСТАНТИНОВНА — этнограф, искусствовед

Родилась 13.07.1945 г. в Кировограде в театральной семье. Отец — Параконьев* Константин Иосифович (1920-1987) — украинский советский актёр и режиссер театра, киноактёр. Народный артист Украины (1979). Лауреат Госпремии УССР им. Т.Шевченко (1970). Работал в областных драматических театрах: Кировоградском — им. Кропивницкого и Запорожском — им. Магара.

Мать — Татьяна Михайловна Пароконьева (1923-1986) — артистка балета.

После окончания СШ № 8 училась в Кировоградском пединституте (филфак).

В 1968 году семья переехала в Запорожье, где в 1970 году в Запорожском пединституте Алла завершила образование (факультет иностранных языков, кафедра романо-германских языков).

После вуза свыше 20 лет проработала в Запорожском областном художественном музее в должности заведующей отделом декоратив-

* Параконьев — сценический псевдоним (по паспорту — Пароконьев).

но-прикладного искусства. Затем преподавала в вузах города этику, эстетику и этнографию.

Сейчас — секретарь Запорожского ротари-клуба (ротари интернейшн РИ — международная гуманитарная ассоциация клубного типа).

В «Бригантине» с 1963 года. Её появление в клубе неизменно сопровождалось громогласным «О, сакраменто!». Не забыть!..

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ:

В музей пришла с момента его создания (1972). Никаких коллекций в основе фондов музея не было. Всё собирали своими руками. Объехали и обошли всю Украину, все области, все центры декоративно-прикладного искусства, посетили всех известных мастеров. Каждый год летом — экспедиции по 15-20 дней, командировки практически каждый месяц (раз в два месяца — обязательно).

В нашем отделе работали две молодые мамы с маленькими детками, так что, в основном, моталась я. Это было прекрасное время. Я увидела всю Украину, её красоту и разнообразие, её людей и их щедрость. Никакие книжки и фильмы этого не расскажут.

Картина Марии Примаченко

О МАРИИ ПРИМАЧЕНКО

В том, что в Запорожье большая коллекция картин Марии Примаченко (вторая после киевской) — большая заслуга Аллы Константиновны Пароконьевой. Она не раз была в гостях у известной украинской художницы, приобретала её картины для музея. Доверив музею сотню своих картин, Примаченко доверительно поделилась с искусствоведем и тайнами своего творчества:

«Вона розказувала, як до неї приходять людина у білому вбранні, яка допомагає їй працювати, яка неначе посилає їй ті кольори. Вони висвітлюються, неначе промінчиками».

«Я бачу на папері, — казала вона, — як лучик той,

Мария Примаченко. «Я вам пишу»

промінчик, лягає квітками». Кольором, який потрібен для її квітки».

Мария Примаченко также расшифровала тайное содержание некоторых своих работ: цветы на её картинах — это звёзды, зёр-

нышка кукурузы — миры, рассыпанные в звёздном небе.

Письмо к Татьяне Березняк от 05.09.2013

Добрый день, Танечка!

Безумно рада, что мы нашли. Спасибо за это Серёже* (Казнадия — ред.). Я уже писала, что встреча с вами (хоть и заочная) подкорректировала ход моей жизни. Очень здорово вернуться в юность. Спасибо, что ещё помните обо мне. Впрочем, я ведь тоже всех помню и вспоминала всегда то время, как самое окрылённое. По поводу фотографии тоже проблематично. Практически все фото групповые, но я поищу ещё. Мои искусствоведческие статьи остались в музее, ничего с собой домой не взяла, чтобы не «захламлять» квартиру. Не считала их чем-то важным, обычный рабочий поток. Есть, правда, записи о встрече с нашей великой украинской художницей Марией Примаченко. Я ездила к ней за работами для нашего музея несколько раз и поддерживала с ней связь. Как раз выдержку из телепередачи о её столетии ты и нашла в интернете. В нашем музее одна из лучших и больших коллекций её работ. Есть ещё пару написанных мной буклетов к персональным выставкам наших запорожских художников. Главное, тоже их найти. Я очень постараюсь.

Прочла твои стихи с иллюстрациями. Залюбовалась. Такое созвучие! Просто блеск. Вот это я понимаю! Очень талантливо. (О стихах, иллюстрированных картинами Андрея Липатова — Т.Б.).

Из письма мне показалось, что ты хочешь собрать нас всех для встречи? Я «за». Когда?..

Всем от меня тёплый привет и, надеюсь, до встречи. Обнимаю, Алла.

* Сергей Казнадий — сын Ивана Васильевича Казнадия (1926 — 2006), украинского режиссера, заслуженного деятеля искусств УССР, который свыше 10 лет был коллегой К.И.Пароконьева по Кировоградскому драмтеатру.

Из письма к Татьяне Березняк от 17.03.2017
(фрагмент)

Откровенно говоря, не считаю, что и это — то, что вы-сылаю, стоит внимания, а остальное уж — и подавно. Я ведь давно уже не беру ручку с целью записать то, что иногда возникает в ощущениях и образах. Раньше, пока Ярослав был маленьким, мы вместе что-то сочиняли, и кое-что получалось даже интересно и художественно. Может, что-то и сохранилось, но не знаю — где.

Если то, что я посылаю тебе, не подойдёт, я не расстроюсь. Понимаю, что навык утерян, а размышление на тему, в которой нет сюжета, может быть скучным.

Если бы я знала (а кто знал?), что ты будешь осуществлять этот проект (ты — большая умница), то я, может быть, и сохранила бы многое (из того, что написала). Но оценивала я свои произведения, как **почеркушки** (наброски) для освобождения от эмоций. Дат не помню. Прости, что я тебе плохой помощник, но я старалась отыскать прошлое, а оно осталось ярким только в памяти. Обнимаю. Алла.

* * *

В таинственном мерцанье изумрудных глаз
Призыв манящий обещает чудо...
И в сдержанности наших страстных ласк —
Залог любви, что сердце не забудет.

* * *

Ты груб и нагл. И я с тобой не буду.
Не жди меня — к тебе не обращусь.
В иных мирах, где ты очистишь душу,
Сама тебя найду, к душе твоей вернусь.

Из письма В. Гончаренко к Т. Белозерской от 7.04.1965

Алла Параконьєва пише досить непогані новели. З неї буде люде, якщо вона буде серйозно працювати.

Казки для сина

КВІТИ

Оленку розбудив щасливий спів пташок. Вона відкрила оченята і побачила, як сонячний промінчик бавиться з букетиком квітів, які вона зірвала вчора ввечері. Квіточки тихесенько зітхнули і прошепотіли: «Дякуємо тобі, сонечко. Ми, мабуть, бачимо тебе востаннє. І вітерець вже ніколи не пограється з нашими пелюстками, і краплинки дощу вже ніколи не вмиватимуть наше листячко, і зіроньки вже ніколи не співатимуть нам колискову пісеньку. Нам так сумно стояти тут у вазі без наших подружок. Від смутку ми тут так швидко зів'янемо, і в нас ніколи не буде наших діточок».

І Оленка вже не так радіє нам, як тоді, коли ми росли в садочку у затінку старої груші, яка оповідала нам про давні часи».

Промінчик обійняв букетик, поцілував і попрощався: «Я буду вас пам'ятати завжди», — тихесенько відповів він і зник. Він, навіть, не привітався з Оленкою, як робив це раніше, і вона зникла. «Я зробила їм боляче, — подумала вона про квіти в букетику. — Я ж так старанно їх відбирала, а їм подобається воля. Їм там добре, там кожна з них в своїй сім'ї. Як я в своїй, де мені добре».

«Мамо, тату, бабусю! Де ви?». Оленка з'їхала з ліжка і побігла в садочок на пошуки. «Я дарую вам квіти — всі, всі. Але вони ростимуть у садочку».

ВЕЧІР

Прийшов вечір і попроводив усіх додому.

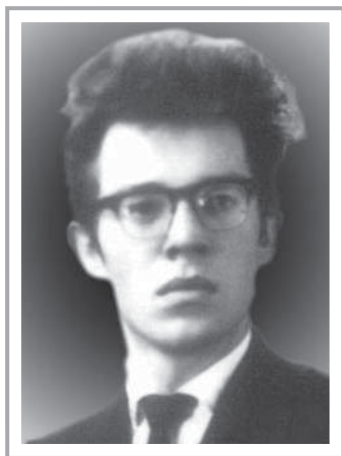
Ось уже і весна. Вона була така тепла, така лагідна, що після холодної зими вечір приліг на землю відпочити. Земля була м'яка і сповнена такою тишою, що він почув, як радісно гомонять зернята, готуючись до роботи — вони мали йти назустріч сонцю, що покликало їх. Треба ж було прикрасити землю, замалювати різнобарвними кольорами, принести людям радість і почастувати їх смачним врожаєм.

А люди? Чи відчують цю красу, чи роздивляться її різнобарв'я, чи віддячать землі за її турботливу працю? Чи бігтимуть повз все це, похапки їстимуть ті плоди, лише щоб відчути повне черево?.. А душа їх подякує Землі і Небу за ті щедрі дари, які так старанно плекає для них Природа?

Задумався вечір, засумував...

Можливо, ранок розбудить людські душі?..

ПОПОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился 11.10.1946 г. в г. Конотоп Сумской области.

После окончания Кировоградской СШ № 34 (выпуск — 1964 года) учился в Харьковском сельскохозяйственном институте им. Докучаева.

Работал в Кировоградском филиале НИИ землеустройства (инженер-землеустроитель).

Член «Бригантины» с 1963 года.

Юрка Попов... Элегантный, энергичный, эмоциональный, эпатажный. Не столько креативный, сколько тусовочный. Красавец, разбивающий сердца.

При обсуждении стихов неизменно шутил: «Я человек sereneкий, мне всё нравится». Эта хитрая фраза его запомнилась. А стихи? Архивы «Бригантины» свидетельствуют о моём восторженном интересе к поэзии Попова («о целующихся мальчиках и пульсах, как у пенсионеров»). Моя же память его стихов не сохранила, как не сохранил их и Юра Попов, представив в альманахах всего два стихотворения.

* * *

Ветер-шептун устало и сонно
В скверах влюблённым лепечет стихи.
Город глядит на меня удивлённо,
Выкатив окон квадратных белки.

Я не впервые на улицах этих
Звоном шагов рублю тишину.
Вот и сегодня тебя я не встретил,
Молча сам одиноко иду.

Песню запеть? Но стены тупые
Слова, как ракетка, бросают назад.
Это ведь только слова простые,
Как равнодушный взгляд...

Мне бы в Сочи — под пальмы, в песочек...
Не видеть, не слышать и не знать
Этих глаз твоих, ласковых очень,
Мне бы лечь и лет десять проспять!

Клетки окон — со всех сторон.
Мне не вырваться, не убежать.
Моей песни мучительный стон
Раздаётся в ночи опять...

* * *

Свои стихи мне некому дарить,
И потому пишу без посвящений.
Лишь для себя, чтоб после не забыть
Ни мига, ни секунды настроенья.

Просторен ямб — в нём дышится легко
Поэтам всех веков и поколений.
Я появлюсь... И спросят: «Кто таков?
Он член которых литобъединений?»

Да никаких! И тем доволен я —
Поэт-бунтарь, писатель-одиночка.
Стихи мои читают лишь друзья,
Не всем понравятся корявенькие строчки.

И нет охоты мне печатать стих,
Торчать в редакциях, спеша за гонораром.
Я счастлив тем, что голосок мой тих,
Мне шум и слава не нужны и даром.

Зачем мне эта слава — не пойму.
Так и живу, не жалуясь, поверьте.
Редактор не ругает, я ему
Не шлю на праздник эпиграмм в конверте.

Свои стихи мне некому дарить,
И потому пишу без посвящений.
Лишь для себя, чтоб после не забыть
Ни мига, ни секунды настроенья.

САРАСКИНА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА — филолог, литературовед, критик

Родилась 12.02.1947 г. в городе Лиепая Латвийской ССР (см. «Список известных людей, родившихся в Лиепаве», на странице Википедии — <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лиепая>) в семье офицера балтийского флота Сараскина Ивана Михайловича. Позже семья переехала на Украину, где прошли школьные годы (СШ № 24, выпуск — 1965). Окончила филологический факультет Кировоградского педагогического института (1969) и аспирантуру МГПИ им. Ленина, защитила диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук (1976). Доктор филологических наук (защитила диссертацию по монографии «Бесы» — роман-предупреждение» в 1993).

Работала преподавателем в Кировоградском педагогическом институте (1969-1972), МГПИ (1972-1974), в ГБЛ (1975-1976); младшим, затем старшим, затем ведущим научным сотрудником Института художественного воспитания АПН РСФСР (ныне Научно-исследовательский институт художественного образования Российской академии образования) с 1976. В течение ряда лет преподавала в Институте журналистики и литературного творчества. С 2001 по декабрь 2011 года — ведущий научный сотрудник Федерального государственного

го бюджетного научно-исследовательского учреждения «Государственный институт искусствознания» (ФГБНИУ ГИИ).

С января 2012 года — главный научный сотрудник Государственного института искусствознания.

В апреле 2013 прошла переаттестацию по версии Министерства культуры с резолюцией о полном соответствии занимаемой должности — главного научного сотрудника Сектора медийных искусств.

Была визитинг-профессором в ун-тах Копенгагена (1989), Оденсе (Дания; 1990), штата Иллинойс (1991), Варшавы (1992), Орхуса (Дания; 1994); читала лекции в учебных заведениях Германии, Японии. В рамках Христианского фестиваля-2008 в г. Римини (Италия) выступила в качестве автора и куратора выставки «Жить не по лжи. А.И. Солженицын». Неоднократно выступает на радио и телевидении в программах, посвященных выходу своих книг. Автор и ведущая документальных фильмов, посвященных А.П. Суловой (реж. С. Шумаков), Ф.М. Достоевскому (реж. А. Эшпай), А.И. Солженицыну (реж. Л. Парфенов, С. Браверман). Выступает как литературный консультант в документальном кино. Член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы (с 1992), Член Международного общества Достоевского. Член редакционного совета альманаха «Достоевский и мировая культура» (с 1993), правления Российского общества Достоевского, Член Жюри Литературной премии Александра Солженицына (с 1997). Эксперт по Государственным премиям в области художественной литературы (с 2012). Вошла в Оргкомитет Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям по подготовке и проведению празднования 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына в 2018 году (2014).

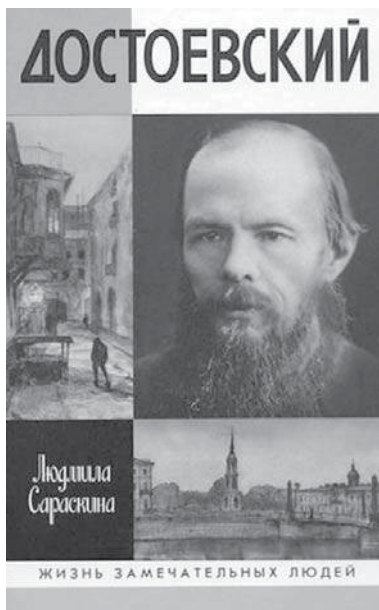
Лауреат литературных премий журнала «Октябрь» (1988), «Книга года» (2008), Яснополянской премии имени Льва Толстого (2008), «Большая книга» (2008, в двух номинациях). Лауреат конкурса ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» в номинации «Лучшее издание по гуманитарным наукам» (2011) за книгу: «Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры». Номинация на премию «Большая книга» за книгу «Достоевский» (серия ЖЗЛ, 2011).

Печатается с 1973. Живет в Москве.

Автор и составитель книг:

- Изучение личности писателя на уроках чтения в начальной школе: методические рекомендации. — М., 1983;
- «Не мечем, а духом...». Русская литература о войне и мире. — М., Знание, 1989;
- «Бесы»: роман-предупреждение.— М.: Советский писатель, 1990;
- Возлюбленная Достоевского. — М.: Согласие, 1994;
- Региональная программа изучения жизни и творчества Ф.М.Достоевского в 3-11 классах школ г. Старая Русса и Старорусского района. — М.: Старая Русса, 1995;
- Федор Достоевский. Одоление демонов. — М.: Согласие, 1996;
- Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 2000.
- Граф Н.П.Румянцев и его время — М.: Наш дом — L'Age d'Homme», 2003;
- Достоевский в созвучиях и притяжениях: (от Пушкина до Солженицына). — М.: Русский путь, 2006;
- Sergej Fudel': Messaggi dal km 101. — Milano: La Casa di Matrona, 2007. 275 с. [В соавторстве с о. Николаем Балашовым] (На итал. яз.);
- Fiodor Dostoïevski. Une Victoire sur les Démons. Traduit du russe par Bruno Bisson. — Lausanne-Paris: L'Age d'Homme, 2008. — 382 p. (На франц. яз.);
- Александр Солженицын. — М.: Молодая гвардия, 2008. — Серия ЖЗЛ, «Биография продолжается»;
- Солженицын. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 959 с. [ЖЗЛ];
- Непреодоленное. Диалоги двух десятилетий. — Ясная Поляна: Изд. дом «Ясная Поляна», 2009. — 151 с.
- Путь Солженицына в контексте Большого Времени. Сборник

- памяти (1918-2008). Составление, подготовка текста, общая редакция. 30 а. л. — М.: Русский путь, 2009. — 480 с.
- Испытание будущим. Достоевский как участник современной культуры. — М., Прогресс-традиция, 2010. — 600 с.
 - Сергей Фудель. — М.: Русский путь, 2011. — 256 с. [В соавторстве с прот. Николаем Балашовым];
 - Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 825 с.: ил. (2-е изд., 2013);
 - The Impact of the Novel Demons (Влияние (удар) романа «Бесы»). В соавторстве с проф. Икюо Камэяма. — Токио: Kobunsha Co., Ltd., 2012. — 301 с. На япон. яз.;
 - Солженицын (серия ЖЗЛ). Пер. на кит. язык проф. Пекинского ун-та Жэнь Гуансюаня: В 2 т. Т. I. Ч. 1-4. Т. II. Ч. 5-8. — Пекин: Изд-во «Художественная литература Китая», 2013. — 1062 стр., 1 300 000 иероглифов. — Предисловие и послесловие переводчика. Предисловие автора к переводу книги на китайский язык. Илл.
 - Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7-9 декабря 2011 года. Сб. ст. / Сост. Л.И. Сараскина. — М.: Русский путь, 2013. — 560 с.
 - Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2014. — 608 с.: ил., тираж 2000 [Серия «Испытание будущим»].

Произведения Сараскиной переведены на английский, арабский, итальянский, испанский, немецкий, венгерский, польский, сербский, французский, японский, китайский и другие языки.

**Выступление на церемонии вручения
Литературной премии Александра Солженицына
21 апреля 2016 года**

Уважаемые гости! Дорогие друзья!

Литературная Премия Александра Солженицына 2016 года присуждена Георгию Михайловичу Кружкову «за энергию поэтического слова, способного постичь вселенную Шекспира и сделать мир англоязычной лирики достойным русской стихотворной стихии, за филологическое мышление, прозревающее духовные смыслы межъязыковых и межкультурных связей».

Я радуюсь, что Жюри поручило прокомментировать премиальную формулу именно мне. С удовольствием скажу: имя и статус Григория Кружкова давно не нуждаются в комментариях, и мы вполне могли бы провести нашу встречу как вечер поэзии; то есть читали бы стихи и переводы лауреата, его дивные сказки и забавные лимерики, которые вовсе не всегда смешные бессмыслицы. И среди нас наверняка нашелся бы человек с гитарой, который спел бы романс на слова Киплинга в переводе Кружкова «За цыганской звездой», ставший русским шлягером, да не шесть строф, как в «Жестоком романсе», а все двенадцать, как в оригинале.

Я бы первым делом прочитала замечательную философскую миниатюру «Мюнхенскому муравью»:

Я склонился завязать шнурок.
И вдруг у ног открылся мне мирок,
несущийся куда-то с жуткой прытью;
как беженцы, спешащие к отплытью
последнего эсминца,
муравьи
бежали, подхватив тюки свои,
в каком-то неизвестном направленьи...

Я замер, глядя в праздном изумленье
на малых сих, спешащих что есть сил
к далеким миражам.
Потом спросил
у одного из них, что мчался с краю:
— Куда бежишь ты?
— Юность догоняю, —
Ответил муравьишка
и исчез.
Я выпрямился. На меня с небес
высокий Аполлон, склоняясь над лесом,
взирал —
по сути, с тем же интересом*.

И еще я бы прочитала стихи про первую встречу Кружкова с Иосифом Бродским, и про то, как Пушкин идет по вагонам электрички, декламируя «Я помню чудное мгновение», и, конечно, переводы любовных посланий Джона Дона и Эндрю Марвелла.

Но есть устав премии, есть традиции нашей уже девятнадцатой церемонии — так что я дерзаю обосновать выбор Жюри.

Григорий Кружков — поэт-виртуоз, мастерски владеющий и буквой, и духом поэзии. И восхищаясь его поэтическими погружениями в стихии родного и неродного языков, резонно предположить, что эта необычайная глубина уходит корнями в традиции семьи — если не прадедов, то по крайней мере отцов и дедов.

Однако отец Григория Михайловича служил в военном оркестре и играл на ударных инструментах, а мать работала воспитательницей в детском саду. В доме совсем не было

* Кружков Г. Двойная флейта. Избранные и новые стихотворения. М.: Воймега; Арт Хаус медиа, 2012. С. 199.

библиотеки, и первыми товарищами Григория были не благовоспитанные мальчики, а завсегда таи подмосковной уличной вольницы — болшевской, монинской, мытищинской, перловской. «В детстве я постоянно с ними общался»*, — деликатно признается Кружков, имея в виду шайки местных хулиганов.

Все же судьба благоволила к нашему лауреату и вовремя, с самых малых лет, посылала ему нужные встречи и впечатления. Заглядывая в букварь через плечо двоюродного брата-первоклассника, трехлетний молодой человек научился читать. У соседей по даче нашел свои первые толстые и тонкие книжки. А позже подружился с сорванцом из богатого дома, где нашел всего Жюль Верна и жадно проглотил его.

Оглядываясь назад, видишь, как торопился жить, как экономил время своей юности Григорий Михайлович: поступил на вечернее отделение Московского энергетического института, проучился там два года, днем работая слесарем, а потом перевелся на физический факультет Томского университета.

Сегодня на сайте этого учебного заведения имя Григория Кружкова значится в рубрике «выдающийся выпускник 1967 года»**. Его физическое образование продлилось еще три года в аспирантуре Института физики высоких энергий в Протвино. «Это было время великого увлечения физикой»***, — вспоминает Григорий Михайлович и признается, что до двадцати пяти лет считал себя физиком-теоретиком.

* Кружков Г. Тяга к сферичности. Беседовала Елена Калашникова // Русский журнал. 2001. 1 ноября; [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/20011101_kalash.html

** См.: Томский государственный университет. Физический факультет // [Электронный ресурс]. URL: <https://phys.tsu.ru/index.php?page=1060>

*** Кружков Г. Тяга к сферичности // [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/20011101_kalash.html

Как же случились в его жизни стихи и английские переводы? Как физик стал поэтом? Оказывается, добрый ангел в лице бывшего летчика, худого и поджарого, как шотландская овчарка, явился в пятый класс школы, где учился Григорий, ненадолго обернулся преподавателем английского языка и так впечатлил школьника, что тот навсегда влюбился в английский язык, а любовь, как известно, творит чудеса. Перевод песенки, известной с XVIII века каждому британскому ребенку «Twinkle, twinkle little star...», стал первым опытом Григория. То есть перевод английских стихов был, как выясняется, *первой* любовью Кружкова, еще до всякой физики и ее высоких энергий, и этой любви он никогда не изменял, а только — как талантливый юноша — смотрел на мир широко открытыми глазами и увлекался научной новизной.

Когда худой и поджарый ангел ушел из школы, маленькие англomanы продолжали «дуть на огонь» и говорить друг с другом на языке учителя. А позже из букинистического магазина явились Григорию Лонгфелло и Теннисон — стихи этих поэтов были посложнее колыбельной песенки о маленькой звездочке, их очень хотелось переводить, но не было ни наставника, ни литературной компании.

Казалось, первая любовь забылась, ее вытеснили наука о структуре и свойствах элементарных частиц, теория их взаимодействий и столкновений, ядерные реакторы и большие адронные коллайдеры. Но *вдруг* — именно вдруг — во время учебы в физической аспирантуре Григорий перевел с английского несколько стихотворений Джона Китса и один из переводов был напечатан в «Иностранной литературе». Так состоялся дебют Кружкова-переводчика; его заметили и оценили, и образовались в его жизни еще два ангела — переводчица Ольга Петровна Холмская, которая нежно люби-

ла творчество Китса, и Аркадий Акимович Штейнберг, легендарный человек, высококлассный переводчик, которого интересовали едва ли не все языки мира. У Кружкова появились наставники и литературная компания.

Нельзя, однако, думать, что ему всё доставалось легко, с налету. Прочитирую одно из его признаний — о том, как он бился над переводами Йейтса: «По 5–10 раз я вклеивал одни варианты поверх других, исправляя до бесконечности... Надо было знать круг идей европейского символизма, Серебряный век, творчество современников Йейтса. У меня были просто жуткие пробелы в знаниях. Если бы я вырос в центре Москвы, на Якиманке или на Остоженке, то, наверняка, родители некоторых моих одноклассников были бы гуманитариями, и я бы невольно вошел в эту среду, узнал, по крайней мере, имена»*.

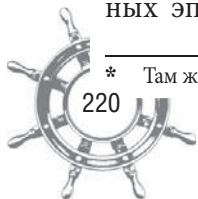
Как знакомо мне (и, может быть, многим из нас) это восклицание — про центр Москвы и жуткие пробелы в знаниях!

Пробелы в знаниях Григорию пришлось устранять самостоятельно, учась в аспирантуре Колумбийского университета в Нью-Йорке. Там он защитил докторскую диссертацию по русскому и ирландскому символизму и стал признанным специалистом по Уильяму Батлеру Йейтсу, великому ирландцу, основателю Ирландского национального театра, лауреату Нобелевской премии 1923 года, сенатору Ирландской республики, разными гранями своего таланта похожему на русских поэтов Серебряного века.

Но что общего с физикой высоких энергий было у английского романтика Китса и ирландца Йейтса?

Ответ очевиден: столкновение поэтических стихий разных эпох и разных культур способно рождать высокую

* Там же.

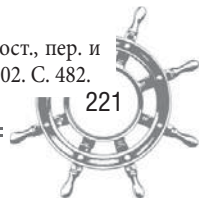

художественную энергию — в случае, если за дело берется мастер. Став великолепным мастером перевода, но не утратив мощный интеллект физика-теоретика, Кружков увидит общие законы двух сфер деятельности: закон сохранения энергии и закон сохранения импульса. «Первое, что следует сохранить в художественном переводе, — это сила, энергия оригинала. Если хлесткий афоризм, если слово страсти или скорби будут переданы по-русски вяло, блёкло, косноязычно, что изменится? Да абсолютно всё! Остроумие станет плоскостью, нежность — наглостью, искренность — пошлостью. И все знаки текста изменятся на обратные. Большого предательства по отношению к оригиналу и вообразить невозможно. Слабый перевод никогда не может быть верен, это — *a priori*, до всякого рассмотрения. Так физик даже и не начнет рассчитывать вероятность какого-нибудь события, если увидит, что оно энергетически невозможно»*.

Это утверждение Кружкова прозвучит в эссе «Квантовая механика и поэтический перевод», размещенном в его замечательной книге «Англасахаб. 115 английских, ирландских и американских поэтов»: среди них — Шекспир и Джон Донн, Байрон и Шелли, Эдгар По и Эмили Дикинсон и — неожиданные Генрих VIII со своими придворными пиитами, а также Елизавета I Английская, Мария Стюарт, Иаков IV. Пять веков англоязычной поэзии.

Сделать чужое своим, «одомашнить» чужое, не жалея собственной крови, стремиться пробить сердечную корку читателя до самых артезианских глубин — вот высокие принципы перевода по Кружкову. Главный ориентир в переводческом труде для него — Борис Пастернак, в перево-

* Англасахаб. 115 английских, ирландских и американских поэтов / Сост., пер. и коммент. Г.М. Кружкова. Псков: Псковская областная типография, 2002. С. 482.

дах которого уже нет границы между чужим и своим, а есть непостижимая магия и чудо. Со временем окажется, что такой, казалось бы, бесспорный гигант, как Пастернак, достойный лишь благодарного признания и восхищения, нуждается в профессиональной защите — и эту роль Григорий Михайлович будет выполнять со страстью и азартом.

Все же в случае Кружкова этапу магическому предшествуют пристальное чтение, сопоставление и анализ текстов, толкование смыслов, кропотливая словарная работа. Всё это сформировало в нем высококласного филолога, автора книги «Ностальгия обелисков»*, фундаментального исследования о Йейтсе**, двухтомных «Очерков по истории английской поэзии»***.

В филологических эссе Кружкова удивительным образом проявились три грани уникального таланта — это когда исследователь внушает поэту, что его переводы есть акт любви. «Какова причина переводов? Та же, что и в любви: влечение к прекрасному... Как человеку, видящему прекрасный образ, недостаточно только любоваться им, но восхищение постепенно переходит в стремление овладеть предметом восхищения, так и поэт, влюбляясь в чужое, но прекрасное творение, стремится сделать “не свое” своим, слиться с ним — и доказать свою силу, способность этим “не своим” овладеть... Овладеть, но и отдалиться, добровольно умалив свою свободу... Эту метафору можно распространять бесконечно. Всё, что присуще любви мужчины и женщины, всё это можно увидеть в переводе. Самоутверждение, удальство. Не смутиться перед внешней неприступностью, добиться своего.

* Кружков Г. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 704 с.

** Кружков Г.М. У.Б. Йейтс. Исследования и переводы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 671 с.

*** Кружков Г. Очерки по истории английской поэзии. В 2-х т. Поэты эпохи Возрождения. Т. 1; Романтики и викторианцы. Т. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2015.

Чем труднее цель, тем заманчивей. Как в сказке, допрыгнуть на коне до высокой башни, разгадать загадки, справиться с невыполнимой задачей»*.

Кружков убежден: никакой филолог не сможет так пристально взглянуть в каждое слово, прочувствовать все его смыслы и оттенки, как переводчик. Потому перевод — высшая форма прочтения поэзии. Потому столь естественно для Кружкова обратиться от поэтов английской «озерной школы» к творчеству Пушкина, от ирландца Йейтса к его русским современникам-символистам, от трагедии короля Лира к судьбе Льва Толстого.

Итак, главный секрет Кружкова-переводчика, что он — поэт, влюбленный в свой родной язык, который под его пером чутко отзывается на мировую поэтическую мысль с ее высокой музыкой, хаосом страстей, абсурдом, смехом и скорбью.

Цитирую:

...Для стихотворения, как для иконы, важна надышанность. Оно должно отвисеться, вписаться в какой-то умопостижимый контекст, даже, если хотите, намозолить глаза. Такова метафизика красоты**.

Стихи Кружкова надышались всей мировой литературой, они плоть от плоти его переводов, ведь переводы — это еще и тоска по далекому, это приключение мысли, плавание в неизвестность. «Переведенное стихотворение, — пишет Кружков, — есть дитя, у него двойная наследственность... Иногда говорят: переводчика не должно быть видно, он должен стать прозрачным стеклом. Но дети не рождаются от

* Кружков Г. Перевод и Эрос // Кружков Г. Англсахаб. 115 английских, ирландских и американских поэтов. С. 490-491.

** Кружков Г. Камень, или Третий анекдот о Уоллесе Стивенсе // Кружков Г. Двойная флейта. Избранные и новые стихотворения. С. 55.

прозрачных родителей; чтобы зачать ребенка, нужны создания из плоти и крови»*.

Алексей Вадимович Бартошевич, известный российский шекспировед, в предисловии к недавним переводам Кружкова «Короля Лира» и «Бури», сказал о нем так: «Переводчик Шекспира не может не быть поэтом... Кружков, прекрасный современный поэт, переводит Шекспира во всеоружии филологической учености, стремясь в точности передать малейшие оттенки подлинника... Переводы Григория Кружкова легко и свободно ложатся на язык. Они подарят настоящее счастье актерам»**.

Шекспир для Кружкова — основа и мерило всех его представлений об искусстве, так что перевод «Короля Лира» и «Бури» стал воплотившейся мечтой и высшей точкой мастерства. Вчитываясь в Шекспира, Кружков существует на одной волне с автором и переводит не только слова, но и воздух, пространство вокруг слов. Вглядываясь в эпоху Шекспира, он решительно оппонирует всем тем, для кого Шекспир — не автор великих пьес и сонетов, а презренный самозванец. Споря с отрицателями, Кружков выдвигает аргументы столь же яркие и веские, сколь и неотразимые. Он видит в Шекспире «обыкновенное чудо гения, в котором нет ничего сверхъестественного»***.

Не раз Кружков-переводчик, недавний почетный доктор литературы Тринити-Колледжа в Дублине (2015), имея в виду цели своих переводов и исследований, говорил, как важно приблизить англоязычную поэзию к

* Кружков Г. По ту сторону чуда или антисоветский 66-й // Шекспир У. Сонеты. Пер. с англ. Составление, предисловие, статьи Г. Кружкова. М.: Изд-во «Э», 2015. С. 346.

** Бартошевич А. О шекспировских переводах Григория Кружкова // Шекспир У. Король Лир; Буря: пьесы. М.: Эксмо, 2013. С. 5–6, 7.

*** См.: Кружков Г. Шекспир без покрывала // Кружков Г. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. С. 587.

русскому читателю, объяснить незнакомое через знакомое, осмыслить знакомое через незнакомое, сопоставить судьбы русских поэтов в контексте судеб поэтов Англии и Ирландии и наоборот.

Но Кружков-поэт, помимо культурных задач, хотел бы видеть в своей поэзии и нечто большее.

Стихи мои, клочки, плоды безделья! —
напрасно я вас вымолил у Бога;
смотрю и вижу: мало в вас веселья
и горя настоящего не много.

О, если бы вам заново родиться,
чтоб стать на этом черном белом свете
игрушками, которыми в больнице
играют умирающие дети!*

Может быть, поэтому в стихах Кружкова для детей (а он автор двадцати детских книг, переводных и оригинальных) так много игры со словами и смыслами, так много доброго юмора, веселого абсурда и нонсенса, столько нелепиц, небылиц и перевертышей. Одуванчиковые, совиные, кошачьи, рачьи, чемоданные, колдунские, полицейско-патрульные сказки Кружкова расскажут, откуда взялись и куда подевались поющая шляпа, чемоданы с ножками и привидение, которое хрустело печеньем... Станет известно, как воздушные шарики спасли мир от конца света, как обойные человечки совершили свое первое кругосветное путешествие. Мир узнает, как можно писать стихи вилкой по воде, кто такие Бабушка Погода и Пес Прогноз, где живут чеслики, лохлики и лысые зямлики...

* Кружков Г. Двойная флейта. Избранные и новые стихотворения. С. 185.

«Я знаю тридцать пять языков: на пяти читаю, на десяти понимаю и на двадцати сам разговариваю»*, — говорит о себе Кружков-сказочник, и это чистая волшебная правда. А Кружков, детский поэт, сочинил строки:

Если я был бы маленький-маленький гном,
Я б умывался каплей одной дождя,
Я бы на божьей коровке ездил верхом,
Удочку прятал в дырочку от гвоздя**.

Но вот с дырочкой от гвоздя ничего у Вас не выйдет, Григорий Михайлович. Не спрячетесь. Мы сегодня чествуем Вас как поэта, самозабвенно влюбленного в родное слово, крупнейшего российского переводчика, тонкого интеллектуала, создавшего целую библиотеку первоклассной литературы и подарившего ее нам, Вашим благодарным читателям.

Сердечно поздравляем Вас и гордимся Вами!

Людмила Сараскина

*Материалы взяты из сайта Людмилы Сараскиной
<http://www.ludmila-saraskina.info>*

* Кружков Г. Откуда что взялось // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kukumber.ru/stories.php?story=90>.

** Кружков Г. Если я был бы // Там же.

САРЖЕВСКИЙ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ — филолог, педагог, журналист

Родился 26 сентября 1951 года в Кировограде. Ещё в школе (окончил СШ № 27) писал стихи, короткие рассказы, рецензии на книги и кинофильмы. С сентября 1965 года — член литературного клуба «Бригантина». Печататься начал с 1966 года. Был победителем Республиканского поэтического конкурса «Край родной», организованном в 1967 году ЦК ЛКСМУ и газетой «Юный ленинец», и лауреатом Всесоюзного смотра-конкурса произведений школьников на тему «Мой современник». В числе 70 авторов лучших творческих работ был приглашён в Москву (1969).

Окончил филологический факультет (украинское отделение) Кировоградского государственного педагогического института имени А.С. Пушкина (1968–1972).

Работал учителем, заместителем и директором общеобразовательных школ, преподавателем пединститута, ведущим инспектором-методистом областного управления образования, методистом областного учебно-методического кабинета профтехобразования,

заместителем начальника отдела образования Кировоградской рай-госадминистрации. Сейчас (2017) работает методистом областного центра научно-технического творчества учащейся молодежи.

Нагрудный знак «Відмінник освіти України».

Член областного литературного объединения «Степ» (1969). Член Национального союза журналистов Украины (1988). Пишет на социальные и педагогические темы, о ветеранах и инвалидов прошедшей войны, войны на востоке Украины.

Автор-составитель книг:

- «І день, і рік, і все життя...» (2004).
- «Олена Журлива. Я одна. Вибрані поезії, спогади сучасників про поетесу» (1988).
- «Учора, сьогодні, завжди» (спільно з Анатолієм Безтакою» (2009).
- «Із сивого покоління. М.Смоленчук. Людина, письменник, вечний» (2003).
- «Я не боюся дивитися людям в очі або вінок чеснот Євгенії Чабаненко» (2004).
- Автор предисловий к поэтическим сборникам кировоградских авторов Татьяны Гречаной и Татьяны Якименко.

Свои произведения печатал в газетах «Молодий комунар», «Кіровоградська правда», «Народне слово», «Зірка», «Юный ленинец», в «Літературній Україні» и районных газетах области. Нынче готовит к печати сборник стихов и рассказов.

За весомый вклад в развитие украинской журналистики, высокий профессионализм и активную общественную позицию в 2012 году был награждён Почётной грамотой Секретариата НСЖУ.

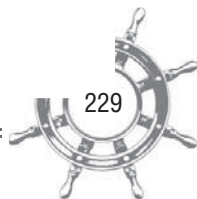
Из цикла «Обелиски»

ЦВЕТ ПАМЯТИ

Никто не забыт,
И ничто не забыто.
Земля обелисками
Густо покрыта.
Знамёна склонённы,
Огни неугасны...
У памяти цвет,
Как у знамени, —
Красный.

Суровы реестры
Потерь невозвратных.
Горьки эти списки
И невосполнимы.
И совесть свою
Проверяем по ним мы.

В нас клятвой
На верность отлито:
Никто не забыт,
И ничто не забыто.
Знамёна склонённы,
Огни неугасны...
У памяти цвет,
Как у знамени, —
Красный.

ОБЕЛИСК

Белеет мрамор обелиска,
А над рекой издалека
Плывут на юг, спускаясь низко,
Сиреневые облака.

Висит у кромки горизонта
Степного солнца алый диск.
Здесь тишина. И нет здесь фронта.
Но в душу смотрит обелиск.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Кто ты, далёкий или близкий,
Твой труден путь иль не начат?
На всех дорогах обелиски
Тебе молчанием кричат.

Кричат ожившие в граните
Сердца убитых в том бою.
Кричат, зовут живых: «Храните,
Судьбу и Родину свою!»

А люди вновь живут и любят,
И снова с вечностью на «ты»,
Как благо высшее, голубят
Свои надежды и мечты.

А в небе жаворонки реют,
О вечной радости звеня.
И мир спокойно сердце греет
Вот здесь, у Вечного огня.

У ЗНАМЕНИ ПОЛКА

Здесь тишина. Застыло у стены
В чехле походном боевое знамя,
Прошедшее сквозь выстрелы и пламя,
Вернувшееся с орденом с войны.

Ещё когда на свете ты не жил,
Твой полк вошёл в Берлин под этим стягом.
Гремели пушки, дым по крышам плыл.
Но это ль знамя взвилось над рейхстагом?

Те дни — как повесть ратного труда,
Как подвиг — без раздумий и сомнений.
И на груди у воина звезда
Сияет славой старших поколений

СВЕТ В ОКНЕ

Далёкий свет горит в твоём окне.
Он — как звезда, горящая во тьме.
К нему идти и день, и ночь, и жизнь.
Прошу тебя: «Свет не гаси. Дождись!»

ВЕСЕННЕЕ

Весна играет соками,
Во всём — упругость жил.
Иду и философствую:
«А что такое — жизнь?»

В руках букет подснежников,
Гляжу через забор:
У каждого скворечника
Семейный разговор.

Дымятся клумбы голые,
На лавочки — не сядь:
Обхаживают голуби
Голубок так и сяк.

В воде углями светится
Весёлый звездопад,
И с высоты Медведицы
Ревнивые глядят.

И месяц над равниною
Выходит брав и лих,
Да только мы с любимую
Не замечаем их.

Целуемся, не ссоримся,
Всю жизнь вдвоём бы нам!..
И нехотя расходимся
Под утро по домам.

Весна играет соками,
Во всём — упругость жил.
Иду и философствую:
«А что такое — жизнь?»

* * *

Я хочу выходить навстречу
Теплоходам и поездам...
Я хочу, чтобы каждый вечер
Нам с тобой на двоих был дан.
Чтоб о счастье мечты воскресли,
Чтобы сто разлук — за плечами.
Я стою. За тобою рельсы,
Словно слёзы, бегут ручьями.

* * *

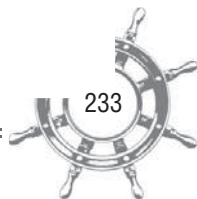
Живёт на свете человек,
А я его не понимаю,
Всерьёз его не принимаю
И дружбы не хочу навек.

Он часто у меня гостит,
Он откровеньем донимает,
А я его не понимаю.
Он много курит и грустит.

Он очень долго говорит,
Каким он скучным делом занят,
Печальными глядит глазами
И пеплом мне на стол сорит.

Вчера, прощаясь, он зашёл
И усмехнулся как-то горько,
Оставив в пепельнице горку,
Уехал он. И хорошо.

О нём не стоит вспоминать,
Но всё же не найду покоя —
Ведь что-то было в нём такое,
Что, право, стоило понять.

ПЕРВЫЙ УРОК

Приходит сентябрь.
Детвора это утро не зря
Ожидала,
Как самый заманчивый праздник.
Вот он — первый урок!
Первый лист букваря
Восхищённо открыл первоклассник.
Встал учитель к столу,
А вокруг столько глаз!
Столько детских голов,
Белокурых, каштановых, русских!
Тишина.
Молодой педагог
Начинает свой первый урок.
Он взволнован и счастлив,
И взгляд его светел.
Поведёт он ребят
На просторы широких дорог.
Он сегодня
за будущность мира
в ответе.

ОЖИДАНИЕ

Сердце в колокол бить спешит,
Ну, а если тревога ложная?
Объяснение всё решит.
Объяснение — наука сложная.
Можно с девушкой до зари
Обсуждать из Бальзака образы,
Астрономию раздарить
В высшей степени пошлым образом.
А она будет ждать одно,
Размышляя под маской хмурости:
«Ну, когда же покажет дно
Этот кладезь дремучей мудрости?»
Если рядом её глаза,
А в глазах тех — лучи рассветные,
Так не бойтесь порой сказать
Несуразицу несусветную.
Говорите порой нелепости
Вы не бойтесь смешными быть,
Чтоб сдавались сердец их крепости,
Чтоб могли они вас полюбить.

НОВОСЁЛАМ

Вы вселились в комнату новую —
Сколько свежести,
Сколько радости.
Мысли скомканы,
Вещи скомканы.
Ничего от прежней праздности.
Наплевать на различные трудности.
Наплевать на вещичек убогость,
Вам не надо житейской уютности,
Ни к чему вам бытейская строгость.
Было б трудно, да было б весело.
Позабыли про шпильки, бантики.
Если сосны к окошку свесились, —
Может, это и есть романтика.
А быть может, проста и обычна
Жизнь обычного человека,
Для которого всё привычно
В каламбуре двадцатого века.
Да не стоит гадать и тревожиться.
Будьте верны и будьте смелы —
Труд ваш маленький где-то вложится
В очень важное, нужное дело.
Вы вселились в комнату новую,
Где лишь тронуты окна краской.
Будут девушкам лапы еловые
По ночам рассказывать сказки.
И когда-нибудь в годы старости,
Знаю, вспомнить снова захочется
Ваши слёзы и ваши радости
В комнатушке посёлка рабочего.

МАТЬ

Был жесток войны зловещий ветер,
И когда огонь пылал вокруг,
Для народа, для большой Победы
Ты жила, не покладая рук.

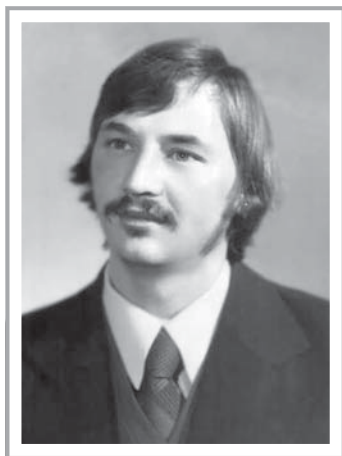
Ты, родная, устали не знаешь,
О сыновней думая судьбе.
Всё, что нужно, делать успеваешь,
Всё под силу кажется тебе.

Я в твоей заботе неустанной
Столько счастья детского нашёл,
Что, когда я на тебя не гляну,
Мне всегда подумать хорошо.

Что на свете слова нет чудесней,
Чем родное, ласковое: «Мать».
Жизнь мою, как радостную песню,
Ты умеешь сердцем понимать.

Нам открыты все пути-дороги,
В ясных зорях наши дни встают.
Мать! Мы этим именем высоким
Называем Родину свою!

ШВЕЦ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ —
юнга «Бригантины»
(пришёл в клуб в 14 лет)

Родился 04.02.1951 года в Кировограде в семье служащих.

В 1968 году окончил СШ №27. Учился в Кировоградском пединституте им. А.Пушкина (филфак, украинская филология), учёбу прервал переезд в Киев.

Первые стихи начал публиковать ещё в школьные годы («Пионерская правда», «Юный ленинец»), позже — в местной периодике («Радянський студент», «Молодий комунар», «Кіровоградська правда»). Его первоначальные детские стихи (они же — стихи для детей) к концу жизни превратились в серьёзную поэзию с разнообразной тематикой.

Жизнь поэта завершилась трагически (2000).

**Стихи для детей
(1960-1970-е годы)**

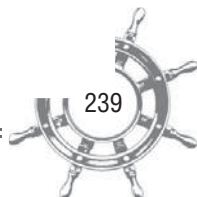
ОСЕННИЙ ЭТЮД

Эх, вы, мои краски,
Голубые искры,
Радуете сердце
Брызгами цветов.

На холсте упругом
Я послушной кистью
Разметаю осени
Золотой покров.

Октябрём горит пусть,
Листья обжигая,
На поля пусть выйдет,
Кистью поиграет,

Пусть заменит краски,
Затуманит лето,
Радостной улыбкой
Осень встретит эту.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, первый снег —
У калитки, что за смех?

Лепит бабу детвора
Возле нашего двора.

К ним я тоже побегу.
Может, в чём-то помогу.

Что с того, что я большой,
Коль так весело зимой!

ЗИМА

Пушинки-снежинки
Летят за окном.
Снежинки-искринки
Горят серебром!

Ложатся на крыши,
Деревья, забор —
Я слышу: тревожный
Идёт разговор.

Ребята горюют,
Как видно, о том,
Что стают снежинки
Водю потом.

Но время проходит,
Слабеет их страх —
Снежинки лишь тают
У них на губах.

НОВОГОДНИЙ ЭТЮД

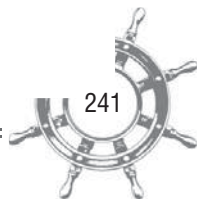
Засмеялась, радуясь как будто,
Под окном проказница-метель,
Как невесту, новогодним утром
Прихорашивая праздничную ель.

У плетня берёзки хороводом,
Как подростки, в белых кружевах,
Под шальные снежные аккорды
Подают фату ей на руках.

И глядит красавица-невеста,
Рассыпая зеленя ресниц, —
Родилась и улетела песня
Бубенцами голубых синиц.

* * *

Эх, зима, ты, зимушка,
Ведьма косолапая,
Обняла ты сосенку
Голубыми лапами.
Очи ей засыпала
Шёлковой порошею,
Нарядила будто бы
Девушку пригожую.
И стоит красавица,
Юная, счастливая,
Солнцу улыбается
Говорунья милая.
Я найду счастливицу
Меж дерев гривастых,
Протяну ей руку
И скажу ей: «Здравствуй!»

Вірші 1980-1990-х років

ПАДАЄ СНІГ

Падає сніг... на хати, на тополі.
Падає сніг на пошерхлі долоні.
Падає сніг... зірочками на губи.
Дотиком ніжним обличчя голубить.
Падає сніг, наче спомин про тебе
Пухом лелечим з сивого неба.
Падає сніг. Заколисує мрії.
Тане на віях, як перші надії.
Тане на віях, спадає росою.
Начебто сльози першого болю.
Начебто сльози мого кохання:
Тане, як танув цілунок останній.
Падає сніг. Пролітає журбою.
Серце мое сповивається болем.
Падає сніг...
Падає сніг... сніг...

ПІД КРОНОЮ СОНЦЯ

Пам'яті Леоніда Народового

* * *

Такий цей світ широкополий!
Ці дні, мов зоряний вінець,
І ми у вічності — як бджоли —
На мить солодкі... і кінець.
І наша молодість, як ранок,
І ми рушаємо в політ,
Щоб меду сонячний надбанок
Узяти там, де зрілоцвіт.

* * *

Усе повториться:
І літо, і зима,
І журавлі у вічному небі,
Й чийсь усміхнені уста,
І ніжна дівчина —
Як біла лебідь.
Та тільки ти, мій друже,
До мене в гості не зайдеш...
І не повторишся.

* * *

Як листи по воді, плинуть мої думки
Як листя по воді, думки кружляють в леті...
І падають до ніг стриножено зірки,
Вмирає ніч на сонячнім багнеті...

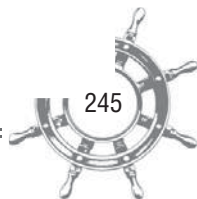
* * *

Хмарка,
Ніби маленьке кошеля,
Лягла на промені Сонця
І, мружачи золоті оченята,
Думає голубу думку
Про незрозумілий
Зелений світ,
Який унизу...

* * *

Я жити буду
Не роки, а завжди:
В моїх жилах тече
Не тільки людська кров,
А я хлорофіл
Малишкових яворів,
А в серці моїм
Звучать невмирущі звуки
Сонячних кларнетів
Павла Тичини,
Спрагу до життя я втамовую
Вином з троянд
Василя Симоненка,
А кожен день трудовий
Зважую на терезах часу
Мудрочолого гронослава
Максима Тадейовича...
Я жити буду
Не роки, а віки — завжди —
Під кроною Сонця живого.

СТЕПИ КІРОВОГРАДЩИНИ

Степи Кіровоградщини безмежні, як моря,
з зеленим відблиском озимої пшениці.
Веселка в небі серце звеселя,
П'ючи снагу із світлої криниці.

Степи Кіровоградщини, як і колись —
Замріяним хлопчиськом,
Я вам в дарунок пісню принесу —
Доробок днів своїх — схвильовану і чисту.

Степи Кіровоградщини — благословенний край!
Коли посеред вас я стану на світанні,
Нехай мені заграє небокрай
Під шепіт ясенів на арфі первозданній.

Степи Кіровоградщини, я вічний ваш боржник,
Де пестить молодість засмагу степовички,
Зізнаюсь вам, що я ще ні, не звик
В житті своєму жити на позичках.

І ось тому я все одно прийду,
Вклонюсь до ваших ніг, як добрим людям личить,
Хоча б на мить, лише на мить одну,
До вас прийду — душа степовика мене в дорогу кличе!

**ШЕНДРИК АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ —
выдающийся советский и российский философ
и социолог, культуролог и писатель**

(15.07.1946, г. Кировоград — 30.07.2011, г. Москва)

Окончил Кировоградскую СШ № 6 (1964).

В 1970 г. окончил Харьковский политехнический институт (Кировоградский филиал), служил в армии, работал в комсомольских органах и одновременно учился на философском факультете Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. В 1977 г. закончил аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также Высшую Комсомольскую Школу (ВКШ) при ЦК ВЛКСМ. Специалист в области социологии культуры и социологии молодежи.

Доктор социологических наук (1991), один из основателей культурологии как самостоятельной науки.

Профессор Московского гуманитарного университета (МосГУ), основатель и первый заведующий кафедрой культурологии (1993).

Почётный работник высшего профессионального образования.

Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерального Собрания РФ.

Член Учёного совета Академии госслужбы при Президенте РФ.

Заслуженный деятель науки РФ (2008).

Область научных интересов — теория и социология культуры. В России и зарубежом опубликовано свыше 200 научных работ.

Автор 6 книг, в т.ч. монографий: «Культура в мире: драма бытия» (2007), «Теория культуры» (2002) и др.

В «Бригантине» — с начала её создания. Главный интеллеktуал и эрудит клуба. Сразу же показал себя как молодой литературовед и критик (наряду с Александром Котком и Людмилой Сараскиной). Организатор поэтических вечеров. Параллельно, уже в институте, был ведущим КВНа и одним из организаторов студенческого театра.

Иконникова С. Н.
Кондаков И. В.
Костина А.В.
Шапинская Е. Н.

**ВЫСОКИЕ СТАНДАРТЫ УЧЕНОГО И
ГРАЖДАНИНА, ВОПЛОЩЕННЫЕ В ЖИЗНЬ:
памяти А. И. Шендрика**

На протяжении второй половины XIX и в XX в. выдающиеся ученые-гуманитарии, углубляясь в проблемы специальных дисциплин и расширяя горизонты своих исследований, постепенно обретали широту и универсальность культурологического масштаба. Здесь можно назвать громкие имена философов, социологов, лингвистов, литературоведов, психологов, этнографов, историков и искусствоведов, представляющих самые разные научные традиции. Научная судьба многих из них свидетельствует о взаимном сближении гуманитарных и обществоведческих дисциплин, о возникновении междисциплинарной области исследований, предметом которой является культура. К числу этих ученых можно отнести и Анатолия Ивановича Шендрика — социолога и философа, ставшего культурологом, историком и теоретиком культуры.

В настоящее время культурология обрела свой статус и как научная специальность, и как направление подготовки. Несмотря на то, что процесс конституирования культурологии не является безболезненным и многое в культурологическом знании еще не устоялось, сегодня становится очевидным, что культура — это центральное понятие XXI в., точно такое же, какими были понятия «наука» и «искусство»

для XVIII и XIX вв. Сегодня становится очевидным, что современные проблемы, связанные с межконфессиональной и межэтнической напряженностью, терроризмом, неравномерностью развития мира, приводящей к разного масштаба конфликтам, с реактивацией этнического потенциала, даже с ухудшением экологического фона, — все они прямо или опосредованно обусловлены культурными факторами. Именно поэтому современная глобальная политика опирается на такие понятия, как «диалог культур», «толерантность», «культурное многообразие», «культура мира», широко используемые ООН и ЮНЕСКО, начиная с 80-х гг. прошлого века. Конечно, культурология не только социально востребована, но и востребована научно — не случайно Лесли Уайт обосновывал необходимость формирования культурологии более полувека назад. В России обращение к проблематике культуры стало ответом на либерализацию общественной жизни в 1960-е гг., в связи с чем в Институте философии РАН был организован сектор философии культуры, а сама культурфилософская проблематика начала активно разрабатываться.

Однако появление культурологии как самостоятельной науки и идея подготовки специалистов-культурологов оформилась позже — в 1990-е гг. Одним из тех ученых, кто стоял у истоков культурологии и кто горячо отстаивал ее научный статус и роль в общественной жизни, доказывая, что эта наука выполняет ряд важнейших функций в обществе — и, прежде всего, мировоззренческую, позволяющую современному человеку составить верное представление о закономерностях и перспективах исторического развития, а также о целях, на достижении которых должны быть сконцентрированы усилия человека и общества, — был А.И. Шендрик, выдающийся социолог, культуролог и философ. Он был среди

тех, кто в дискуссиях формулировал задачи культурологии, ее место в ряду иных наук о культуре, границы ее предметного поля и специфику ее методологии.

Ученому принадлежал целый ряд идей, которые были связаны с осмыслением социокультурных процессов в современном обществе. Прежде всего, это идея о том, что значение культурологии состоит в формировании человека, который «не будет настаивать на том, что смысл существования человеческого рода состоит в накоплении вещного богатства, или в увеличении технической мощи, или в установлении определенного типа политической организации, или в покорении и колонизации чужих планет»*. Для такого человека культура всегда будет выступать первоценностью, а сохранение и преумножение культурных богатств будет для него смыслом деятельности. Значимость культурологии, по мнению ученого, определяется тем, что «она проясняет смысл культуры, раскрывает ее роль в общественной жизни, позволяет составить более четкое представление о том, каков должен быть вектор исторического развития, на достижении каких целей должны быть сконцентрированы как усилия отдельной личности, так и всего общества»**.

А.И. Шендрику принадлежит определение культурологии как науки, которая «занимается изучением культуры как сверхсложного системного объекта», остающееся операциональным и в настоящее время. Культуру он понимал как глобальный феномен, не имеющий локализации во времени и пространстве, как континуум, «в котором развивается бытие всего человечества». Ученый доказывал, что «культурология стремится к универсальной точке зрения, синтезу различных подходов, теорий, к выработке на

* Шендрик А. И. Культура в мире: драма бытия: избр. работы. М., 2007, С.16.

** Там же. С. 14.

этой основе единой концепции культуры, позволяющей не только описывать, но и прогнозировать ее развитие», и в этом смысле «культурология может рассматриваться в качестве междисциплинарной метатеории самого высокого уровня»*. Кроме того, она включает в себя и пласт эмпирического знания, который составляют «эмпирические факты второго порядка». В этом качестве выступают данные, накопленные этнологией, историей, социологией культуры и т.п., уже прошедшие стадию первоначального осмысления и обобщения.

А.И. Шендрик рассматривал культурологию как науку о современной действительности, где объектом изучения становятся феномены, на первый взгляд, общеизвестные, но при ближайшем рассмотрении оказывающиеся весьма сложными. Он доказывал, что культуролог «превращает в научную проблему то, что на уровне обыденного сознания не вызывает сомнения; в этом смысле, он заново открывает мир, срывает с него маску тривиальности»**, предлагая проблематизацию всего, что составляет основу жизни современного человека, начиная от ценностных ориентаций людей и до форм, которые определяют их социальную активность, таких как, например, интернет-среда, порождающая сетевые сообщества, или супер-моллы, структурирующие социальное время.

Для профессора Шендрика чрезвычайной важностью обладали проблемы, связанные с определением специфики культуры информационного общества. Последнее он определял как общество сетевых структур, децентрализованного управления, новых организационных стратегий, которые возникают как результат поиска альтернативных решений

* Там же. С. 18.

** Там же.

учеными и менеджерами, осознавшими тот факт, что возможности системы массового производства исчерпаны и будущее за так называем «гибким производством», способным быстро реагировать на изменение спроса, учитывать перемены, происходящие в потребностях и вкусах покупателей. Ученый анализировал информационное общество, прежде всего, с точки зрения социокультурных предпосылок его возникновения и последствий развития, одним из которых является формирование средствами массовой коммуникации особой виртуализированной надстройки над реальностью, имеющей символический характер. Он указывал, что культура информационного общества имеет «сетевой» характер, влияя на поведенческие стереотипы, связанные с потребностью занятых в производстве людей непрерывно усваивать и перерабатывать информацию. В работах А.И. Шендрика показано, что следствием возникновения новой организационной структуры становится появление так называемых «горизонтальных корпораций», которые характеризуются: организацией, строящейся вокруг процесса, а не задачи; плоской иерархией; командным менеджментом; измерением результатов по удовлетворенности покупателя; вознаграждением, основанным на результатах работы команды; максимизацией контактов с поставщиками и покупателями; информированием, обучением и переподготовкой сотрудников на всех уровнях*.

Одной из проблем, которым А.И. Шендрик уделял особое внимание, была проблема глобализации, которую он рассматривал как всеобъемлющий процесс, имеющий объектно-субъектную природу. Он был убежден в том, что рассмотрение данного феномена только в рамках политологического или экономического анализа приводит к искажению

* Шендрик А.И. Социология культуры : учеб. пособие. М., 2005. С. 452-465.

его теоретического образа. Именно поэтому использование культурфилософского подхода при изучении глобализации является, по слову ученого, «не только желательным, но и необходимым», так как гораздо более значимыми являются перемены, происходящие не в экономике, политике или области права, а в социокультурной сфере. Причем эта закономерность характеризует развитие не только стран-лидеров в области научно-технического и социального прогресса, но и государств мировой периферии*.

Важно подчеркнуть, что идеи ученого, воплощенные в его трудах, отличающихся образностью слога и строгой научной аргументацией, яркостью мысли и классическим подходом к исследуемой проблеме, никогда не были обойдены вниманием со стороны научной общественности, но, напротив, неизменно вызывали активные дискуссии. Профессор А.И. Шендрик был хорошо известен своими публичными выступлениями в научном сообществе. Огромная эрудиция, умение точно находить необходимые в полемике аргументы и облекать их в лаконичную и четкую форму, эмоциональность и пламенность, научная принципиальность и открытость для диалога — вот качества, отличавшие А.И. Шендрика как оратора.

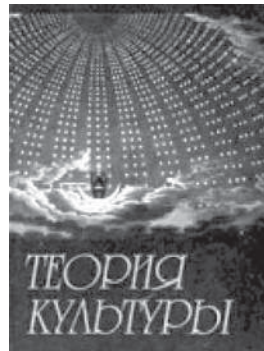
Характерно, что в центре научных приоритетов ученого на всем протяжении его исследовательского пути находились проблемы, тесно связанные с современной социальной и культурной реальностью. Профессор А.И. Шендрик, доктор социологических наук, внес несомненный вклад в развитие отечественной социологии культуры. В книге «Культура в мире: драма бытия» (М., 2007) он убедительно восстанавливает длительный путь социологии культуры в России, значительный теоретический вклад в ее развитие

* Там же. С. 438–352.

П.Л. Лаврова, П.Н. Милюкова, П.А. Сорокина, А.А. Богданова и многих других, чьи работы составили теоретическую основу мировой социологии. Особенного внимания заслуживают те страницы исследования, на которых А.И. Шендрик описывает драматичный период 1920-х гг., когда вернулись многочисленные эмпирические исследования культуры рабочей и крестьянской молодежи, столь необходимые для разработки культурной политики.

Этап 1960-1970-х гг., период знаменитой «оттепели» имел особое значение для развития социологии. Анатолий Иванович был непосредственным участником эмпирических социологических исследований. Именно поэтому столь энергично звучат его слова: «в СССР появился целый ряд центров, главной задачей которых была разработка культурологический проблематики; именно тогда возник ряд научных школ, многие из которых существуют и сегодня; именно тогда были осуществлены широкомасштабные проекты, в ходе которых были получены важные научные результаты, заставившие по-новому взглянуть на ряд привычных вещей; именно тогда в круг профессиональных интересов социологов вошли вопросы методики и техники социологических исследований, в результате чего были созданы первые варианты социологических инструментариев для фиксации сложных процессов, протекающих в сфере культуры»*. Он перечисляет ведущие центры страны, которые способствовали развитию социологии культуры и культурологии, которая в последующие годы в значительной мере развивалась на этой основе. А.И. Шендрик на протяжении

* Шендрик А. И. Культура в мире... С. 414.

всех лет был и непосредственным участником, и организатором этой практической деятельности.

Еще в 1980-е гг. А.И. Шендрик, заведующий отделом Эстетического и нравственного воспитания в Научно-исследовательском центре ВКШ при ЦК ВЛКСМ, внес существенный вклад в развитие социологии молодежи. Разрабатывая проблемы молодежных субкультур, он фактически реабилитировал рок-культуру, доказав ее существенный креативный потенциал и показав, что «русский рок», в отличие от западного, насыщен предельным социальным содержанием. В поле интересов ученого находились проблемы духовной культуры молодежи, ее художественно-эстетические предпочтения и нравственные ориентиры. Он принимал участие в различных социологических проектах, включая исследование «Идеалы и ценностные ориентации молодежи» (1988-1990), результаты которого стали основой коллективной монографии*. Эта же проблематика рассматривалась автором в многочисленных статьях, опубликованных в различных социологических изданиях, например, в ведущем научном и общественно-политическом журнале «Социологические исследования», членом редакционной коллегии которого профессор Шендрик был долгие годы. Она также стала предметом детального анализа в книге, написанной им совместно с С.Н. Комиссаровым «Возрождение идеала» (М., 1990). И сейчас имя А.И. Шендрика как социолога известно как в России, так и за рубежом.

Для культурологов имя профессора А.И. Шендрика связано, прежде всего, с публикацией двух фундаментальных работ, ставших классическими сразу после выхода в свет — «Теории культуры» (2002) и «Социологии культуры» (2005),

* Кудрина Т. А., Шендрик А. И., Комиссаров С. Н. Социалистические идеалы в массовом сознании молодежи. М., 1991.

допущенных Министерством образования РФ в качестве учебных пособий для студентов, обучающихся по специальностям «Культурология», «Социология», «Социальная антропология», а также по гуманитарно-социальным специальностям.

Оба учебника А.И. Шендрика, ставших сегодня классическими, отличает ряд признаков — обращение к актуальным проблемам современности, теоретическая точность и методологическая выверенность. В этих работах автор представляет развернутый спектр различных теоретических постулатов, научных концепций и актуальных исследовательских позиций. Важно, что подобный подход обусловлен не только стремлением автора к возможно более полному их описанию, но и к формированию у студентов потребности в научном поиске. Необходимо отметить, что названное качество является достаточно редким для работ подобного жанра. Возможно, этот «дух исследования» рождается из гармоничного сочетания научной глубины, академического стиля изложения, лишённого излишней эмоциональности, и богатого эмпирического материала, связанного, в том числе, с процессами в молодежной среде.

И «Теория культуры», и «Социология культуры» отличаются четкой структуризацией материала, последовательностью изложения, постепенностью расширения понятийно-категориального аппарата, нацеленностью на формирование у студентов необходимых практических навыков.

Известно, что теории культуры различаются между собой, поскольку выражают самосознание разных исторических эпох, специфику национальных и региональных культур, а также определяются творческой индивидуальностью своих создателей. Неповторимые культурологические концепции представляют видение культуры в различ-

ные культурно-исторические эпохи, являются продуктом разных цивилизаций и т.д. И в каждой из книг профессора А.И. Шендрика были представлены не столько хрестоматийные истины, сколько его собственные наблюдения и концепции. Так, в «Теории культуры» нет одной теории культуры, как следовало бы ожидать, прочитав название учебника. Автор показывает, что теория культуры — это множество теорий, среди которых есть античные и средневековые, ренессансные и просвещенческие, романтические и позитивистские, западноевропейские и российские. Этот теоретический «калейдоскоп» завершается представлением идей отечественных культурологов XIX-XXI вв., раскрывающим как собственно теоретические проблемы культуры, так и проблемы культуры России, русской культуры. Автор ищет ответ на вопрос о том, в какой мере российская культурология является феноменом отечественной культуры, а в какой — культуры как таковой.

Размышлению о судьбах культуры в целом и, особенно, судьбах российской культуры посвящена последняя из опубликованных работ А.И. Шендрика «Культура в мире: драма бытия» (2007). Формат книги, представляющей собой избранные статьи автора, написанные им за три десятилетия, позволяет провести ретроспективную оценку трансформаций в социальной и культурной сфере. Специфика книги состоит в том, что, несмотря на формат, она имеет монографический характер, а ее деление на теоретико-методологический, социологический и социально-философский разделы достаточно условно. К какой бы проблеме ни обращался автор, он, в конечном итоге, говорит о судьбе отечественной культуры. Чрезвычайно ценным представляется то, что в книге ярко выражена авторская позиция — она не только активна, но зачастую — критична. Однако это не отстранен-

ная критика, а позиция гражданина, который воспринимает драму бытия культуры как драму собственного бытия. Те философские обобщения, которые пронизывают эту книгу, и та ярко выраженная персоналистичность позиции ее автора, которая позволяет прочувствовать остроту многих проблем, свидетельствуют о том, что идеи, высказываемые автором, не только глубоко осмыслены, но и глубоко прочувствованы.

Книга оказалась не только современной, но и своевременной, оразив наиболее острые аспекты современного ей развития культуры. В ней ставятся вопросы о том, что такое культура и каковы ее взаимоотношения с обществом и человеком; каковы особенности русской культуры и цивилизации, а также какова роль интеллигенции в процессах современного социокультурного развития России; каковы императивы культурной политики в России и каким образом процессы информатизации и глобализации влияют на ее современное развитие. Автор задает важные вопросы: каковы пределы интеграционных взаимодействий между культурами? Есть ли способы сохранения культурной идентичности в мире, идущем по пути взаимодействия и интеграции, в том числе в области образования? Все эти проблемы поднимаются на страницах книги, при обращении к которой устанавливается активный диалог автора и читателя, вовлекаемого в процесс решения поставленных проблем.

Заслуги профессора А.И. Шендрика высоко оценены правительством и общественностью: на Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение научно-популярной литературы почетного диплома общества «Знание» была удостоена брошюра «Времен связующая нить» (1987), в 1995 г. ученому было присуждено звание Почетного работника высшей

школы Российской Федерации; он был награжден почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации «За многолетнюю научно-педагогическую деятельность, большой вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов» (1999), медалью «850 лет Москвы» и медалью Н.И. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» (2000) и признан лучшим ученым России на конкурсе «Лидер в образовании СНГ–2003». Несмотря на огромный авторитет и общественное признание его трудов, Анатолий Иванович Шендрик всегда предельно критично относился к себе, возвращаясь к редактированию и корректировке уже опубликованных работы, постоянно подвергая тщательному анализу даже общепризнанные научные истины.

Для преподавателей кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета имя Анатолия Ивановича Шендрика в значительной степени связано с его деятельностью в качестве заведующего кафедрой. Профессор Шендрик был первым заведующим кафедрой культурологии Университета, которая — как и факультет культурологии — была основана в 1993 г. после введения новой учебной дисциплины. С первых дней существования кафедры, которая создавалась как коллектив единомышленников, имеющих не только общие научные позиции, но и объединяемых личной дружбой и взаимной симпатией, к ее работе привлекались ведущие специалисты академических институтов, высших учебных заведений Москвы, а также сотрудники ряда государственных организаций, занимающиеся проблемами управления в сфере культуры. В числе первых профессоров кафедры были видные российские ученые, классики отечественной культурфилософской и социологической мысли Наль Степанович Злобин, Авнер Яковлевич Зись, Таисия Александровна Кудрина.

Можно с уверенностью говорить о том, что культурологическая школа МосГУ опирается на многие идеи и работы А.И. Шендрика. Под его руководством защитили свои диссертации многие преподаватели кафедры, а научные интуиции его коллег рождались как результат горячих дискуссий с Анатолием Ивановичем. Если же говорить об основных научных приоритетах работы кафедры, то ими стали проблемы, тесно связанные с современной социокультурной реальностью — проблемы культурного конфликта, кризиса, взаимодействия культур, проблема специфики России как цивилизации, ее отличия от других культурных миров, а также особенности и закономерности ее развития. Это широкий круг вопросов, связанных с процессами глобализации и вестернизации, с перспективами и возможностями развития России, с особенностями развития ее традиционной культуры, с проблемами сохранения культурной матрицы в условиях экспансии со стороны массовой культуры. Это проблемы, связанные с построением информационного общества и особенностями вхождения в него. Наконец, это ряд вопросов, касающихся самоопределения культурологии — рефлексии по поводу собственного предмета, метода, проблемного поля и соотношения с другими науками.

Эти проблемы составили программу научных исследований кафедры, которая в значительной мере сохраняется до настоящего времени. Специфика понимания культурологии, сформированного коллективом кафедры культурологии МосГУ и опирающегося на различные концептуальные подходы к ее определению, состоит в рассмотрении культурологии в качестве науки, стремящейся к синтезу различных парадигмальных подходов и выработке на их основе универсальной междисциплинарной теории, науки, изучающей культуру в ее целостности в качестве сложного системного

объекта, распадающегося на множество подсистем, отличающихся, в свою очередь, высокой степенью сложности.

Оценивая вклад А.И. Шендрика в науку о культуре, хотелось бы остановиться также на проблеме, которая постоянно привлекала внимание ученого и была связана с методологическими особенностями культурологического исследования. Он указывал на принципиальное различие между обыденным и научным знанием, отмечая, что «...практически у всех, имеющих определенный уровень образования, существуют представления о том, чем теоретические размышления отличаются от обыденных рассуждений. Пусть эти представления недостаточно четки, но нет сомнения в том, что отличие процесса теоретизирования от досужего разговора на обыденную тему улавливается практически всеми, кто когда-либо брал в руки любой научный труд. Для того чтобы составить представление об этих отличиях, нет необходимости слушать курс теории познания в полном объеме, ибо отличие теоретического знания от всех других видов знания схватывается интуитивно любым образованным человеком»*.

Противопоставление обыденного и специализированного знания является одной из оппозиций, на которых основано представление о различных пластах культуры. И, тем не менее, сегодня эти, казалось бы, базовые представления нуждаются в изменении. Это связано с рядом вопросов, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики культуры. Кого можно считать сегодня образованным человеком? Какому типу познания соответствуют многочисленные тексты, написанные на стыке популярного и специализированного опыта? Насколько массовизация образования расширила сферу массовой культуры? Какова судьба науч-

* Шендрик А. И. Теория культуры : учеб. пособие. М., 2002. С. 3.

ных текстов в «посткультуре»? По убеждению профессора А.И. Шендрика, культуре и обществу необходимы как образованные люди, так и специализированные знания, которые и составляют ядро любой научной дисциплины. При всем расширении пространства повседневности и массовой культуры, в жизни должно оставаться место для высоко специализированного знания, которое не может быть легкодоступным. Именно труд, связанный с его освоением, делает человека истинным профессионалом, а сохранение и передача такого знания было и остается задачей теоретиков культуры и тех деятелей образования, которые не идут по пути «облегчения» своего материала, а придерживаются стандартов и образцов, не отменяемых никакими технологиями или всеобщей информатизацией. Вспоминая научную деятельность А.И. Шендрика, мы говорим именно о высоких стандартах ученого, которые он воплотил в жизнь.

Хотелось бы подчеркнуть еще одну особенность А.И. Шендрика — его гражданственность и патриотизм, которые проявлялись в последовательном проведении представлений о специфике русской и советской культуры, ее достижениях и трагических страницах истории. Именно русская культура, вобравшая в себя качества и черты культур многих народов и потому являющаяся не только синтетической, но и, в определенном смысле, универсальной, способна активно участвовать в мировом процессе, обогащая его своим духовным опытом.

Значение творчества Анатолия Ивановича Шендрика, ставшего отражением всей его жизни, состоит в последовательном проведении идеи о том, что только культура определяет и цели развития общества и способы их достижения. Только «благодаря культуре возникает возможность достижения гармонии социального бытия в мире, избавления че-

Последняя опубликованная книга
А.И. Шендрика (2007)

Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, К.Н. Леонтьев, Г.П. Федотов, отстаивавших мысль о том, что «бытие народов и государств оправдывается только творимой ими культурой»**.

ловечества от ужасов войны, религиозного экстремизма и нетерпимости»; «именно благодаря ей можно преодолеть не только национальную замкнутость и этническую ограниченность, но и ограниченность и частичность бытия конкретного индивида»*. В этом смысле можно говорить о творчестве А.И. Шендрика как преемственном по отношению к идеям и сочинениям мыслителей русского Серебряного века — таких, как

Культурологический журнал,
2012, 1(7)

cr-journal.ru

* Шендрик А. И. Культура в мире... С. 513.

** Федотов Г. П. И есть и будет // Человек. 1993. № 1. С. 80.

ЯРОШЕВСКАЯ СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА — педагог и поэт

Родилась 26.08.1950 г. в Кировограде в семье рабочих.

Окончила СШ № 24 и филологический факультет (русская филология) Кировоградского пединститута им. А.С. Пушкина (1973).

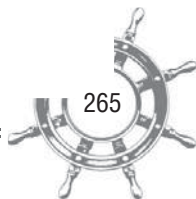
Четверть века проработала учителем младших классов в СШ № 16 г. Кировограда.

Представитель «второй волны» «Бригантины» — в клуб пришла в 1965 году, с 1968 года — член литстудии «Сівач», также возглавляемой В. Гончаренко.

Первая публикация — «Пісня про троянди» (газета «Зоря комунізма», 17 февраля 1966 года).

В 2016 году в «Центральноукраинском издательстве» вышел первый сборник лирических стихотворений Ярошевской «Свідоцтво про життя».

В 2017 году подготовлена к печати вторая книга «Дорога вдоль заката».

* * *

Наверно, так оно и было...
В дождях барахтался апрель.
Любила или не любила,
Какая разница теперь?

Через глаголы продиралась,
Как через чашу, наавось.
«Не удалось», «не состоялось»,
«Не получилось», «не сбылось»...

Всё жизнь по полочкам разложит,
Не откажусь я от услуг.
Но всё мерещится: «Быть может»
Или короткое: «А вдруг»...

* * *

Я всё странно и глупо путаю,
В белопенном весеннем бреду.
Без причины смеюсь почему-то
Иль тревожно чего-то жду...

Никогда не любила весну я,
Где врывается в мысли сирень,
А теперь вот иду и ревную
К каждой веточке этот день.

Вы прислушайтесь: тихо и нежно,
Словно кто-то луч солнца пронёс,
Первый маленький глупый подснежник
Отрицает упрямо мороз.

Спорит солнце со снежными тучами,
Спорит ветер с тишью лесной...
Ну, пожалуйста, самый лучший,
Подойди и поспорь со мной!

* * *

Лягушечью кожу отбросив ногой,
На бал не поеду, а всё же
Я зонт отыщу и отправлюсь с тобой
Под мартовский дождик.

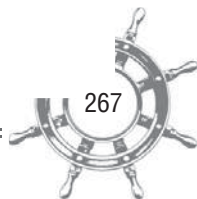
Расскажет, живущее в ближнем ручье,
Моё подзабытое племя,
Не так я живу и гуляю зачем
Ни с теми, ни с теми?

Когда же над миром сияет луна,
Печаль продирает до дрожи...
Пора возвращаться, но где же она —
Моя изумрудная кожа?..

* * *

Вот и всё... Эта хрупкая связь
Лодки, берега, хрупкой осоки
Неожиданно оборвалась,
Жаль, до времени или до срока.

На холодной ладони пруда
Обозначена линия жизни.
Это рябь от весла и вода
На лицо мне и на душу брызнет.

И припомнит, очнувшись, душа
Козлоногого бога проделки.
И таращатся рыжие белки
На забытую шаль в камышах.

* * *

Старинным слогом говорят
Со мной опять деревья эти.
Как будто я живу на свете,
Наверно, сто веков подряд.

Они рассказывают мне
Давно нечитанную повесть
О странах, где трава по пояс,
И серны пляшут при луне.

Где голубые снегопады,
И серебрится санный след,
Где сладок хлеб, любимый рядом,
И где разлук, конечно, нет.

И вновь осенней тишиною
Наполнен мой мятежный мир.
Последний взгляд и первый пир
Легли, как карты предо мною.

* * *

И в этот день мы больше не читали.

Данте Алигьери

Июнь шатается босой.
Хотя я здесь совсем случайно,
Меня он весело встречает
Малиной дикой и росой.

И он капризен, как всегда,
И восхитительно рассеян,
Одна отправлюсь по росе я
Туда, где небо и вода.

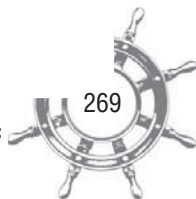
Одна. И вовсе не беда,
Что не дочитана страница.
Зато всю жизнь мне будет сниться
Июнь, и небо, и вода.

* * *

Самый длинный день.
Синий свет за окнами.
Самый длинный день.
И деревья мокрые.

Самый длинный день.
И дорога к озеру.
В самый длинный день
Снова розы рву.

И протяжно, и отважно
День устроил с ночью тяжбу.

Но а мне какое дело.
Помню лишь
Земляничную лесную
Дивотишь,
Перевёрнутую лодку
В камышах,
И по комнатам сомнений
Лёгкий шаг.
И сонаты, и сонеты,
И огни.
Томик блока и страницы
Из Парни.
На твои глаза упала липы тень.
Самый длинный день...
Самый длинный день...

* * *

Я знаю, где-то в шорохе раздумий
Проснётся вновь желанье вечно жить.
И чей-то взгляд в душе пожар разбудит,
Заставит снова мчать за рубежи.
И снова будут взбалмошные встречи.
И всё как будто будет на сто лет.
И тихо падает в ладони вечер,
И томик Блока дремлет на столе.

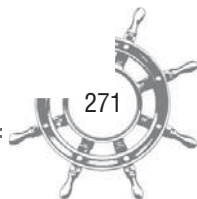
* * *

Учусь смиренно у ручья
Я смыслу жизни.
И по привычке молочай
В лицо мне брызнет.

И до оскомины песок
Сухой струится,
Хотя глядишь: наискосок
Стоит криница.

И доплетает виноград
Свои шпалеры,
И у него иной уклад,
Иная вера.

Дубы, не поднимая век,
Заводят споры,
Какой, не спрашивая, век
И час который.

* * *

И просветлённое лицо
Подняв от томика Тагора,
Ты видишь: падает на город
Луны волшебное яйцо

И разбивается о крыши,
И нежность голубым птенцом
Вдруг на плечо садится, дышит
Прохладой рек в твоё лицо.

Наверно, утро очень скоро
Вспугнёт его, прогонит прочь.
Ну, а пока здесь счастье, ночь
И колдовство стихов Тагора.

ПЕРЕКЛИЧКА ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы, как истории планет.*

Евгений Евтушенко

Судя по сохранившимся фотоснимкам «Бригантины», клуб посещало не менее 50 человек. И хочется вспомнить всех поименно! В том числе, и тех, чьи стихи не сохранились в наших альбомах, и тех, кто вовсе их не писал, а был просто любителем поэзии, искренне поддерживал своих пишущих товарищей. Фотографии сохранили «друзей моих прекрасные черты», но, к сожалению, не все имена сохранила наша память. Некоторых, как мы не старались, вспомнить не удалось, — случайных людей в клубе тоже было немало. А как хочется знать, как сложились судьбы членов «Бригантины» — друзей юности! Попытаюсь рассказать, хотя бы о некоторых, — то, что самой удалось узнать... (Этот рассказ касается только тех, кто в этой книге — по той или иной причине — не представлен отдельной главой).

Итак, «перекличку» членов нашей команды начну с самых близких мне в ту пору людей — своих одноклассников. Из них членами «Бригантины», не считая меня, были ещё трое: Виталик Лазеев, Лида Бахтеева и Люба Перова.

Виталий Васильевич Лазеев

*(16.06.1947, Кировоград — 06.01.2016,
Одесса).*

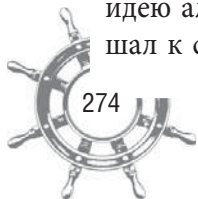
С Виталиком я познакомилась 1 сентября 1954 года — просто в первый день нашей школьной жизни нас посадили за одну парту. Там мы и просидели вместе много лет. Парта нас надолго сдружила. А так как она была первая, этот факт

вынуждал нас быть в передовых — мы и были образцовыми отличниками. Показательно, на всех школьных фотографиях нашего класса Виталий — единственный ученик в вышиванке. Когда в сентябре 1963 года наш 10-й класс перешёл учиться в новую, только что построенную на Коммунистическом проспекте школу старшекласников (СШ №34), Виталия с нами уже не было — его у нас забрала киевская школа-интернат для одарённых математиков при Киевском университете. После Киева, проучившись два года на физ-мате нашего пединститута, Лазеев поступает в институт инженеров гражданской авиации в Риге, затем переводится в аналогичный киевский вуз (КИИГА). После окончания института (1968) Виталий Лазеев работал в Институте кибернетики им. В.М. Глушкова АН УССР, затем возглавлял вычислительный центр Кишинёвского тракторостроительного завода. С начала 1990-е годов жил и работал в Одессе, где и умер за 1,5 года до своего 70-летия, до последних своих дней оставаясь человеком острого ума, весельчаком и юмористом.

Я не застала Лазеева в «Бригантине» — он посещал её, когда учился в нашем педине (1965-1968). Но я вижу его на всех фотографиях 3-летия нашего клуба (единственный день рождения «Бригантины», на который я не приехала из Харькова — была первая сессия моего первого курса). На фото Виталику 20 лет, он очень интеллигентный и красивый, отчего-то больше грустный, чем весёлый. Задумчивый...

В 2015 году, найдя в социальных сетях его сына, затем дочь, я была приятно удивлена: Виталик и его жена Элеонора назвали своих детей своими именами! А когда я впервые говорила с ним по телефону, это был прежний Лазеев: сыпал остротами и анекдотами; с радостью поддержал идею альманаха, был счастлив, что мы «нашлись», приглашал к себе в Одессу (жил в самом её центре, на Садовой).

Доброжелательная Элеонора, уже тяжело больная, обещала «найти на антресолях» что-нибудь из «шедевров» супруга. Но не успела. Они ушли из жизни почти одновременно. Я не получила ни единого блокнота со стихами Виталия! Я знаю единственную автобиографическую строфу Лазеева — его детский автопортрет:

Я был шестилетним мальчишкой
И многого не понимал,
Ходил в коротких штанишках,
Но был неразлучен с книжкой,
С вопросами приставал.

Маленький интеллеktуал, книгочей и книголюб! Таким он и оставался всю дальнейшую жизнь.

Виталий, я горжусь нашей школьной дружбой! Я мысленно гуляю с тобой по Приморскому бульвару...

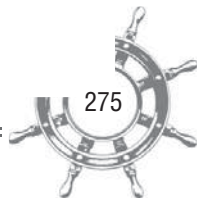
«Иных уж нет, а те далече...».

Далеко от нас находится и вторая моя одноклассница — **Люба Перова**, недолго посещавшая наш клуб. Возможно, в дальнейшей жизни Люба была далека от поэзии (окончив Киевский институт пищевой промышленности, работала экономистом на Кировоградском мясо-, затем — птицекомбинате), но репатрировавшись в середине 90-х в Израиль, присылает из Иерусалима письма, свидетельствующие о том, что «Бригантина» навсегда осталась в её сердце:

— Я хорошо помню твои стихи, Таня:

Ты, как якорь, а мне бы дерзкого,
Мне б отчаянного рулевого!
Говоришь, что всё это детство.
Всё равно, я найду такого!

— Нет, Люба, стихи, к сожалению, не мои, а Тани Бело-зерской.

Но хорошо, что ты их помнишь. (Не мудрено и забыть — Люба воспитывает четверых внуков! Стало быть, с «рулевым» всё сложилось). Пишу о ней, держа в уме, что завтра (05.11.) у неё юбилей — большая жизнь прожита достойно.

И ещё одна одноклассница, которой пришлось драить палубу нашего корабля — **Лида Бахтеева**. «Драить палубу»? При такой-то красоте? Мой дневник (запись от **16.03.1963**): *«Не было истории — Аннета Петровна уехала в Ростов-на-Дону передавать опыт. На уроке писали литературные портреты одноклассников. Мне досталась Лида Бахтеева. Благодарный объект — есть о чём писать!»* Я и написала о «хорошей девочке Лиде», воспев — в стихах! — её яркую восточную красоту — что-то о длинных змеях её чёрных кос и её же чёрных очах. Долго я помнила эти «стихи» — жаль, вспомнить сейчас не могу. Жалеть, правда, не о чём — они были откровенно слабыми.

Но редкая красота, мягкий характер и природная мудрость помогли Лиде прожить красивую жизнь, и даже стать Музой поэта. Именно о ней написаны такие великолепные строки:

Ты для света — чудо восьмое.
Для меня ты — первое чудо.

Членом «Бригантины» Лида Бахтеева была в студенческие годы, когда училась в нашем педине (1965-1969) — вот она на общих фото нашего 4-го «юбилея». После вуза уехала с мужем на Крайний Север. Там, в Ямало-Ненецком округе (г. Губкинский), преподавала русский язык и лите-

ратуру, была завучем средней школы, воспитала двух сыновей. Недавно, окончательно выйдя на пенсию, вернулась в Украину.

И ещё одна — не менее яркая девушка — **Зоя Олейник**.

Мой дневник от **06.10.1963**:

«Зойка — новая девчонка в нашем клубе. Красивая. Огромная чёрная коса. Сильный характер. Как она смело отвечала С.К. и «московскому гению» Анатолию Баранову! Я бы так не смогла».*

13.10.1963: *«Вчера был вечер 10-2-го класса... о Дунаевском, затем — викторина, игры... Мне очень понравился этот Зойкин класс, а сама Зойка меня восхитила. Красота, здоровье, энергия! Летит ко мне, обнимает, целует. Земной ангел!»* Такая же она и на фотографиях встреч нашего клуба.

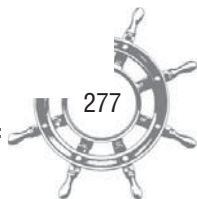

После 60-х я на долгие годы потеряла след Зои. Вернувшись в Кировоград, мечтала с ней встретиться. Не удавалось. Только сейчас узнала её историю. Окончив филфак Кировоградского пединститута, Зоя успела поработать в комсомоле, выйти замуж, родить и воспитать сына.

Умерла в пути, присев на скамейку (при пересадке в московском аэропорту Домодедово) — ехала к мужу-лётчику в Норильск. Ей было всего сорок два... В медицине это называется «внезапная смертность». Похоронили в Кировограде.

Но вернёмся снова к нашей переключке. Должна заметить, что чаще всего клуб пополнялся по принципу: «Пришёл сам — приведи товарища». Так, Галка Насонова привела в клуб своих школьных подруг, одноклассниц по СШ № 11 — Наташу Куц и Лилю Андриец.

* С.К. — Саша Коток.

Наталья Куц (21.04.1946) — одна из первых членов «Бригантины». Придя в клуб в 10-м классе, уже через 2 года уехала покорять столицу. После окончания экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова поступила в аспирантуру при Московском институте труда и зарплаты, параллельно работая в Кировограде в Приднепровском отделении этого института. С 1981 года — работала в КИСМе (теперь — Кировоградский национальный технический университет). Преподаватель экономических дисциплин. И сейчас **Наталья Павловна** принимает активное участие в культурной и общественной жизни города, поэтому видимся часто.

В отличие от **Лили Андриец**, которую мне удалось встретить только единственный раз, уже студенткой Севастопольского приборостроительного института. Позже наши пути не пересекались, а в интернете её найти мне не удалось.

Должна сказать, что некоторые члены клуба приводили в «Бригантину» своих близких. Так, Таня Белозерская иногда приходила со своей старшей сестрой Лилей. Позже Лилия посещала наши праздничные собрания (дни рождения клуба), замещая Таню, которой так ни разу и не удалось вырваться из Харькова на «юбилей» «Бригантины». Значительно чаще Таня являлась в клуб со своей подругой Зоей Кондратовой, больше других близкой к «Бригантине» — в прямом смысле — она жила в том же доме, где находилась юношеская библиотека. Хотя Зоя и Таня уже с сентября 1963

года стали харьковскими студентками, Зоя иногда бывала на заседаниях клуба. Через год к ним присоединилась и я. Мест в общежитии не хватало — жили вместе на съёмной квартире, образовав харьковский филиал кировоградского клуба. И сейчас, 50 лет спустя, квартира Зои — место встречи членов «Бригантины», приезжающих в Харьков.

Зоя Михайловна Кондратова родилась 10.12.1944. в Иркутской области (Нижнеудинск), окончила Кировоградскую школу № 8. После окончания биофака Харьковского пединститута им. Г. Сковороды, работала врачом-бактериологом в медучреждениях г. Харькова.

Не только 11-я и 34-я школы были богаты талантами — по традиции кадры интеллектуалов «ковала» элитная СШ № 6. Помимо Толика Шендрика, в «Бригантине» эта школа была представлена ещё и Шуриком Котком. Они и были грозными критиками наших первых произведений. Должна признаться, и Шендрик, и Коток немного напрягали нас своим умом и воспитанием, выделялись изысканностью манер и стиля в целом. Каждый из них был образцом для подражания и предметом тайного обожания женской половины клуба.

Котка не видела с 1964 года. Что я о нём знаю?

Александр Викторович Коток (12.09.1945, пгт Рокитное на Ровенщине — 16.02.2015, Москва).

Раннее детство прошло в Германии (Аннаберг) — по месту работы отца-военнослужащего. В Кировограде — с 1956 г. Окончив СШ № 6, учился в Московском институте иностранных

языков (теперь — МГЛУ), факультет переводческий, кафедра перевода испанского языка (1964-1969). После вуза остался в Москве, жил на проспекте Мира. Работал в Интуристе и «Спутнике», в комсомоле, партии и профсоюзах, журналистом АПН, в различных журналах, в т.ч. «Советский экран». Вот фото — Коток берёт интервью у Роберта де Ниро, впервые привезшего на Московский Международный кинофестиваль знаменитый гангстерский фильм «Однажды в Америке» (1986). А вот он сопровождает испанского певца Рафаэля в его концертном туре по Советскому Союзу.

В 2000-2008 годах работал зам. Генерального директора Современной гуманитарной академии (департамент Чечни), в соответствии с этим — связи и фотографии с экс-президентом Чечни Алу Алхановым с подписью Шурика: «Бывший мой начальник». А ещё есть фото с его другом и покровителем Русланом Ягодаевым (Герой России, генерал, депутат Государственной Думы) и его младшим братом Сулимом (оба убиты в Москве в 2008 и 2009 году соответственно — чеченские разборки).

От трагедии — к шутке: вот как сам Коток — и в шутку, и всерьёз — характеризует себя: «Singl, book-reader, cinemagoer, TV-watcher*». Страницу на Twitter он вёл на английском языке, на других сайтах — на русском, как он сам обозначил: «для коллег, однокурсников, друзей и любознательных археологов», к последним, видимо, отношусь и я. Хотелось здесь опубликовать несколько его культурологических твиттов — не получилось их скачать.

А ещё поисковик выдал такую характеристику Саши: «Александр Коток — «довольно известный журналист, поэт и переводчик» (цитата из книги кого-то из российских писателей, повторно не нашлась).

* Одинокий, книжник (читатель), кино- и телезритель.

Поэт? Но где найти его стихи?

Вопросы множатся. Поиск продолжается.

Недавно меня спросила Мирослава Чумаченко-Егурнова:

— Таня, может, знаешь, чьи это стихи?

Снег летит, меня засыпает,

И тихонько сам засыпает.

— Знаю, — бодро откликнулась я. — Это Саша Ивакин.

— Да, правильно, — обрадовалась Мира. — Теперь и я вспомнила. Чудесные стихи!

Но за месяц до этого я и сама не знала ни единого стихотворения Саши. Разве что одну строфу из его «Джентльменов удачи»:

Обо мне пусть любимая плачет,

О тебе пусть заплачет жена —

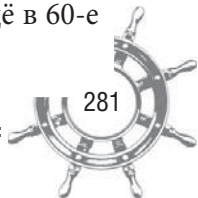
Мы с тобой джентльмены удачи,

Нашим саваном будет волна.

Но, как раз перед этим, повезло — нашёлся второй альбом «Бригантины», в котором записаны опусы «второй волны» нашего клуба (1966-1967), в основном стихи Валеры Картузова и Саши Ивакина; и надо отдать должное — прекрасные стихи. Но, когда я вышла на их автора, к счастью, живого и здорового, Саша (теперь — Александр Павлович) не дал согласия на участие в альманахе.

А жаль, ведь, на мой взгляд, это высокая поэзия — щемлящая, грустная лирика, к тому же, добротнo, мáстерски написанная, с великолепными концовками. (Недаром Ивакин был капитаном нашего брига последние 2 года его плавания. Те, кто сомневаются в этом факте — смотрите прессу тех лет!).

Саша знал цену себе и своей поэзии, написав ещё в 60-е годы такие пророческие строки:

Мир, наверно, не стал бы лучше,
Если б не было в мире нас.

Перефразируя его же слова: «Чтоб не шла никогда ко дну/Бригантина в наших глазах», авторское право нарушать не станем. (Воля автора — святое!). Но, если поэзия Ивакина нашему читателю оказалась недоступна, то биографию его можно читать каждому (резюме выставлено в Интернете).

Александр Павлович Ивакин — редактор, корректор, поэт — родился 21.05.1947 г.

Окончил Кировоградскую СШ №6 и филфак Кировоградского педагогического института им. А.С. Пушкина (1964-1969). В студенческие годы был членом литклуба «Бригантина», в 1966-1967 годы стал его руководителем — капитаном нашего брига.

После вуза — в Киеве, сначала на комсомольской работе, затем референт, редактор и корректор различных изданий.

Последние 20 лет работы (с 1993 года) — главный редактор Киевского издательства «Аконит». За этот период лично отредактировал, организовал, подготовил к печати и выпустил в свет свыше 100 различных изданий самой разной тематической направленности,

- в том числе получившую большой резонанс в Украине пятитомную серию «Детский сентиментальный роман и повесть» (1995 г.), разработчиком и редактором которой являлся;
- замечательную хрестоматию украинской литературы и литературной критики XX века в 4-х томах «Українське слово»;
- хрестоматию литературы IX-XV вв. «Золоте слово»;

– хрестоматию украинской литературы XV-XVIII вв.
«Слово многоцінне».

В целом в сфере книгоиздания проработал 30 лет.

Наша перекличка подходит к концу. Фотоснимки подсказывают мне: вот Фира (Эсфирь) Ройблат со своим братом Романом. Это **Юля Дыбенко** (где-то в Одессе)...

А это Витя Баранцев, студент-филолог, нынче полковник МВД в отставке, мой сосед. Эта круглолицая девушка, похожа на Машу Беланенко, мелькнувшую в самом начале «Бригантины» (кстати, мать барда Андрея Фоменко, рассказавшего мне о её поэтическом сборнике «Моя подорож роками», якобы давно готовой к печати).

Симпатичный черноглазый мальчик оказался Жорой Штомпелем. Георгий Александрович стал столичным жителем, ответственным работником системы Министерства просвещения Украины. Неожиданно узнаю — год его уже нет с нами...

— А куда девалась Шурочка Островская? — спрашивал Вова Каменецкий Лиду Гребенюк в письме 40-летней давности. Тот же вопрос и я задаю, но сейчас. Память мгновенно воскрешает её юный облик. Шурочка — единственная, кто фотографировал нашу незабываемую поездку в Канев. Где те фотографии? Где сама Шура? А где Светлана Баудер? Люда Проценко? Женя Мильман? «Л. Величко, В. Скульский» — из газетной статьи — кто это?..

Ау!.. те, которых мы вообще не узнали на фотографиях, откликнитесь! Будем рады встрече.

Поиск продолжается.

Память! Величайший дар господний, и она же – величайшее божье наказание, если воспоминания не в ладах с совестью. Но и обычная мука ностальгии – сладкая, но всё-таки мука. Кто из нас не страдал по навек утраченным дням солнечного (почему-то непременно солнечного!) детства? В поисках неповторимого чувства новизны мира возвращаемся мы к нашим большим и малым «меққам» – приқоснуться, припасть, очиститься, возродиться...

Олег Павлов

И.В. Зимогорова

М.Ф. Драгунская

Юношеская библиотека имени Тараса Шевченко...

Она стала для нас вторым домом — притягательно-уютной была атмосфера, созданная теплом сердец наших старших друзей — Драгунской Марией Фёдоровной, заведующей библиотекой, и её неизменным замом Зимогоровой Инной Викторовной, нашими лоцманами в бушующем океане книг. Основав клуб поэзии, найдя для него капитанов и набрав экипаж парусника, они фактически и были руководителями «Бригантины». Мария Фёдоровна организовывала наши поэтические вечера в школах, на заводах и телевидении. Инна Викторовна прилежно вела дневники наших заседаний и вписывала в альбом наши лучшие стихи. С ними можно было поделиться сокровенным, обе были хранительницами наших маленьких тайн. В их сердечном участии мы получали поддержку и опору.

Светлая память!

Юрий Каминский

ВАЛЕРИЙ ГОНЧАРЕНКО

Память и мать, и мачеха в одном лице. С ней нелегко, без неё невозможно.

Да и ей самой непросто: раскладывать по полочкам, сохранять, обтирая пыль, подкармливать светом, чтобы не потерять сноровку выковыривать в нужный момент из толстой тени, в которую погружены её богатства, то, что востребовано.

Вспоминая Валеру Гончаренко, я все время наталкиваюсь на два эпизода, разделённые несколькими десятками лет. Эпизоды эти мало расскажут о поэтике стихов Гончаренко, но, предполагаю, приблизят читателя к осознанию природы и масштаба этих стихов, к пониманию его личности; а меня, надеюсь, — к ответам на некоторые вопросы, волнующие до сей поры. С этой целью я чуть позднее и расскажу эти эпизоды...

С Валерой Гончаренко мы были знакомы более 30 лет. Я не назову наше общение дружбой или чем-то родственным ей. Нет. Но и вражды между нами никогда не было...

Мы были ровесниками. Мы были детьми войны. Мы вырастали на одних и тех же руинах. Мальцами стояли в одних и тех же очередях за хлебом. Он жил в глинобитном доме в районе так называемых «кузнёй», называемых так потому, что рядом гроыхал и стонал безостановочно кузнечный цех завода «Красная звезда». Этот грохот и я слышал в своём дворе на Карла Маркса 5/5, на углу тогдашней Береславской. Мы и жили рядом.

Была в нём притягивающая лёгкость в общении, готовность к восторгу, артистичность, порой чрезмерная, — в нём было много того, чего не было во мне и во многих в то

непростое время — и это, так я думаю сегодня, меня и притягивало к нему. Как, к слову сказать, и других наших пишущих ровесников. «Я поэт, и этим интересен», — постоянно цитируемая им строчка Маяковского, была и его визиткой, и его своеобразной индульгенцией от многих несуразностей, а порой и благоглупостей, которые он *выдавал* (словечко — его: вчора Танський такий могутний вирш *видав!*).

Он всегда искренне радовался чужому успеху, что, на мой взгляд, доступно только таланту...

Когда я думаю о Кировограде, о *своём* Кировограде, вспоминаются строки Б. Пастернака: «ты здесь, мы в *воздухе* одном». Тому несколько причин.

Первая — *этот воздух был одной из составляющих моей личности*, мы с ним были, как говорится, *одно целое*, т.е. в нём я почти физически ощущал своё неотделимое присутствие в этом мире, свою погружённость в него и поэтому, видимо, моим глазам удавалось фиксировать структуру *этого воздуха*, его внутренние колебания, смещения световых пятен, теней, полутеней и даже... движение времени в нём. Позднее я осознал, что это, дарованное мне природой свойство глаза, — и есть мой поводырь в глубоких и тёмных лабиринтах поэзии. И в жизни тоже.

Вторая, конечно же, сопряжена с первой и заключается в том, что в *этом воздухе* я чувствовал не только *своё* присутствие («ты здесь» это о себе, а не о любимой, как у поэта), но и присутствие других, близких и знакомых или малознакомых мне людей. Происходило это так: когда я выходил из дома на улицу Карла Маркса, ко мне в мозг вдруг поступала информация (откуда — не знаю до сих пор!), что, скажем на углу улицы Шевченко я встречу того или другого человека, с кем я не виделся порой долгое время и никогда о нём не думал. И действительно, на «указан-

ном» мне углу, я в *своем воздухе* встречал «указанного» мне человека.

Этот пассаж о *моем воздухе* возник, как я понимаю, лишь для того чтобы подчеркнуть: так я в очередной раз встретился и с Валерой Гончаренко. Мы уже были знакомы, но виделись редко и зачастую случайно. Он работал на стройке, я — на заводе. Нас должны были сблизить стихи, которые оба писали, но этого не происходило. («Почему?» — спрашиваю я себя сегодня и точного ответа не нахожу). Некоторые его стихи мне были симпатичны, хоть и не вызывали восторга. Наверное, так я думаю сегодня, у нас были разные темпераменты или, как говорил один известный поэт, «разные группы крови».

Начались шестидесятые, большие поэзией годы. Больные верой в что-то хорошее, что вскоре как бы должно произойти со всеми нами. Лихорадило, кажется, всех: и тех, кто писал стихи, и тех, кто, изголодавшись по ним (настоящим!), не всегда разборчиво проглатывал их, и даже — так, во всяком случае, могло тогда казаться, тех, кто был далёк и от веры в будущее, и от любви к настоящему, и, естественно, от поэзии.

Верхней частью Карла Маркса ещё кое-где гуляли сквозняки, ютившиеся на послевоенных, пока не застроенных пустырях по обеим сторонам улицы. Ярился август и ветер гнал из степи в город горячий песок. Чем ближе к площади — ко дну лощины, на которой она разлеглась, — тем острее становились песчинки, тем труднее становилось дышать. И ничего в эти минуты, кроме стакана шипучей газировки, не хотелось. А для этого надо еще свернуть по Ленина направо, пройти несколько десятков метров к ближайшему автомату, обрадоваться, увидев стакан, и... — вдруг:

— Старик, привет тебе, привет, уверен ты уже читал это: бьют женщину блесит белок в машине темень и жара и бьются ноги в потолок как белые прожектора — громко, даже очень громко (идущие мимо, оглядываются, улыбаются доброжелательно), энергично жестикулируя и разогревая своей энергией и без того пылающий воздух до невыносимой температуры, возникает (*не вдруг — я получил о нём сигнал, выйдя минут 15 тому на улицу*) Валерий Гончаренко. — Гениально. Абсолютно гениально (одно из часто употребляемых им слов, которое в те годы, думаю, было сильно скомпрометировано от повсеместного назойливого повторения).

Это начало первого эпизода. Именно тогда, в тот жаркий августовский день, я первый и последний раз был в его хате на Кузнях (это слово произносили с ударением на последнем слоге). Не могу припомнить, о чём мы говорили после того, как Валера продекламировал Вознесенского, под каким предлогом он пригласил меня к себе домой — не могу сегодня припомнить, да в этом и нет необходимости, думаю.

А вот то, что произошло потом, память сохранила не искаженно, в первородном, по-моему, состоянии, пронеся несколько драгоценных подробностей сквозь толщу более чем пятидесяти лет. Я благодарен ей.

Мачеха так не поступила бы...

Хата Гончаренко белая-белая в розовой раскаленности августовского дня. Валера открывает широким жестом (очень характерным для него) калитку, пропускает меня вперёд. Ухоженная короткая дорожка. Справа цветник, слева — чуть поодаль — роскошная абрикоса, густо усыпанная крупными плодами.

— Это мамина абрикоса, — слышу за своей спиной непривычно тихий голос Валеры. — Таких ты у нас нигде не найдёшь.

Мама, Надежда Моисеевна, с Валериными пронзительно голубыми глазами. Ладонь твердоватая, с шершавинками. Улыбка молодая, открытая, приглашающая.

— Валера говорил о тебе...

Как потом выяснилось, Валера рассказывал маме не только обо мне... И ещё запомнилось какая-то особая тишь Гончаренко в своём низкопотолочном доме, рядом с мамой и иконой в красном углу хаты.

Он не читал стихи, что можно было бы ожидать, он показал мне свои рисунки. Там было несколько портретов матери, в которых (мне так кажется сегодня) я увидел тогда (в ту пору я сам посещал художественную школу — учился у небезызвестной Юлии Борисовны [.....]), как в некоем зеркале, маленького мальчонку с залитым голубизной лицом, в котором застыла какая-то трудно прочитываемая просьба... скорее всего о защите, о помощи для осуществления мечты вырваться из тесного пространства убогого быта в иную... романтическую реальность. Сейчас я подумал о том, что их похожесть могла создать такую иллюзию...

Белая хата... Низкий потолок... Ощущаемая физически глинобитность... Икона... Невысокая книжная полка... Мамина абрикоса... (Я действительно не ел в нашем абрикосовом городе лучших абрикос). Всё это, как и многое иное — составляющие поэта Гончаренко. Этот вывод я сделал не тогда, конечно, а многие десятилетия спустя..., быть может, в те минуты, когда я, моя мама и Валера сидели у меня за кухонным столом, с бутылкой водки и скромной закуской, а Валера говорил моей маме, сильно ее смущая:

— Раїсо Миронівна, яка ви красива...

И голос его был тихий-тихий и даже слабый. А голубизна глаз была как бы зашторена прозрачной тканью. «Это он о своей маме, о Надежде Моисеевне, — подумал я, сидя

напротив, — конечно, это он о своей маме, которую мы похоронили несколько часов назад, конечно, о ней, о своей маме... — меня «заело», как иголку на пластинке...

Я хорошо помню и день похорон его матери, и вечер этого дня. И Валеру, смотрящего всё время то в гроб, то долу. Помню, что я едва ли не насильно увёл его после похорон к себе: возникло неистребимое стремление отобрать Валеру у окружившей его горе пьяни, пусть и сочувствующей, пусть и не безразличной, но... пьяни. Я никогда не был «его компанией». Он никогда не был у меня дома. Я до сих пор не знаю, почему он пошел тогда со мной, а не с теми, с кем он привык...

Мама ушла спать, а мы засиделись далеко за полночь. Говорили мало. Слова трудно выходили из гортани. И у него. И у меня. И вдруг я услышал почти шепот: «А маме вже нема-а-а». Он долго тянул букву «а». Не смотрел на меня. Глаза его были повернуты вовнутрь. Рядом со мной его не было. Так мне показалось тогда, и я подумал: наверно, это строчка будущего стихотворения...

Потом, после продолжительного молчания, в какой-то момент он вспомнил почему-то о Валерии Юрьеве, с которым был очень близок, но на полуслове оборвал сам себя.

Утром он ушел, отказавшись от предложенного мамой завтрака. Отношения наши не стали после этой ночи ни теплее, ни холодней...

Совсем недавно, просматривая старые дневниковые записи, я наткнулся на такую: «*научись не врать себе и ты сможешь сказать правду другим*»; и — приписка в скобках: «*в разговоре с Гончаренко после похорон его матери*». Значит, это было в ту ночь, когда он единственный раз был в моём доме.

Бат-Ям, Израиль.
20 апреля 2015 г.

291

Татьяна Белозерская

ВОСПОМИНАНИЯ О ГОНЧАРЕНКО

Поезіє, сонце моє оранжеве!
Щомиті якийсь хлопчисько
Відкриває тебе для себе,
Щоб стати навіки соняшником.

Іван Драч «Балада про соняшник»

Моя юність прошла в Кировограде. По условиям приёма в ВУЗ многие из выпускников тех лет не сразу поступали учиться дальше, а «отрабатывали» два года на производстве, закрывая дефицит рабочих кадров. Очевидно, так государство решало демографическую проблему, связанную с последствиями войны. После окончания школы я тоже два года работала на заводе «Красная звезда». Никогда я не жалела о том, что шестнадцатилетней сначала попала в условия серьёзного производства и работы в большом коллективе. Мне пришлось мучительно изживать свою застенчивость и робость. Старые рабочие, прошедшие суровую школу военных производств сталинских времён, прививали нам ответственность, аккуратность и пунктуальность, необходимые на каждом этапе слаженных совместных действий. Постепенно я влилась в бурную жизнь цеха. Ведь таких, как я, там было немало. Мы играли в волейбол в обеденный перерыв, оставались после работы на репетиции танцев — на областном смотре художественной самодеятельности танцевали гопак (до сих пор помню некоторые его элементы). В кладовке цехового «Красного уголка» хранилось наше туристское снаряжение: в субботу при подходящей погоде, после укороченной рабочей второй смены (если кто-то из нас был в ней) наша туристская группа уходила в сторону старого знаменского леса. Мы старались исполь-

звать любые попутные средства передвижения и ночью добирались к месту в лесу, где знали источник питьевой воды. Один из ребят, В. Чулков (с благодарностью помню эти его подвиги!) тащил с собой аккордеон. Разбивали палатки и полночи сидели с песнями у костра. Старый дубовый лес, огонь и чистые, сильные звуки аккордеона завершали трудный субботний день. Утром воскресенья мы проводили серьёзную подготовку к соревнованиям по спортивному ориентированию и вечером добирались домой. Осенью, победив в области, шестеро из нас съездили на первые республиканские соревнования по спортивному ориентированию в Закарпатье.

Даже моя первая «публикация» в заводской газете (стишок «Я тоже сею») пришёлся на эти, наполненные до краёв активной молодой жизнью, годы. После окончания школы я не перестала в свободные часы (сделав крюк по пути домой после работы или в выходной) забегать в полуподвал на ул. К. Маркса в свою любимую юношескую библиотеку им. Т. Шевченко. Я спешила к книгам и была рада перебирать их, выискивая интересное для себя, на стеллажах, куда меня уже давно пускали. В библиотеке мне всегда старались показать интересные новые публикации. Дома книг у меня была немного, а жажда к чтению только росла. Огромную благодарность испытываю к мудрым библиотекарям Инне Викторовне и Марии Фёдоровне, которые сделали место своей работы таким притягательным и родным для нас. Это их чуткое внимание к каждому, кто приходил в библиотеку, любил книгу и проявлял заинтересованность поэзией, позволило собрать нас вместе, познакомить, найти нам вожака и, в конце концов, многое предопределить в наших судьбах. Так зарождался в начале 1963 года наш клуб поэзии. Я называю его так, как называл его в письмах

ко мне Валерий Гончаренко — наш молодой руководитель и вдохновитель.

Я вспомнила, как ещё до знакомства с Валерием, и до начала работы нашего клуба, библиотекарь Мария Фёдоровна, оживлённая и обаятельная, с блестящими карими глазами, заинтриговала меня своими рассказами о талантливом, молодом украинском поэте, с которым ей очень хотелось меня познакомить. Она знала о моём интересе к поэзии. Валерий тогда работал на стройке. Мария Фёдоровна огорчалась, что мы с ним появлялись в библиотеке в выходной, но в разное время. И вот однажды, в декабре 1962 года, Мария Фёдоровна пригласила меня прийти в воскресенье к определённому времени. Тогда мы и познакомились с Валерием. Подошли ещё несколько человек которых, скорее всего, так же пригласила Мария Фёдоровна. Непринуждённо завязался общий разговор о новых поэтах-современниках. Постепенно инициатива перешла к Валерию. Тогда и начали складываться первые традиции проведения занятий нашего клуба. Встречались мы, кажется, раз в две недели по воскресеньям. В следующий выходной впервые на нашей встрече в библиотеке появился Вадим Гребенюк, друг Валерия, который стал активно участвовать в жизни клуба. Он тоже писал стихи и иногда заменял Валерия на наших встречах. Я привлекла в клуб свою подругу Зою Кондратову. Она, хоть и не писала стихи, но была заинтересованным слушателем и критиком, к которой Валерий часто шутливо обращался со словами: «Ваше слово, товарищ маузер!». Постепенно, от встречи к встрече, наш круг расширился. Остальные девушки и парни, либо уже работали после недавнего окончания школы, как и мы, или были ещё школьниками. Сохранилось несколько фотографий, сделанных в первые месяцы наших встреч в клубе. Нас было ещё мало, и мы все помеща-

лись вокруг одного стола. Позже, когда я стала студенткой Харьковского университета, в письмах ко мне Валерий и Вадим упоминают лишь о знакомых мне нескольких «кружковцах» (Воеводине, Гале Насоновой, Алле Пароконьевой, Лиде Гребенюк, Тане Березняк), так как многие другие появились уже после моего отъезда. Позже, в конце 1963 (?) года клуб получил название «Бригантина». А на фото юбилея «Бригантины» маленькое помещение библиотечного зала уже с трудом помещает его членов. Мне жаль, что в те годы меня уже не было в Кировограде.

Валерий — невысокий, с застенчиво-дерзким взглядом исподлобья больших сероголубых глаз, корректно одетый (безупречно аккуратный тёмный костюм и белая рубашка), с уверенной грамотной украинской речью, несколько утрированной «театральной» жестикуляцией и хорошо поставленным мелодичным голосом (как он сам шутил — лирический тенор!) явно обладал тем, что теперь принято называть харизмой. По возрасту он был не намного старше нас, но сразу же своей манерой держаться и говорить создал некоторую дистанцию. Его авторитет и лидерство помогали нам очень насыщенно и организованно проводить встречи. Он вёл разговор, направляя нас. Стимулировал каждого к высказыванию, к прояснению своих впечатлений об услышанном, к тому, чтобы приносить и, не стесняясь, читать свои стихи. Шутя, полемизируя, высказываясь иногда бескомпромиссно и резко, мы учились выражать и формулировать своё мнение. Валерий делился с нами умением анализировать текст, замечать и оценивать художественные особенности, отмечать штампы, огрехи языка и пр. Стихи, которые мы приносили, зачастую были совсем беспомощны и неуклюжи, но азарт творчества уже начал овладевать нами. Валерий знакомил нас с поэзией авторов, о которых

мы могли ещё не знать, или знали мало. Мне хорошо запомнились наши горячие споры о творчестве И. Драча, Н. Винграновского, раннего П. Тычины, А. Вознесенского, Е. Евтушенко. Мы живо обсуждали стихи из «Треугольной груши» Вознесенского и «Жартівливу баладу про випрані штани» Драча (его замечательно подмеченное, как «Пришпилені гострими зорями, в небо ішли штани»). Читал Валерий и свои новые стихи. Я предполагаю, что мы были тогда той заинтересованной аудиторией, которая была ему очень нужна. Он жил поэзией. Делиться мыслями о ней, стараться вникнуть в секреты поэтического мастерства, прочесть свои стихи, послушать первые пробы других, да и просто выразительно, артистично прочесть понравившиеся стихи — всё это было его насущной потребностью. Позже он будет вести и другие поэтические студии. А тогда всё только начиналось.

Для меня встреча в юности с таким искренним и активным, живущим поэзией человеком, была очень важна. Все мы, любящие завораживающие рифмованные строки, осознали, что мы не одиноки в этом своём выборе, что нас много, а мир поэзии безграничен. Как нужен был нам этот первый импульс! У нас на многое открылись глаза, расширились горизонты чувствования и проникновения в тайны поэзии. Это было моё первое серьёзное ученичество в этой области. Тогда я, пожалуй, и стала, следуя образному выражению И. Драча, «соняшником» подвластным негасимому, и жизненно необходимому, солнцу поэзии. Дальше уже можно было всю жизнь самостоятельно идти вслед за этим солнцем. Оно освещало, согревало, дарило любовь, утешало, лечило, позволяло находить друзей и никогда не оставляло в одиночестве!

В конце апреля 1963 года, в одно из воскресений, после занятия клуба Валерий и Вадим вышли во двор вместе

со мной и моей подругой Зоей. Как-то таинственно они пригласили нас пойти в гости к Валерию. Причём, приглашал более бойкий, свойский и весёлый Вадим. Мы согласились, но тогда даже не догадались, что у Валерия — день рождения. В тот вечер мы узнали, где жил Валерий, и побывали в маленьком домике, от старости ушедшем глубоко в землю. Здесь Валерий вырос и жил с матерью много лет. Позже, в своей газетной публикации «Осанна Всевишньому» сам он так характеризовал место своего детства: «Дитинство моє вдень босоніж гасало по курній, страхітливо покрученій вулиці Кузні, де приземкуваті і кособокі мазанки, мов незграбні жаби виплигували з городів на проїжджу частину... Жили тут здебільшого знедолені будівники розвинутого соціалізму: підмітальники, запліснявілі від горя вдови, каліки, закінчені п'яниці і початкуючі рецидивісти. Щоправда, ця помийниця нашого суспільства в майбутньому виплюнула між люди генерала Євгена Іванова, кандидата наук Віру Чабан і члена Спілки письменників — автора цих ... мемуарів». Этот микрорайон возле стадиона, Кузни, где жил Валерий, был мне хорошо знаком. Оказывается, я каждый раз шла с работы мимо его маленького домика, выходящего, без ограждения и полисадника перед окнами, прямо на улицу. Уже давно, как я могла убедиться в один из своих приездов, на месте этого микрорайона построили новые корпуса завода «Красная Звезда», и всё там неузнаваемо изменилось.

В доме нас встретила мама Валерия — Надежда Моисеевна. И только здесь мы с Зоей узнали, что мы в гостях по случаю дня рождения. Валерию исполнился 21 год. Надежда Моисеевна — так звали маму Валерия — угощала нас пирогом и чаем, мы выпили немного вина, осмелели, завязался оживлённый разговор. Валерий показывал книги своей не-

плохой библиотеки поэзии. Мама, тихая, приветливая и незаметная, в наши разговоры не вмешивалась. В этот вечер мы, фактически, познакомились с Валерием и Вадимом. Вели они себя просто, естественно, без всякой позы, мы много шутили. Об этом вечере осталось тёплое воспоминание. С него начались наши более простые и дружеские отношения.

Через несколько дней после дня рождения Валерия я возвращалась домой с работы. Вторая заводская смена заканчивалась в полночь. По пути я сломала ветку с одичавшего куста сирени, утопающего в ароматных цветах. Чудной весенней ночью я одна шла по спящей извилистой улице одноэтажных домишек Кузней. Слышен был только торопливый перестук моих каблучков. Мне было восемнадцать лет, и я была немного влюблена. Домик Валерия уже спал. Тёмными были два низких маленьких оконца, выходящих на улицу. Только лунный свет отражали стёкла. Непроизвольно, я сошла с тротуара, положила на откос окна ветку сирени и торопливо продолжила свой одинокий ночной путь. Идти было ещё далеко. Я жила на улице Уфимской, в районе швейной фабрики.

Много лет спустя, когда в руки мне попала маленькая тонкая вторая книжка стихов Валерия «Кроки», изданная в 1974 году, я вспомнила о той далёкой весенней ночи, прочтя его строки:

* * *

Звичайний цей вечір

Звичайна весна.

(І гілка бузку
на лутці вікна).

Здавалось би: роки,

Як зморшки, глибокі.

Здавалось би пам'ять,
Як листя, що палять.

Та дивний цей вечір,
Мов келих вина.

(І гілка бузку
на лутці вікна).

Времени для общения с Валерием мне было отпущено мало, поэтому я, конечно, мало успела узнать о нём. Во время нескольких наших прогулок по городу мы говорили о будущих планах: в этом году нам предстояло сдавать вступительные экзамены. Мы стояли на пороге больших изменений в судьбе. Я собиралась поступать на физический факультет Харьковского университета, Валерий — на филологический факультет Кировоградского педагогического института. Однажды, незадолго до моего отъезда в Харьков, случайно встретившись в городе, мы, оживлённо болтая, не заметили, как вышли на окраину города недалеко от аэропорта. Это шоссе, с двух сторон которого вертикальными тёмными свечами стояли высокие пирамидальные тополя, стали для меня символом возвращения в город моей юности. Обычно студенткой я въезжала в город сквозь строй этих тополей, так как удобный ночной поезд довозил меня до Знаменки, а дальше я, волнуясь от нетерпения, въезжала на автобусе в утренний Кировоград, навстречу родному дому, по знакомой тополиной аллее. А тогда, летом 1963 года, всё в наших жизнях ещё было неопределённо. Валерий удивлялся, почему я выбираю физику да ещё и собираюсь уезжать. Пытался повлиять на мой выбор. Физика была ему явно несимпатична. О своих планах он говорил шутя, застенчиво. Я не задавала ему вопросов о его семье, он сам говорил очень тепло о маме. А по поводу отца с затаённой горечью сказал, что он его не знает. В своей саркастической

манере, чтобы не касаться чего-то очень болезненного, он говорил, что благодарен ему только за вполне благозвучную, звонкую фамилию — Гончаренко! Я вспомнила эти его слова сейчас, когда узнала, что улица, на которой в последние годы своей недолгой жизни обитал Валерий, будет носить его имя — улица Валерия Гончаренко! В самом деле, звучит хорошо!

Я уехала в Харьков, поступила в Университет, и больше жить в Кировограде мне не пришлось. Конечно, я часто приезжала к родным, но ненадолго. В первые годы учёбы я стремилась в зимние студенческие каникулы побывать в библиотеке, но на заседания клуба не удавалось попадать (каникулы были короткими и не совпадали со встречами в клубе). Но с Валерием и Вадимом мы, хоть и нечасто, переписывались, делились новостями, а на каникулах иногда удавалось встретиться.

Сестра сохраняла вырезки из кировоградских газет с некоторыми публикациями Валерия и пересылала их мне. Так что я немного знакома с его творчеством. Мы выросли, были поглощены своими занятиями, работой, личными отношениями, менялись города и адреса. Пути наших жизней разошлись. Время неслось невероятно быстро. Я запомнила Валерия молодым, полным творческих замыслов и планов. Больно было узнать о том, что его не стало.

В память о юности и друзьях-поэтах у меня остаются несколько фотографий, пять писем Валерия, шесть писем Вадима, их стихи, и прошедшая через всю жизнь любовь к поэзии.

ІЗ ПИСЕМ

Валерія Гончаренко Тат'яне Белозерской в г. Харків

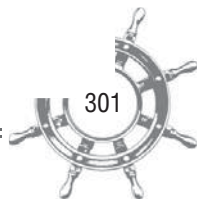
07.1.1964. (Фрагмент письма)

«...Пишу про себе. Вчусь. Гортаю дні, як недописані лекції. Гортаю лекції, як сухі гербарії. Голова моя набита казна чим, як кишень фанатика колекціонера. Останнім часом мене потягло на сцену. Ну ти вже знаєш, що я почав співати (поки що мій «спів» терплять древні стіни інституту). На новорічному вечері я виконав дві пісні. Так що останнім часом я більше «співаю», ніж пишу вірші.

Щодо нового року, зустрів його у Вадіма. Були пісні, горілка, милі дурниці і скептична посмішка Гребенюка, якою цілком можна було закусувати після чарки. Ранок нового року зустріли за столом, а не під столом і це важливо...

Клуб наш на тому ж місці. Ювілей був схожий із пляшкою від шампанського, яку урочисто ставлять на стіл, відкривають з нетерпінням і чекають дива. А пляшка пуста. Були дружні шаржі (в газеті нашій), язики були схожі із млинцями в сметані. Кожен щось казав дуже приємне, або ж дуже дурне. І те, і інше чудово поєднувалось. І ми розжовували посмішки, як підгорілі пироги, і старалися не кривитися. Наші клубівці дуже подорослішали, і дехто починає дерти кирпу, від чого нічого доброго чекати не можна. Але, я гадаю, що це перехідний ріст і це пройде, «як з білих яблунь дим».

Вибач, я, здається, вже багато патякаю. Це сама моя нахальна звичка, якою я сам не знаю чи гордитись, чи мовчати про неї, як мовчать заїки до того часу, поки не заговорять і не видадуть самі себе...»

01.02.1964

«Мій літпривіт і тисячу побажань: здати заліки, здати екзамени, провести добре канікули і т.д., і т. п.

Живу по-старому. Екзамени сдав на «добре» і зараз гуляю.

Між іншим, ти мені такого теплого листа написала, що аж мені себе стало жалко, невже я і справді такий хороший? Хоч правда, я останнім часом, наробив стільки милих дурниць, що ними можна б було ілюструвати найдовший монолог Чичикова, або пару компліментів Дон-Жуана.

Ти питаєш за клуб. Клуб живе і дихає. Тепер стало традицією перед кожним заняттям читати щоденник, в якому наші гуртківці пишуть замітки про кожне заняття. Замітки досить яскраві і досить не потрібні, як нові латки на старому лахмітті старця. Але це все вносить якусь розрядку. Є і новачки. Воеводін трохи зазнався. Правда, я з ним не панькаюсь, і він трохи опустил свого носа. Алла Баранова майже не ходить. Взавтра в нас заняття, а я їду в Олександрію, творча командировка. Але відкараскатися від неї я не міг. Наступне заняття наше буде 16 лютого. І я нічого придумати іншого не можу. Може залишишся на день? Буду, мабуть, закрулятися. Спати хочу нестерпно, а завтра ж рано вставати. Покалякаємо, як приїдеш. На добраніч!

Зої отакецький привіт від мене!!!

Твій В. Гончаренко (*подпись*)

м. Кіровоград

Март 1964 г. (*На открытке 3 СВЯТОМ ВЕСНИ!*)

«...Творчий гурток поки що не розвалився. Приїхав Воеводін — мабуть розвалиться (не Воеводін, а гурток). В свій гурток записати тебе не можу. Переросла. Ну що іще? Живий, здоровий, розтиратись снігом кинув: по-перше — простудився, по-друге сніг розтав. Ну жму твою лапу!

Твій В. Гончаренко (*подпись*)

26.03.1965

Привіт, Арифметичка!

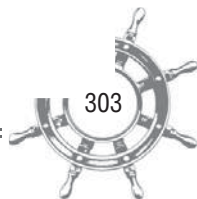
Вітаю тебе з усіма ознаками весни: дощем, болотом, туманом, снігослякоттю і т.д. і т.п. Ти все так само практикуєшся в гуморі? Ну що ж, «смійся, паяц, над розбитим коритом». Вибачаюсь, за неточність цитати. Склероз!..

А тепер про новини. Приїхав Воеводін. Він подорослішав (правда не скажу, що порозумнішав). На першому занятті читав свої погані вірші і жестикулював. Жести були кращі, чим вірші, а читав він ще краще, ніж жестикулював. А так все в клубі по-старому: Насонова багато «умнічає», Вадька робить глибокодумні дурниці, а Таня Березняк зараз не пише нічого і на все говорить «гадость».

Правда клуб наш назвали «Бригантина». Тепер кожен, хто пише щоденник, обов'язково втне щось або про порвані вітрила, або про жовторотих капітанів. При слові «Бригантина» останнім часом мене погано нудить... Між іншим ця ідея належить Гребенюку. Ми з ним останнім часом дуже не миримся. Я, взагалі, не розумію, чого він хоче (та він, мабуть, і сам цього не знає).

Ну що іще. Ага, прислали мені рукопис на допрацювання. Рецензія хороша. Так що можна вважати, що книжиця «на мазі».

Запросили в мене декілька поезій для збірки «День поезії». Не знаю що із цього вийде. Ну, здається, все. До речі, посилаю тобі вірша, якого безбожно розкритикував Гребенюк. На зло йому.

РАНОК

Котились велосипеди,
Летіли, немов жар-птиці,
І промені, мов солому,
Намотували на спиці.

Верба над червоним ставом
Махала услід їм гілкою.
Бавивсь хлопчисько-ранок
Калиновою сопілкою.

На крилах слюдистих бджоли
Несли світанкові сни.
Корови артільні радо
Сурмили про день ясний.

На обрій дороги бігли,
Зникали в блакитній млі.
І в полі хустини білі
Ромашками розцвіли.

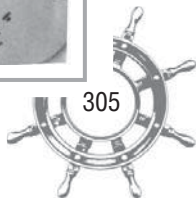
І тишу прозорі звуки
Взяли в кришталеві ґрати.
О, ранок! Віддай сопілку!
Я теж на ній хочу ґрати.

Ниже приведу автографы этого стиха и письмо от 06.04.1965.

Три віт із землі Кіровоградської!

Сьогодні чудовий день, неділя. Сонце лише поспіває у моїх шибкат і на кущах вилітають комарі. Моніти казали, що сьогодні перший день весни. Влітку я дивився у вікно і зазирив улюбленим, що ступили на акації. Ну цей ліричний виступ, як нова латка на старому нудіанті. Щоро новин. Я, здається гві ішав, що маю десь на Шавітня бути в Києві, кам думало одбути і свою збірку, яку уже допрацював. До релі, із хар'є в одримав уже свою книжчку. Книга спору, мабуть, з'явиться і в Харкові, так що ти маю це на увазі. Називатим вона "Моноліт землі." Трава пиряна стрішено мізерний тиво-навісто 2000. Книжчка видана гарно та і вірши добрі. Мін іншим, зараз у Кіровограді укладають книжчка Смоленського "Сіве покоління." Значит Смоленський? Це наш Кіровоградський мисленик (Ген СІУ) Ну що іще. Було я у Вадима на іменинах. Все було в хар'є. Відім зараз ладно до степок Кіровоградцям геологам, наслідують, як гарт. Став найкращим (Кендикан, але це, мабуть, віз той, що йому все так, неческо дають романтика буднів. Зараз він майже нігол не живе. Із основному все без зміт Ростадін хоче бути солідним, що фому, значить, братов" з великим тудіносуам. Насіново, рудиміт,

Велик Тараконне ва пише доста
немагані нокем. З неї буде моде,
якщо вона буде сервозно працю-
вати. Але, у вас чуже ішов
Сої? В нбому н чухт Тараконне
'і інші криволадні ервоти.

Ну буде, маб, кінгав.

Нтилу по стаяму, 2020 і тобі
бачнао. З привітан!

Твоя Ронгоденко

7/IV-1965р.

м. Кривопань

привітан Зої!

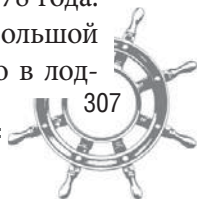

Татьяна Белозерская

ВАДИМ ГРЕБЕНЮК

Со старой фотографии смотрит на нас весёлый, доброжелательный, курносый, вихрастый парень — Вадим Гребенюк. Вадька! Душа нашего клуба! По крайней мере, так было в те первые несколько месяцев наших встреч в библиотеке. Смуглый, любящий шутить, всегда стремящийся не дать никого в обиду, он вносил в наши встречи непосредственность и живость.

Я до сих пор помню несколько его стихотворений, хотя их текстов у меня нет. Они были искренними и лёгкими. Потом, судя по письмам, которые я от него получала, у Вадима было много метаний. Он искал себя и в выборе профессии, и в творчестве. Пробовал себя в прозе, и в разных по форме стихах. Мучился вопросами о смысле жизни. Он тоже, как и Валерий, так мало прожил! В годы, когда мне повезло общаться с ними, они дружили. Дружба была искренней, хотя противоречий у ребят было много, всё сглаживали юмор и доброта. Вадиму физически трудно пришлось на геологической работе и Валерий ему сопереживал и искренне о нём беспокоился. Романтика будней просто не давалась! Хотелось бы, чтобы в письмах Вадима, которые я приведу, доброжелательный читатель почувствовал за шутками и бровадой его светлую душу, доброе сердце и ростки таланта в его стихах. Я очень мало знаю о жизни, которую прожил Вадим. Но на том отрезке её, когда наши дороги ненадолго пересеклись, этот тёплый, дружественный человек успел оставить о себе братскую добрую память. Живя далеко, я искала след Вадима в Интернете, но пока нашла лишь одно упоминание — его чудесную короткую заметку в журнале «Юный натуралист» 1978 года: «Три рождения реки Сниводы». За словами этой небольшой публикации я услышала голос Вадима и увидела его в лод-

ке, как когда-то в начале лета далёкого 1963 года. Вадим взял в прокат на лодочной станции (на набережной, под плакучими ивами, неподалёку от моста) лодку-плоскодонку. Он сел на вёсла и мы убедились, что временами пересыхающий Ингул всё-таки бывает судоходным. Лодке в его умелых руках удавалось проскальзывать там, где, казалось бы, всё уже заросло прибрежным камышом и осокой. Мы увидели город с неожиданной точки зрения. Вадим умел дарить радость. Он любил жизнь и природу. Жаль, если его щедрая на впечатления душа не смогла найти выхода в слове.

У меня сохранились письма Вадима 1964-1966 гг., которые я получила от него в г. Харькове, когда была студенткой. Письма и стихи Вадима были и на украинском, и на русском языке. В перепечатанных письмах или их фрагментах я полностью сохранила текст автора. Приведен и автограф его большого письма с «автопортретом» и обведенной ладонью, которые вызывают щемящую жалость и боль теперь, когда Вадима нет среди нас.

Эту любительскую фотографию Вадим прислал мне через три года после моего отъезда в Харьков, и я очень дорожу ею, как и памятью о нём.

ПИСЬМА

Вадима Гребенюка Татьяне Белозерской в г. Харьков

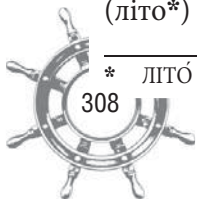
(Осень? 1964 г.)?

День добрый, Танюшо!

Перед тим, як іти на працю, напишу тобі листа, щоб опустити його на пошті.

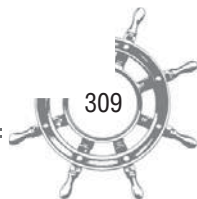
Недавно був у нас в Кіровограді книжковий бал. Ми (літо*) там виступали. Виступ був дуже невдалий. Читали:

* ЛІТО — літературне об'єднання.

я, Ганоцький Вітя, Воеводін (своїх «Солдат»), Камінський (дику муру під назвою «Висота»), Гончаренко (якусь «Вальку», вів себе, як півень) і В. Погрібний. Всі отримали непогані пам'ятні книжки. Я, наприклад, — «День поезии 1963 г.» В цілому вечір пройшов не погано. От і все. Був у неділю в філармонії, слухав Вінницького (баритон) Донецької філармонії. Скоро приїде Шукін, але я його не люблю. Був на прем'єрі «Розсудіть нас люди» у наших «кропивчан». непогано. Це дякуючи одній особі, почав ходити в кіно, в театр, в філармонію, а то б сидів дома — вірши писав. Зої я вже писав, що почав вчити англ. Багато хороших задумів, але немає «базису» — мало знань. Боюся, що перші кроки будуть не вірними. А повторювати чужі помилки не охота. Та і взагалі, я ніяк не зрозумію Суть подій. Плутаюся в гіпотезах і аксіомах. Не подумай, що мені бракує рішучості. Я просто боюся виявитись сліпцем, або з поганим зором, що бачить тільки навколишнє. В такому випадку: a man who has bad eyes cannot see well, he wears spectacles. Але де, де знайти необхідні окуляри. Окуляри мудрості, біс візьми. Треба, окрім того, що бачиш навколо, бачити і мету. Підкреслюю: бачити. Ніколи ще не було хвилини, щоб я собі сподобався: неуч, ділетант. Плаваю в усьому потрошку, а воно боляче це. Зараз читаю все підряд і хімію, і фізику, і біологію, і мовознавство. «Хочу познать разумность бытия».

А інколи відчуваєш, що неспроможній мало-мальські розбиратися у всіх галузях, наче руки тобі відрізають. Адже всі галузі такі об'ємні і широченні. Хочеш вірша перепишу:

РУКИ

Мені наснився дивний сон,
немов мої відтяти руки
лежать на білому столі,
пропахлому бинтами й хлороформом...

Мої руки...

На них скипілась чорна кров,
й кричать кістки беззубим криком...

Мої руки!

Не зможу їх звести,
коли побачу небезпеку,
не зможу вдарити нахабу,
що смів образити тебе...

Мої руки!!!

Фаланги синіх пальців
скаскетились в кулак,
вони і мертві не безсилі,
вони готові ще до бою,
хоч не підвладні мозку...

Коректний лікар в окулярах,
як мім із Празького театру,
тлумачить жестами мені,
й беззвучно шевелить вустами...

Ну що ти кажеш, дивний лікар,
невже мене ти заспокоїш?..

Невже це ти мене втішаєш?..

Замовкни! Клоун-эскулап...

Мої зіниці, як гвинтівки,
тебе давно вже розстріляли.

А він, у білому халаті, з червоними руками,
щось вказує мені, і протягнувши свою руку,
вітається зі мною.
Мерзотник! Просто він сміється...
Я задихаюсь від образи!.. Я вдарю!..
Я жахливо вдарю своїм скривавленим оцупком
в м'ясисте, товсте підборіддя.
Ударю прямо в підборіддя страшним
гарматним апперкотом. Ага!..
Він падає у вічність!
...Над білосніжним простирадлом
спурхнула пара рук.
А потім я, здається в ліжку, закурив.

1964 (Підпись)

Чекаю відповіді. Цілую. Твій В. Гребенюк.

Январь-февраль? 1964?

(Фрагмент письма, в котром он распекает нас — «харьковчанок», за то, что мы не прислали ничего ко дню рождения Клуба: а у меня в то время шла первая, беспамятная, суровейшая университетская сессия)

«Пишу багато, Валерій Васильович навіть «молодцем» зволили назвати. Я схилив чуба і кажу так смирененько: «Дякую...». Пишу новели, інколи (під настрій) вірші, але це все руда. До жили ще далеченько.

Танька, як ти дивися на на той хлам, що лежить в книгарнях? Коли я видам збірку і її купуватимуть тільки рідні та знайомі, хіба я одержу задоволення. Не хочеться бути поетом свого «я». Сильно людству необхідні мої признання. Але мене виховували писати про враження, про почуття. Розумію, що це надто мілко, дріб'язково.

Адже слово — це найдосконаліший засіб людського спілкування. А вірш — найдосконале слово. І писати дурниці грішно, нечесно. Я вирішив перекреслити всю свою твор-

чість від початку і до сьогоднішніх днів. Гадаю переходити на прозу, навіть на драматургію. Багато читаю по філософії. Хочу збагнути оту клятву суть всіх явищ. Бач, як розігнався!..

Відіслав кілька новел до літ. журналів «Жовтень», «Вітчизна». Відповіді ще не мав... На звороті «заумні» вірші.

* * *

Поет ховається за своє «Я».
...Я так відчуваю.
Смішний.
Чи варто полювати за враженнями,
щоб не пізнати їх суть?
Пише про кохання,
і навіть не цікавиться,
а потрібні комусь його признання.
Він просто ховається за своє «я»,
Звичне і надійне «я».
Відставляє ногу, випирає груди...
І всі «я» обов'язкове повторення.
...Страшно.

АЙВАЗОВСЬКИЙ

Дика сила застигла
Під пензлем генія.
...А моряки такі розгублені.

* * *

Коли уважно вивчити людину,
Зрозумієш, яка вона досконала.
...Людська думка не здатна створити
штучний мозок, подобу середовища,
де вона народжується.
А чи можна створити штучну троянду?
А чи можна створити штучну...
А чи можна створити...
А чи можна...
А чи...
А...
Коли уважно вивчити людину,
Зрозумієш, яка вона досконала.

КОХАНІЙ

1

Твої брови, як шаблі катів.
І я не подам касаційну скаргу,
Краще смерть. Прекрасна смерть!

2

Подаруй мені троянду.
Подаруй мені сновидіння.
Зірвану троянду не оживити.
Сновидіння тіні безслідні.

ЦІКАВЕ

Я не розумію термін «нескінченність».
Точніше, я не хочу його розуміти.
Нескінченність...
А там що?

АНАЛОГІЯ

Свої думки ми розганяємо в циклотроні мозку.
Бомбардуємо книги.
Одні руйнуються, інші дають нову речовину.

ЯКИЙ НАШ ВІК

Точна думка сягає глибин Всесвіту.
...А на Землі котиться колесо
і Праця існує, як предмет торгівлі.
Людя́м ніколи зайнятись Землею.
Можливо, це і є Золотий вік.

ЗВИЧНЕ

Людина крутиться на орбітах звичок.
Звичний день.
Звична ніч.
Звичне обличчя.
В решті-решт вона зривається
зі звичної орбіти і звично іде
в небуття.
А інші крутяться на орбітах звичок.
Крутяться... Крутяться...

Мы с подружкой Зоей Кондратовой учились в Харькове в разных Вузах, но общежитий не было, и мы в этом году снимали угол у одной хозяйки, поэтому и письмо от Вадима на двоих:

(Январь 1965?)

(Сохранены авторская орфография и пунктуация)

«...По-перше, вибач. Давно збирався тобі писати, навіть лист невідправлений лежить. Чому не відправив, навіть сам не знаю. Бачу частенько (раз у пів місяця) Лілю. Питаю за тебе. Каже добре. То я й не хвилююся. Ти не пропадеш. Тебе люди люблять, мабуть «у сорочці народилася».

Танюшко! Ти знаєш, навіть не знаю що писати. Ти ж будеш в Кіровограді? Я зайду до вас. Розцілюю і Зою і тебе. Йй-богу розцілюю. І наговоримось! Бо я, відверто кажучи, не люблю писати. Є дуже багато новин. І в мене, і в Валерки. Моя «післяканевська» апатія скінчилась, і я майже такий, як був раніше. Кажуть, що я раніше був непоганий хлопець. Хоч сам себе похваляю.

Гурток пожвавішав. Багато новеньких. Думаємо виходить в світ через «Прапор юності». Ведемо щоденник, так що за всі заняття в дуже гумористичному тоні, і ти, і Зоя прочитаєте. Веде Насонова. Молодець, Галка! Останнім часом хороші штуки пише. І моя «дружина» Лідочка молодець. Та зараз взагалі у багатьох творче піднесення...

Милі мої, а ви Різдвєнського читали? «Письмо в ХХХ век». Сила, правда.

Недай боже не читали — «Юность», № 10. Частини 7 і 9 геніальні. Блохи є у інших, а в цілому фундаментально! Вічне, як і «Реквієм». № 10 «Дніпра» дав Валерку. На першій сторінці. Порадійте разом з нами... Танюшо, чекаю, коли стріну і тебе, і Заю. Дуже хочу з вами порозмовлять. Думаю, чи слать вірші, чи ні. Мабуть ні. Я вам у святки почитаю, і понаписую може ще щось нове. Гаразд?

Ой лишенько! Забув сказати, що я нині у відпустці. Гуляю, пишу вірші, читаю різне «чтиво», аки тигр алчущий.

Мабуть поганенько вам, дівчатка, у Хрякові, раз в Кіровоград тягне. Патріотки! Жму лапочки. Космодем'янські! Ще раз жму лапочки.

Пожартували, досить.

Танюшко! Чекаю вас в Кіровограді. Зайдемо обов'язково. От тоді «набалакаємось». А розмовляти я думаю є про що. Щєб пак, скільки не бачились!

Жму твою грамотну руку, цілую в носик, а Зойку спочатку в окуляри, а потім у носик.

Ваш Вадим (Підпис)

02.04.1965.

(Фрагмент письма, написанного после дня рождения Вадима)

Таня, салют!

Да, я поросёнок. Получил от тебя два письма, а не ответил.

Сегодня кошмарно болит голова и ломит поясницу. Головушка болит после употребления горячительных напитков, а поясницу крутит радикулит (я уже успел его поймать).

На работе оказалось несколько свободных минут, и я решил правильно их использовать. Всё это было бы очень смешно, если бы не было так грустно. Почерк скверный потому, что руки очень озябли, а пока они отогреются, ждать не охота. Итак, на чём мы остановились?

Про стихи ты зря. Кому они нужны, и кто это оценит. Из меня в будущем может выйти сквернейший журналист, но ни в коем случае не поэт. Как это не смешно, но это правда.

Много новых товарищей, и все замечательные... Хочется выкинуть какой-то фортель, но это произойдёт позже.

Да, чуть было не влюбился (но во время взял себя за шиворот и поставил к стенке). Всё собираюсь начать готовить-

ся для поступления в ВУЗ, но всё в руках всевышнего, может и в этом году фортуна мне криво ухмыльнётся.

Вот и все мои новости.

Работаю. Родина меня не забудет (всё-таки наш труд ей нужен).

Вчера капитально повеселились, сегодня разговариваю шёпотом и хлещу воду. До «поросычьего визга» я, конечно, не нарезался. Я умею руководить своими чувствами и координировать действия согласно намеченному плану...

У меня много хороших ребят стают друзьями. Надоедает один наглец из Помощной. Приезжает и по два часа мучит стихами, я всё собираюсь его выгнать, но не соберусь с духом.

Таня, девочка, пиши. Мне интересно читать твои письма (комплимент). Стал прозелитом импрессионистов. Нравятся....

Дома бываю редко, мать ругается. Пиши. Вадька.

P.S. Адрес:

Кировоград, п/я 40, ГРП № 37, топоотряд,
Гребенюку В.В.)

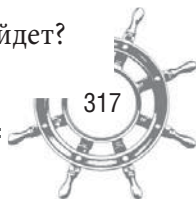
6 января 1966 года

*(Письмо написано на служебной бумаге:
Кировоградский областной суд)*

Уважаемые леди, так как другой бумаги под моей рукой не оказалось, то пишу вам на сем исполнительном листе. Возможно при виде слов «Кировоградский» на вас повеет чем-то родным и тёплым.

Несколько вопросов на засыпку:

1. Не повыходили ли вы, мерзавки, замуж?
2. Как влачите своё студенческое житьё-бытьё?
3. Куда поступила Таня Березняк, и что из неё выйдет?

4. Почему Белозерская так безбожно врала, что будет писать и не пишет?

Лёд тронулся, уважаемые грации! У нас сплошная весна, чувствую, что дело дойдёт до соловьёв. Как поётся в старинной русской песне: «А за окном, то дождь, то снег...» и прочая мерзость.

Информирую: Кажется поступил на Общенаучный факультет, на литературное отделение. Учусь. Вечером. Каждый день. Уже сдал три экзамена и один зачёт.

Экзамены: литературоведение — хор.; устное народное творчество (то бишь фольклор) — отл.; античная лит-ра — отл. (в рамочке: пол-литра — тоже отл. (завязал, не пью))

От зачёта по истории КПСС — освободили! (говорят политически выпевший фрукт).

ГРП № 37 — бросил. Порыдал у друзей на груди и бросил.

В настоящее время появился на Кировоградском горизонте мелкой звёздочкой. Работаю в газете «Зоря комунизма» литературным сотрудником в отделе писем и пропаганды. Свечу, мои дорогие, свечу!

В скором будущем у нас будет работать корректором Алла Параконьева. Завербовал.

«Бригантина» плывёт! Ветер в снастях, а мы плывём. «Прапор юности» дал подборку наших стихов. Среди них и Березнячкино «Молодо-зелено». Вышлю. Потом! Клянусь! На конкурсе молодых поэтов Кировоградщины взял вторую премию: несколько увесистых книг. Ещё не читал. Появились новенькие. Ещё желторотые, но уже чирикают.

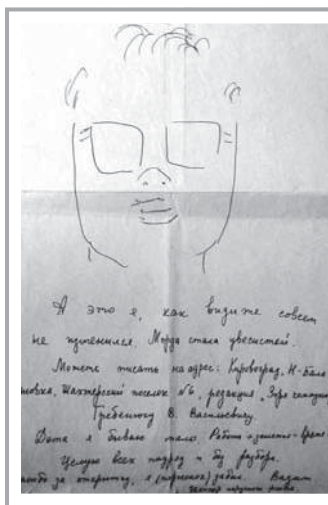
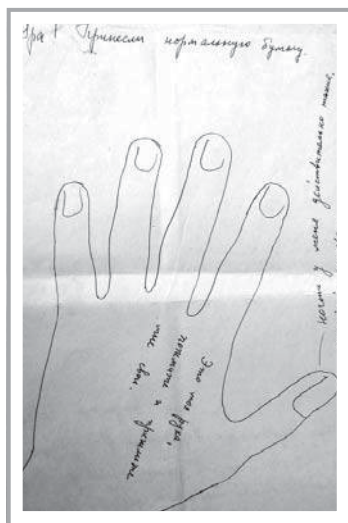
Вроде всё.

Напишите мне, напишу больше, а пока всё.

Могу пару стихов послать вам (прилагаются: «Стихи о Вале», «Двадцать строчек про Генку», «На баркасах...»).

Достаточно? Будя!..

Станюше!

Нет светлее
уз, чем узы
товарищеская!

Это не Тогола,
это Гребенюк.

3/II - 1966 год

2. Куровская

Кроме писем и стихов Валерия Гончаренко и Вадима Гребенюка, когда-то давно собравших нас в Клуб увлечённых поэзией, мне захотелось включить ещё одно письмо из Кировограда, которое я получила в Харькове в 1965 году от Тани Березняк. Теперь она автор поэтических сборников и хорошо известна в городе. А тогда я знала её, как активную участницу занятий нашего клуба, школьницу выпускного 11 класса. Её размышления о выборе места предстоящей учёбы, её искания себя, её хорошая осведомлённость и ответственность за решение, которое предстояло принять в выборе профессии, отчасти перекликаются с исканиями и сомнениями Вадима Гребенюка.

ФРАГМЕНТ ПИСЬМА

Татьяны Березняк Татьяне Белозерской в г. Харьков

29.03.1965.

«Здравствуй, Танечка!

...Досадно, но ни как не решу куда же мне поступать?!

Даже направления не найду: физика или лирика? Лирика — это журналистика... Против «лирики» многие, в том числе и я, выдвигают такой аргумент: мол, лирик не может быть физиком, т.е. знать точные науки, а вот физик всегда может понимать и глубоко знать искусство, сам может заниматься им (hobby) и т.д. Конечно, правильно. Но я нашла здесь ошибку. Ведь мой «лирик», журналист — это не тот, кто увлекается литературой и сам пописывает стишки...

«Ты решаешь задачи, я решаю людей» — вот мой довод в пользу журналистики. «Решать» людей, помогать им, работать на них, используя всю силу нашей прессы.

«Я быть волшебником хочу,
Чтоб было всем светло».

Может быть, в этом вся я? Наверное, смогла бы. Но думать уже некогда, и я от неё отреклась... А может, я отреклась от себя?

Значит, физика? Лариса (Кинзерская — Т.Б.) говорит: «Я в тебе физика не вижу, ты лирик до костей мозга» Неудивительно, ведь от своей возлюбленной астрономии я отказалась ещё в 7 классе и 4 года ничего не знала, кроме музыки, поэзии и живописи. И знания «физики» у меня нет. Конечно, есть школьные пятёрочки, конечно, читаю «Неизбежность странного мира» и т.п. (ведь живу в XX веке!), но всё это на уровне ликбеза. Ведь все эти математические формулы, физические явления не стали моей стихией, моими убеждениями, так, чтобы я проснулась ночью и ответила, как таблицу умножения, массу электрона и т.п. Чуждые мне вещи. Ну, ладно, допустим, я полностью перестроилась, чудесно выучила элементарную физику, математику и т.п. Но куда поступать? Ведь физика — это только как научное направление. А какая специальность?

Астрофизика (мечта детства)? Биофизика (передний край науки)? Бионика, кибернетика?..

Ты понимаешь, я просто не представляю своей работы в физике (в отличие от журналистики). Учиться на физическом, конечно, интереснее, чем на филологическом, но работать? Работу в каком-нибудь научно-исследовательском (НИИ) не представляю. Ведь почему я отказалась от своей астрономии? Ведь я жила ею, честолюбиво мечтала даже о своей космогонической теории (ха-ха-ха!) и т.д. Но я представила работу: скучнейшие вычисления (небесная механика), смотреть часами на одно и то же место неба или изучать фотографии, не смотря на звёзды. Увлекательно читать популярные очерки о загадках вселенной, а перенесу ли я будни науки? Может, это не для моего темперамента? Но, к тому же, точно знаю, что у меня есть все данные для на-

учной работы (где-то читала, что нужно для учёного). Нет, а моя предельная рассеянность? Недостаток.

Ну, хватит.

Профессию буду искать в научно-технических журналах и в справочниках для поступающих. Может, биологический (влияние «Лезвия бритвы»)?

А ты мне напиши своё понимание физики, своей будущей работы, кем на твой взгляд, я должна быть, стоит ли себя отпугивать буднями науки и т.п.?

...Пиши скорей. Отвечай!..»

Письма — один из самых тонких инструментов познания человека. Я привела фрагмент этого письма, чтобы сохранить что-то очень важное в облике молодых людей моего поколения. Такими мы были, этим жили, так дружили, и так хотели найти своё место в жизни.

Валерий Каргузов

ВСПОМИНАЯ «БРИГАНТИНУ»

Оставим другим прекрасное весомое слово «поэт». К себе никогда его даже не примерял. Как стихотворец родился в полуподвале на улице Карла Маркса города Кировограда. В этом полуподвале нового дома в нашем старом дворе, где я родился просто как человек (роддом был на другой стороне нашего двора) открылась библиотека, активным читателем которой и стал ученик восьмого (или девятого) класса (сейчас уже не помню точно). И вот однажды, когда в лабиринтах книжных стеллажей отбирал очередную порцию духовной пищи, на площадке «читального зала», т.е. за столом весьма внушительных размеров происходило что-то необычное. Сначала зазвучал полупесенный голос из проигрывателя (позже узнал что это был звуковой журнал «Кругозор»), а затем живые голоса, читающие стихи и их обсуждающие. Мне было интересно и Инна Николаевна (или Викторевна) (если правильно помню имя, отчество зама зав. библиотеки, а саму заведующую звали, по-моему, Майя Александровна) пригласила меня за стол. Первые два вечера молчал, следующие два участвовал в обсуждениях, а затем взял и написал стихи, и прочитал. Человеком я был весьма решительным, а посему как-то влился в этот коллектив. Сейчас трудно вспомнить первые стихи, но они почему-то сразу попали в альбом «Бригантины» (так назывался альбом, в который Майя Александровна записывала рукописно те стихи текущего собрания, которые вроде бы получали положительную оценку у основной массы присутствующих, а выступали в обсуждениях практически все). Свои стихи я сдавал ей, не оставляя себе копий, и помню лишь самое первое:

ТЕБЕ

Солнца тёплыми лучами
Я пишу по небосводу.
Тучки ровными рядами
Строю, выжав из них воду.
Небо стало тёмным-тёмным
В небе грянула гроза...
Но меня не испугаешь,
Я смотрел в твои глаза,
А они сказали «Да».

Правда, помню и второе, навеянное первыми двумя строчками, которые неясно откуда попали в мою голову:

Это было совсем недавно,
Это было давным-давно...
Почему-то сердитая мама
Выгоняла меня в кино.
Я ушёл, хлопнув дверью сердито.
Я пошёл по аллеям пустым,
А дырявое небо — корыто
Погребало под снегом цветы...
Ты стояла Снегурочкой нежной,
Ты была как Богиня ветров.
Это был наш с тобой первый Праздник
Да? Девчонка мальчишечьих снов?

Потом пошли стихи, которые были вроде и стихи, и не стихи. Не помню, кто точно (по-моему Вадим Гребенюк) сказал: «Ребята, а ведь он пишет верлибром». К моему стыду, я не знал, что это такое (да и многие в комнате тоже). Тогда верлибром писал лишь какой-то известный болгарский поэт, и Анатолий Шендрик нашёл и принес его стихи через какое-то время.

Я был потрясён (как и многие из присутствующих) совпадениями стиля и образов, но, честное слово, никогда до этого стихов этих не видел и не слышал. Ещё раз повторю, что никогда не работал над стихами (а именно это делает стихотворца поэтом) и не так давно записал следующие строки:

Я не пишу стихи — я их записываю.
Они приходят сами, как и те, кто дорог мне...
Кому не нужен я, а нужна радость общения,
Кто ищет истину, понимая, что всё это сон.
Я не пишу стихи, я их записываю...

И вообще, тогда стихи носились в воздухе, и были даже казусы. Однажды Вадим (слегка *napідпитку*) прочитал стихи:

Я верю, я верю в риск...
В щемящую радость риска,
Как верит в летящий диск
На играх метатель диска.*

Это было очень здорово, но где-то через пару недель в альманахе «День поэзии» я наткнулся на эти стихи. Вадим не смог этого объяснить, но у меня даже мысли не было о плагиате, — просто это как-то получилось. Мы часто обсуждали какие-то удачные строчки в прочитанном или озвучивали мысли, которые потом становились «телом» чужих стихов. До сих пор считаю себя соавтором стихов Александра Ивакина «Мы», ибо первая и последняя строки их (по-моему) были высказаны мною в процессе спора по другим текстам. Приведу эти строчки:

«Мы это мы, и нас Вы не исправите...»

«И нам всегда чего-то не хватает в той жизни, где всего должно хватать».

* Марк Лиснянский. Дискбол.

Саша написал стихи:

Мы — это мы. И Вы нас не исправите.
И нам плевать, что думают о нас.
Мы в жизни исключаемся из правил,
Пытаясь эти правила познать.
Порой стихи читаем в тесной комнате,
И женщины бумажные со стен
Глядят на нас, и стеклами оконными
Позванивает уходящий день...
На их губах молчит упрёк бессильный.
Мы вспоминаем на какой-то миг,
Что нас чужие женщины любили,
И временами мы любили их.
Да. Нас любили — но не понимали.
И, с нами сотни раз перегорев,
Шли далее, плечами пожимая
И стряхивая пепел с сигарет.
Нас так любили... Правду говорили...
Мы верили... без слова... без руки...
Мы верили... А женщины шутили
И замуж выходили за других.
Но все равно. Пускай она пустая —
У нас судьба — пока живём и так.
Ведь нам всегда чего-то не хватает
В той жизни, где всего должно хватать.

Это замечательные стихи, которые отражали нас в то время. Много позже я написал стихи про наш 10-й первый класс — отобранный класс математиков-программистов по очень грустному поводу — смерти одного из моих друзей — про Саню Ковнира.

I

Мы были юны и резки,
Пили и пели от тоски.
Мы были разны, но близки,
Срывая маски и мазки.

Мы были крепки в убежденьях
И вышли в жизнь,
Но встретили лишь наважденья,
И мы спились...

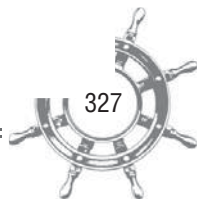
Жили с надрывом, на пределе,
Но шли вперёд.
И всё ряды наши редели
Из года в год.

И вот рассвет воскресный ранний,
Обычный столь...
Ушёл из жизни друг мой Саня.
Осталась боль...

II

Я стою на кладбище
У могилы твоей.
В уши ветер мне свищет:
«Ты теряешь друзей!»

В уши ветер мне свищет:
— Почему ты один?
«Боли пропасть без днища —
Вечен твой карантин».

III

Пусть без листьев деревья,
Пусть под снегом трава,
Все равно свято верю —
Юность всё же права:

Будет мир этот светел,
Даже если без нас,
Будут счастливы Дети,
что пойдут в Первый класс!

Будут счастливы Дети,
что душою чисты,
В них, без боли поверим,
будем жить я и ты!...

И в генах этих чистых душ
Своим законам верный,
Надеюсь, вечно будет жить
Девятый Первый,
Десятый Первый!...

Фразы же встречались действительно как поэтические строки (и, по-моему, у Саши Ивакина, Юры Каминского, Вадима Гребенюка почаще, чем у остальных). До сих пор у меня в голове звучит:

— Куда же дороги ведет борозда?
— А эта дорога ведёт в никуда!

(А. Ивакин)

У подъезда вчера девчушка
Тётей меня назвала...

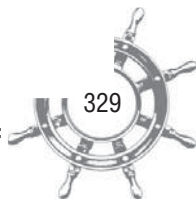
(Л. Сараскина)

Мои опыты в стихосложении имели достаточно большой перерыв, так как появились стихи Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Городецкого, Кукина, Клячкина, которые гораздо лучше говорили о том, о чём думали мы и о чём мы могли бы написать.

Гимном нашего класса (в упомянутом 10-1 СШ №34 г. Кировограда) была песня «Атланты». Нам очень хотелось, чтобы эти слова «Атланты держат небо на каменных руках» были немного и о нас, но это было больше о них, о тех, кто писал эти замечательные стихи. Они были более продвинутыми на этом пути, а мы делали свое дело — были физиками, врачами, отцами, детьми и т.д.

Иногда писал стихи, и я не стыжусь уровня этих стихов, когда читаю те, что сейчас в ходу (и в книгах). Стихи эти были как просто так, так и по случаю. Если что-то из них подойдёт для славной «Бригантины», — буду рад как «юный флибустьер» (когда-то был одним из самых юных).

Анатолій Саржевський

«Я СПОМИН ЗА ТРАМПЛІН ВІЗЬМУ...»

Ці поетичні рядки Максима Рильського пригадалися мені під час підготовки до друку спогаду про літстудійця «Бригантини» та мого колишнього шкільного й інститутського товариша Олександра Швеця. Разом з ним мріяли у ті далекі роки про визнання, яке властиве зазвичай молодим людям, що не встигли розтратити свої мрії і думки, будують плани на майбутнє, вірять у свою щасливу зірку.

До першого класу тодішньої кіровоградської школи № 27 ми вступили 1958 року, не підозрюючи про існування один одного, хоча й вирости на робітничій околиці міста Миколаївці. Звісно, з часом познайомилися ближче і подружилися на багато років. До того ж навчалися на одній паралелі через стінку, тож бачилися й спілкувалися щодня (вже не веду мову про канікули).

Тривалий час мене вважали в школі єдиним поетом, бо ж перший вірш під назвою «Обеліск» був надрукований в республіканській газеті «Юный ленинец» ще у 1966 році, коли вже відвідував заняття в літературній студії «Бригантина» при міській бібліотеці імені Т. Шевченка, став переможцем поетичного конкурсу «Край родной» і був запрошений редакцією газети в числі його переможців до одеського піонертабору «Молодая гвардия» для участі у зльоті юних авторів. А до того ж виступав з власними поезіями перед школярами та на концертах художньої самодіяльності, які готував з нами вчитель музики і вже на той час відомий в Кіровограді прозаїк Федір Іванович Непоменко, який кілька років тому пішов за межу. Переважно писав на військову тематику, за що мене незлобиво картав Володимир Базилевський, бо писати, за його словами, треба лише про те, що добре знаєш, на що я відповідав, що пишу під враженням почутого від батька-жур-

наліста, який був на війні з її початку до зустрічі Перемоги у «златій Празі», про яку писав в романі «Прапорonoсці» Олесь Гончар — його сокурсник у Харківському газетному технікумі ім. М. Островського.

Сашко Швець, який у старших класах заявив про себе, як поет-початківець, у своїх ранніх поезіях оспівував рідну природу, картинку з життя. Вони легко читалися й запам'ятовувалися, вже на той час відзначалися невичерпними асоціативними порівняннями й аналогіями у русі художніх пошуків. Десь у 8 класі його почала трясти пропасниця творчості, до якої його спонукала вчителька російської мови і літературі Валентина Кузьмівна Сорокіна, яка й мені разом із директором 27-ї школи Євгенією Михайлівною Чабаненко багато допомогла свого часу у самовизначенні. Пам'ятаю, як вона на шкільній лінійці поздоровила нас, поетів-початківців, з тим, що наші вірші були надруковані в молодіжній пресі (Сашка — в «Пионерской правде», мої — в республіканській газеті «Юный ленинец» та обласній газеті «Молодий комунар».

Ще одне: у Сашкові мене приваблювали його лірична і вразлива душа, добросердечність, лагідність, доброзичлива вдача. Під час навчання в 9 класі мені було доручено очолити редколегію газети «За честь школи», до якої я завжди розміщував у рубриці «Наша творчість» Сашкові поезії, у яких він утверджував себе на художньому Олімпі. Сашко був красень і любив гарних та красивих людей і свій літературний хист.

Пригадую, як разом з ним брав участь в обласному 2-денному семінарі творчої учнівської молоді з нагоди 100-річчя від народження В.І. Леніна у 1970 році (на той час вже студентами-філологами КДПІ імені О.С. Пушкіна). Головував на ньому відомий журналіст і поет Валерій Юр'єв. Окрім нас,

в роботі семінару, який відкрив секретар обкому комсомолу Микола Гайдамака, взяли участь літстудійці педінституту: Людмила Юденкова, Нуржан Танібергенов, Болат Ембергенов, тодішній школяр з Олександрії Олег Попов — нині відомий у нашому степовому краї поет-пісняр. На засіданнях секції «Поезія» ми читали свої вірші, які аналізували відомі у Кіровограді поети: Георгій Шевченко, Валерій Юр'єв та Валерій Гончаренко, який, зокрема, дав високу оцінку творчому ужинку Сашка Швеця. Я ще пригадую спільні з ним виступи перед учнями міських шкіл, участь у Днях поезії на Кіровоградщині, концертах художньої самодіяльності під час роботи на збиранні сільськогосподарських культур за участю студентів педінституту на першому та другому курсах філологічного факультету.

Тривалий час Сашко писав російською мовою, тому ілюструвати особливості його художнього стилю і мови в перекладі важко. Врешті, у цьому й потреби немає. Валентина Кузьмівна Сорокіна неодноразово зазначала спорідненість його поезії з творчістю Сергія Єсеніна, бо ж і школяреві так само були близькими «зеленокосая» есенінська берізка, і старий клен, інші картинки природи. Готуючи матеріал про Сашка до цієї збірки, зателефонував до Києва його однокласниці Валі Розказовій — колишньому заступнику директора Кіровоградського колегіуму статистики Національної академії статистики та аудиту, яка по пам'яті прочитала одну з його поезій «Берёзка»:

Бежит берёзка
В лес по дорожке,
Дрожит росинка
На белой ножке.

— Скажи, берёзка,
Кого стыдишься? —

Вдогонку шепчут
Ветвями вишни.

— Кого стыдишся? —
Ей дрозд защёлкал.
— Зачем ты прячешь
Глаза под чёлкой?

Остановилась —
Устали ножки,
Да и осталась
Так — у дорожки.

А ось інша Сашкова однокласниця Наташа Пажина (Кірюшкіна) висловила жаль з того, що у Сашкові помічали лише посередні знання зі шкільних предметів, який був розкиданий у навчанні, але писав і втілював у поетичні твори лише незначну частину, що придумувалась в його голові. Вже разом пригадали під час розмови про Сашка вірш, присвячений його однокласниці Ірині Окішевій («Иринка-смешинка»):

У маленькой Иринки
Живут в глазах смешинки.

Совсем ей, может, не смешно —
Горят смешинки всё равно.

Смешинки, как искринки,
Из-под ресниц Иринки.

Цветы в саду она рвала,
Занозу в пальчик загнала,

Но, вместо слёз, смешинки
Блестят в глазах Иринки.

А ще пригадую, як одного дня, ще в шкільному віці, ми удвох склали за моїм початком вірш «о війне», кожний дру-гий рядок якого був ним написаний і який хочу сьогодні процитувати:

Я в землянках не спал
И в окопах не мёрз.
Жадно сок не глотал
С ран дрожащих берёз.
Мои руки не жгла
Автоматная сталь,
К сердцу смерть не несла
Вороненая грань.
Я не падал на снег,
Обессилев в бою;
Я не видел горящую
Землю свою.
Не просил на себя,
Как другие, огня,
Только мне, как и всем,
Ненавистна война.

Авторство цієї спільної поезії Сашко залишив за мною, яка і була надрукована в республіканській газеті «Юний ленинець» (до речі, за гонорар в три карбованці ми щедро пригостилися морозивом). З того дня ми ще більше потоваришували і разом ходили і на засідання «Бригантини», і в педінститут, де навчалися в одній групі на українському відділенні філологічного факультету.

Сашко був достеменно «пташкою небесною», яка не дбає про завтрашній день. Як і улюблений ним поет Майкл Йогансен, був він людиною неорганізованої вдачі, мав безалаберну натуру і так само, як і він, рано пішов від нас, у 49 років, у

розквіті сил. У розмові спалахував миттю і так само миттю відходив. Постійно друкував свої поетичні твори в рубриці «Джерело» інститутської газети «Радянський студент».

60-70-ті роки минулого століття були роками розквіту літературної богеми на Кіровоградщині, до якої пристав і Сашко — легкий на підйом, із геть не приспаним почуттям гумору. Вже пізніше відбулася його творча зустріч з кіровоградськими літераторами: Дмитром Танським, Віктором Ганоцьким і Віктором Погрібним, а найбільш подружився зі старшим за себе роками поетом Леонідом Народовим, трагічку смерть якого весною 1993 року дуже тяжко переживав, а ще — з Миколою Пироженком та Борисом Чамлаєм. У моєму домашньому архіві зберігається журнал обласного літоб'єднання «Степ», редагований Віктором Погрібним, за 1995 рік, де надруковано спогад Олександра Швеця про Леоніда, якого він вважав «справжнім товаришем».

«Свого часу життя розкидало нас по різних містах України, — згадував Сашко. — І я був вражений тим, що отримав від Леоніда листа — знайшов мою адресу! Я зразу ж відповів йому такими рядками:

Одержав лист — і смуток мій розбито.
Я знову друга щирого знайшов.
Думки крилаті на стрімкі орбіти,
Мов чисті зорі, піднялися знов.
У дружбі нам підтакувать не треба,
Бо справжня дружба хитрощів не зна.
На жаль, бува, що в синій простір неба
Крізь доброту проб'ється промінь зла.
Та все ж знайшли ми, друже, сили,
Щоб зле зневір'я вирвати з грудей...
І вірю я: настане час щасливий —
І Прометей прийдуть до людей.

Якось Сашко при черговій нашій зустрічі показав подарований йому Народовим автограф вірша «Суперечка з журавлями», який продекламував напам'ять. Тоді я порадив йому передати поезію голові обласного літоб'єднання «Степ» Віктору Олексійовичу Погрібному, членом якого став у 1968 році з «подачі» місцевих письменників Олександра Моторного та Миколи Смоленчука. Сашко так і зробив, а пізніше у 1995 році в своїй публікації про життєпис нашого земляка в журналі Віктор Погрібний згадав про нього як «справжнього товариша», що заніс до «Степу» справді хвилюючі рядки:

Що потрібно людині, як дереву корінь?
Що потрібно людині, мов пташине крило,
Від появи у світі до самого скону?
Їй потрібно тепло...
Їй потрібно тепло...

Пам'ятаю, Сашкові ці рядки мені подобалися, бо ж вивчив їх напам'ять.

А зовсім недавно його молодший брат, рідний по матері, Станіслав заніс до мене на роботу якийсь буклет, на якому рукою Народового були написані його віршовані рядки, який зберігає й донині у пам'ять про Сашка. Вони датовані червнем 1973 року:

Люблю братів по духу.
Брати, любіть мене.
.....
Я хочу, щоб сміялася душа.
І з серця сонцем скапували сльози.

Я дивувався Сашкової дружбі з Леонідом Народовим, старшим від нього на цілих 12 років, а потім збагнув, що обоє вони зі своїми щирими поезіями шли до людей, до читачів. На жаль, бажаючи незалежності й волі, вони хмеліли не лише

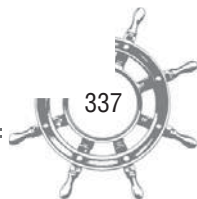
від написаних віршованих рядків. Останніми роками життя Сашко все частіше «зривався», і бачилися ми з ним не так часто, як того хотілося. Неодноразово намагався усвістити його, бо ж мав дружину, двох синів, які потребували лагідного батьківського слова; проте він здебільшого перебивав мене: «Краще давай я тобі щось прочитаю з написаного. А ще давай згадаємо школу, вчителів, своїх однокурсників».

Згадуючи наше шкільне дитинство, у якому була літстудія «Бригантина» з її «капітанами» Валерієм Гончаренком та Олександром Івакіним, спільні студентські роки в педінституті, у якому Сашко навчався два роки, а потім подався до Києва, зупиняю себе на думці, що в його особі література втратила самобутнього й талановитого поета, про творчість якого відгукнулася свого часу при зустрічі з ним відома українська поетеса Ганна Чубач, зокрема про Сашкові дитячі вірші.

І останнє. Це так несправедливо й образливо, коли від нас йде людина в той час, коли в ній ще не згас допитливий інтерес до життя. Однак, пам'ять про Сашка Швеця, оповита сумом, залишається зі мною дотепер. Поки й сам живу.

Насамкінець пропоную читачам цієї збірки улюблений вірш — «Уклін Україні», яким Сашко чи не завжди починав свої виступи перед любителями поезії, у якому простежуються його справжні почуття патріота рідної землі:

Україно, мій краю рідний,
На просторах твоїх я зріс.
І довіри твоєї гідний
Свій уклін я тобі приніс.
У щедротах твоїх купався,
Пив наснагу з твоїх долонь.
Ароматом степів упивався,
Теплі руки тулив до скронь.

Анатолій Саржевський

З ЮВІЛЕЄМ, ДРУЖЕ!

*«Якщо ми перестанемо бути оптимістами,
ми знищимо самих себе»*

Володимир Бондаренко

Ця думка мого колишнього інститутського товариша та колеги по перу, який святкує 65-ий день народження, згадується й допоки.

Заплющую очі, щоб згадати його таким, як знав, як бачив на заняттях літературної студії «Бригантина» при міській юнацькій бібліотеці імені Т.Г. Шевченка, а пізніш — літ-студії «Сівач» під орудою незабутнього Валерія Гончаренка. І — дивна річ — дороге обличчя постає переді мною та ще з написаного портрета його батьком — кіровоградським художником, ветераном Другої світової війни.

Художнє слово виразно віддзеркалює сучасність, відбиває ритм часу, випромінює довірливість душі. І мовна палітра нашого земляка дуже багата. Він уміє знайти нові грані, максимальний естетичний заряд із звичайних слів, які давно були уже чиймись. І сьогодні з тихою журбою та вдячним словом за надану йому підтримку згадує літературного наставника та старшого товариша Валерія Гончаренка з його жагою громадянськості — рушійною і визначальною силою поезії, що поєднує правічну відповідальність за долю і щастя свого народу з унікально особистісним відчуттям свого «я». Тому не випадково, наслідуючи свого «хрещеного», наш земляк ще з шкільного дитинства почав звертатися до теми Батьківщини, синівства. Його вірші 60–70-х років оптимістичні, сповнені віри в добро як животворну силу життя:

Вчився я в неписьменних грамоті.
Бачить землю скрізь скельце колосу.
І Вітчизну, неначе маму,
З пелюшок пізнавав по голосу.

Читаю його поезії, частина яких начебто не визначається різноманітною тональністю, звучить в одному настроєвому ключі, та досить зануритися у віршовані рядки, як одразу відчуєш широку гаму його настроїв, переживань, радості та туги, вболівання за навколишній світ.

Джерело гаряче, аж кипить вода.
В джерелі вирує сила молода.
Та нема у ньому завзяття й відваги —
З джерела гарячого не вгамуєш спраги.

Для Володі Батьківщина — місце, де він народився. Аура, в якій він існує і яка йому не чужа. Це той світ, у творенні якого брав участь ще учнем дев'ятого класу. Його перший вірш з «подачі» Валерія Гончаренка, який дописав до нього два останні рядки, до яких не додумався автор поезії, побачив світ у жовтні 1968 року на шпальтах обласної молодіжної газети «Молодий комунар» з назвою «Червоний лебідь». А вже наступного року його вірші на чотири роки «заселили» сторінки багатотиражки «Радянський студент» Кіровоградського педінституту імені О.С. Пушкіна, які благословив до друку її редактор Володимир Романцевич-жител ь обласного центру. Він завжди із вдячністю згадує інститутського викладача, науковця і письменника Микола Кузьмовича Смоленчука, з яким, разом із студентами-філологами, серед яких був і автор цих рядків, відвідав хутір Надію під час проведення на його території Тижня української мови та літератури на Кіровоградщині далекого 1970 року.

— Мене приваблювала в поезії Володі свіжість почуттів, юнацька безтурботність, експресивність і темперамент — немов на долоні, — згадує Володимир Костянтинович у розмові. — Писав швидко і легко. Він шукав і знаходив у поетичних образах стільки бентежності, нерозгаданої принадлиності, що завоював чи не найбільше симпатій серед студентської молоді. Автор інтимної лірики, він міг озватися раптом віршами суспільного звучання, які давали змогу показати в поетичній формі своє обличчя всупереч усім обставинам і життєвим бурям.

Про свого колишнього однокурсника — десь розхристаного в навчанні, бо ж у пошуках творчого натхнення міг за просто й пару-дві пропустити, веселої та непосидючої вдачі, ніжного мрійника і вірного товариша теплим словом згадали Оля Заніздра — педагог із Донбасу та Катя Лісняк, його однокурсниця, завідувач Кіровоградським міським літературно-меморіальним музеєм імені І.К. Карпенка-Карого та Тетяна Березняк, його подруга в Інтернеті, укладач альманаху «Бригантини».

До нашої розмови приєднався і заслужений журналіст України, колишній редактор стінгазети «Філолог», пізніш — головний редактор обласної газети «Кіровоградська правда» Володимир Белінський: «Очолювана мною редколегія стіннівки як орган партійної, комсомольської та профспілкової організацій філологічного факультету, ставила завданням найповніше пропагувати все нове, хороше, що зароджувалося в групах і засуджувати старе, віджиле, що заважало навчанню студентів. Багато працювали над тим, щоб художнє оформлення стінгазети приваблювало око читача. Буває так, що матеріали підібрані для випуску гарні, відповідають темі, а розміщені без смаку, хаотично. Від цього знижується загальний тон газети і її звучання. Художник газети Володя

Бондаренко доклав чимало зусиль для того, щоб стінгазета «Філолог» оригінально відрізнялася від стіннівок інших факультетів. Тому ми завжди посідали перше місце за результатами щорічних оглядів-конкурсів на кращу стінну газету інституту». А до того ж Бондаренко був великим прихильником театру, грав на сцені педінституту, зокрема, в спектаклі Дмитра Аверкієва «Каширская старина» в квітні 1971 року, на який автор цих рядків готував до друку рецензію, де згадувався і другокурсник Володимир Бондаренко, який одночасно з виходом на сцену відповідав за художнє оформлення театральної вистави. Скажу більше. Любов

На фото: у першому ряду (зліва направо): Володя Бондаренко, академік, доктор філології Леонід Новиченко, Анатолій Недяк, Василь Гавенко (колишній викладач ВПУ №4 м. Кіровоград).

Другий ряд: викладач Микола Кузьмович Смоленчук, Людмила Пилипенко, Валентина Буриленко, Анатолій Саржевський, український драматург Олександр Корнійчук, викладач Галина Іванівна Олійниченко, онук І.К. Карпенка-Карого Андрій Юрійович Тобілевич. Хутір Надія, 1970 рік

до малювання, яку успадкував від батька, простежується і в образній палітрі його поезії, де йдеться, зокрема, про дітей, які малюють казку. У ній «заплакало небо хмарами, літають рожеві птаці із очима блакитно-карими, сонця, мов маленькі краплинки з неба, падають світлозливою, а фіолетова по-стать церкви куполами хитає сивими».

Володя Бондаренко — автор збірки поезій «Під вітрилами обрії» (1977). Багато років віддав видавничій та редакторській роботі в книжкових видавництвах України. Продовжує писати і друкувати свої поезії у різних ЗМІ, в тому числі й зарубіжних. Успішно здійснює переклади на іспанську мову. Його твори видано друком в латиноамериканських країнах, а сам він живе в гармонії зі світом, який асоціює з образом червоного лебедя, який «здається, крилом торкається до гарячих моїх грудей». І далі: «Мудра птаха мене гукає. Мудрим шляхом у світ веде. І я жду. Я давно чекаю Горизонту крило молоде».

Насамкінець від колишніх членів літературних студій «Бригантина» та «Сівач» вітаю Володю з днем народження та бажаю творчої наснаги, оптимістичного настрою на сонячних гонах життя.

Татьяна Березняк

ЕГО ЛЮБИЛИ ВСЕ

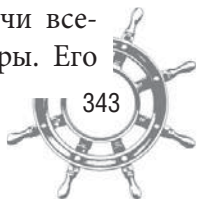

Его любили все. Вадим Гребенюк — капитан «Бригантины».

Второй капитан после Гончаренко? Нет, они руководили клубом на равных, вдвоём на паритетных началах правили нашим парусником. Феномен «двух капитанов» был органичен — они взаимно дополняли друг друга. Более того, на третьем году плавания нашего брига, пока Валерий Гончаренко завершал учёбу и готовил к печати свою первую книгу, на капитанском мостике стоял один Вадим (на четвёртом году — Саша Ивакин).

Но в 1963 году, с которого и началась наша история, у штурвала «Бригантины» стояло два капитана. Оба наши ровесники — никакие не «руководители» — всего лишь «первые среди равных». Мозгом клуба был Валерий, Вадим — его душой. Замечу, что их «руководство» касалось только литературного процесса. Фактически же руководителями (и организаторами) клуба были библиотекари: заведующая библиотекой Драгунская Мария Фёдоровна и Зимогорова Инна Викторовна, наш душеприказчик и архивариус, ответственная за ведение дневников и альбомов «Бригантины», в которые и вписывались наши лучшие стихи («для потомков»).

Теперь на большом временном расстоянии я думаю, что Вадим считался капитаном уже потому, что, будучи всеобщим любимцем, автоматически попадал в лидеры. Его

любили все, чему способствовал его мягкий, приветливый и весёлый характер, который выгодно отличался от ершистого нрава Гончаренко. А яркая цыганистая внешность — чёрные волнистые волосы, его карие доверчиво-близорукие глаза и чувственные губы — не давали покоя женской половине клуба. Это симпатичное лицо не портил даже курносый нос (курносый не от природы, а как результат падения с дерева в детстве — перебитый). Теперь ясно, что Вадим был секс-символом «Бригантины», только слова мы такого тогда не знали. Не было ещё в обиходе и слова «харизма», которым сейчас мы можем объяснить обаяние и притягательность его личности. Все девчонки нашего клуба были влюблены в него! Не исключением была и «безалаберная девчонка». Да, все мои стихи 1963 года навеяны магией очей Вадима:

Моя любовь — не изнеженный лютик
На лужайке в апрельском саду.
Ты — моя революция
На семнадцатом году!

(«Надеюсь, эта революция пока Февральская, а не Октябрьская», — язвительно заметил старший брат, найдя мои стихи).

А вообще-то — догадывался ли Вадим о нашем восторженном отношении к нему? Не знаю. Сам же, страдая от неразделённой любви, писал о «Снежной королеве с сердцем ледяным»; и надо отдать должное Вадиму — ко всем своим поклонницам относился ровно и дружелюбно:

Ко мне ты, как брат участлив —
По-детски наивен мой вид,
Но всё же я очень счастлива
В своей несчастливой любви!

(«Революция» оказалась «Февральской» — уже в 11-м классе я вздыхала о мальчике из параллельного класса. Как смешны теперь эти первые влюблённости! И только через год, уже в Харькове, я встречу настоящую любовь и судьбу, которой посвящу все свои стихи и жизнь... А опус о «несчастливой любви», смахивающий на самопародию, ровно через 40 лет попал в мою первую книжку «Веселье мартовской метели»). Вернувшись к нашему герою, должна сказать, что Вадима мы любили не только за яркую внешность и покладистый характер. Мы любили его стихи и даже предпочитали их стихам Гончаренко — тепла в них было больше. В своём дневнике 24 марта 1963 года я отмечаю весёлые задорные глаза Вадима и его любовные стихи: «У неї закохані очі і губи тугі і свіжі» (Рондель) и прежде всего, трагическую «Серенаду», очень любимую нами:

Десь в Іспанії далекій
Про кохання променисте
Цілу ніченьку співають
Чорноокі гітаристи.
І красуня Ангеліна,
Лиш гітара залунає,
Все до нього, до Еніо
Босоніжки вибігає...

Вы спросите: «Откуда у хлопца испанская грусть?». Да от светловской «Гренады», конечно! От Светлова и Багрицкого, других комсомольских поэтов 20-х годов, у Вадима и тема гражданской войны:

Снова ночь — бессонница,
Звёзды тонут в мглу...
Проходила конница
Ночью по селу.

Для Гребенюка-романтика характерна и удивительно тонкая пейзажная лирика — несомненное влияние раннего Павла Тычины и Федерико Гарсиа Лорки, только что открытых нами («Світанок б'є у мідь на сході», «Перламутрове небо на заході»). Но больше других произведений Гребенюка мы ценили его элегию «Тобі». **1-го сентября 1963 года** в моём дневнике появилась запись: *«Сегодня Вадька читал своё «Тобі». По силе переживаний — бетховенское! Мне его жаль. Его душа — огромное магнитное поле, войдя в которое становится теплее»*. И сейчас, 50 лет спустя, мы, бригантиновские «девочки», при встрече наперебой или же в унисон цитируем:

Коли ночами йдуть дощі,
І віють вітри злі, холодні,
Чогось так жаль, і сум бряжчить
Чотками спогадів... Сьогодні
Ти знов пришла в безсонну ніч.
І щось гаряче б'є по скроні...
Безсонна ніч... Проклята ніч...
Бере чоло моє в долоні...

Уехав в Харьков, затем в Подмосковьє, в последующей жизни Вадима я встречала редко. До меня доходили слухи о его романтических странствиях, вернее, о работе в геологоразведке. Радовалась за него, гордилась им. И хотя сама много повидала в университетских зоологических экспедициях, завидовала его вояжам по Тянь-Шаню и Памиру. (Нет, на «Крыше мира» он, кажется, не был). О тяготах жизни геологов, о трудной «романтике» их жизни в условиях высокогорья и кислородного голодания я узнала значительно позже, в т.ч. из писем Вадима, которые я прочла только сейчас. Всё, как в пахмутовской песне:

А путь и далёк, и долог,
И нельзя повернуть назад.
Держись, геолог!
Крепись, геолог!
Ты ветра и солнца брат!..

В этих нечеловеческих условиях выносливость и стойкость обеспечивала не только молодость, но и неподдельный интерес и восторг перед фантастической красотой и величием гор, не сравнимых ни с чем, — восторг, переходящий в понимание гор как символа духовного восхождения к добру и красоте, которое смог передать нам Николай Рерих, рисуя космические пейзажи Гималаев. (А Владимир Высоцкий подытожил: «Лучше гор могут быть только горы»).

Тянь-Шань... (в переводе с китайского — «Небесные» или «Божественные горы»). Вадим работал в основном в Центральном Тянь-Шане, включающем наиболее высокие горные цепи и хребты этого горного массива (только 6-тысячников там насчитывается свыше 30!). Видел ли Гребенюк, работая на границе с Китаем, знаменитый Хан Тэнгри и пик Победы — одну из 100 высочайших гор планеты (те, что выше 7200 м)? С помощью Интернета я прошлась по некоторым экспедиционным маршрутам, известным мне по фотографиям и письмам Вадима Гребенюка. Урочище Нарым-Тау — перевал Ыштык — Кайнар... (Для меня в этих словах — всё очарование Востока! В них и молодость моего отца, любившего вернуть в разговор узбекское словцо или фразу, и память о матери, родившейся не в Российской империи, а в столице Бухарского эмирата). Тянь-шанские топонимы («А в Бас-Су и Чакыр-Коруме уже полночь, и спят давно») щедро рассыпаны и в стихах Вадима, где описаны не только трудности быта геологов, но и «горчащая радость костра» фанатиков гор:

На баркасах, в штормовках тесных,
На худых лошадиных хребтах
Пели мы разудалые песни
И любимыми бредили в снах...

(Просто мистика! Или совпадение? Именно сейчас, написав эти строки, в записной книжечке тех лет нахожу киргизский адрес Вадима: г. Фрунзе, ул. Дзержинского, 2, Чуйская экспедиция. Ртутная партия. Гребенюку В.).

Вадим Гребенюк расстался с геологией, и это было его ошибкой и бедой. Более того — катастрофой! Горы уже стали его наркотиком, и в другую жизнь он не смог вписаться. Почему он выпал из обоймы, почему не смог вернуться в геологию — не знаю, но жизнь в Кировограде не складывалась. Отчаянная тоска Вадима выливались в стихи:

Ты навряд ли сейчас заметишь
Необъятность моей тоски
По большому, по нужному делу,
По ребятам, по лошадям...
Взял, чужак, и отдал несмело
Своё счастье чужим рукам.

Да, никто не смог услышать глубину его тоски. Рядом таких людей не оказалось. (Оба брака закончились разводом). Он пытался жить, даже баллотировался в депутаты местных Советов. Не получилось.

Вернувшись в Кировоград, я слышала о Вадиме только как об опустившемся человеке — маргинале, пьянице и дебошире. И не могла поверить! Последняя встреча с ним запомнилась хорошо. 26 августа 1995 года — день рождения Светы Ярошевской, на который Вадим неожиданно и с опозданием явился нежданным гостем, сбежав из больницы и прихватив в качестве подарка фотографии своих среднеазиатских странствий. (Лучшего времени, чем 60-е, у него так и

не случилось!). Узнать его было невозможно — в свои 50 лет он выглядел беззубым стариком, измученным болезнями и алкоголем. Жизнь сломила его.

Как мы пели, какие горы
Мы с друзьями не своротили!..
Тошнотой подступало к горлу
Беспробудное время штиля.
Надоело орать и спорить
Под раздрызганную гитару.
Бригантина не вышла в море,
Флибустьер сдаёт стеклотару.

Владимир Пучков

Перефразирую Блока: «Жизнь, как и искусство, слабым не по плечу».

Вадиму не удалось перейти минное поле 90-х. Он умер вскоре после смерти матери, не дожив год до Миллениума. Его не стало в канун старого Нового года — года 1999-го. К сожалению, незадолго до своего ухода Вадим сжёг весь свой архив. После него осталось два десятка стихотворений и сын Андрей, чья судьба кировоградским родственникам неизвестна.

16 лет после смерти Гребенюка, посетив его могилу, я поминаю Вадима в доме на Маслениковке — в доме, где он родился и прожил свою жизнь. Всё, как при Вадиме, только улица недавно переименована — из Кировоградской в Сугоклеевскую (справедливо: вот она — наша река — в огороде дома!). Пока Оля, племянница Вадима, накрывает на стол, его старшая сестра Тамила, знакомая мне ещё со школьных лет, показывает свой фотоальбом, где много фотографий брата. Вот он, маленький шалун, не боясь обжечься, лезет пальчиком в таз с вишнёвым вареньем. А здесь (1951

год) Вадик в «гимназической» форме — такую носил и мой старший брат — уже пошёл в школу. Учился он в средней школе № 7 (бывшее Пушкинское училище), хотя рядом с домом — СШ № 33 — та школа, где учительствовала его мама Вера Сергеевна. А вот и она сама, молоденькая, тоненькая, с потрясающими косами (кажется, до колен!), в обнимку со своими малышами Томой и Вадиком сидит под роскошной вербой, что росла в их дворе на берегу Сутоклеи. Счастливая!.. Той вербы уже нет. Поредел и яблоневый сад, тоже знакомый нам по стихам Вадима:

Ранняя зірка вместила синицею
На вербі, над самою водицею.
Все стиха перед нічкою глупою,
Лиш антонівки гупають ... гупають...

Прислушайтесь!.. Впрочем, спустя полвека образ яблокопада стёрся, превратившись в литературный штамп. Но не потускнела память о Вадиме Гребенюке, на мгновение ярким метеором сверкнувшем на небосводе нашей юности.

Отзыв на очерк «ЕГО ЛЮБИЛИ ВСЕ»

(из письма Н.Волынского Т. Березняк от 21.06.2017)

Очерк о Вадиме я прочел сразу и ... ты не поверишь - заплакал. И сердце не унимается до сих пор. У меня были с ним сложные отношения, особенно, обострились они в горах, правда, потом, вроде бы, наладилось, но прежняя дружба пропала. Чёрт побери, он так любил петь, особенно, разные геологические песни, часто повторял отдельные слова и строфы... Всё ушло. Иногда думаю, на кой дьявол, нам показали этот прекрасный и яростный мир, чтобы потом захлопнуть дверь перед носом?

Татьяна Березняк

«ДО ЧѢРТИКОВ СЧАСТЛИВАЯ»

* * *

Кировоград — уездный городишко,
Куда ни глянь — повсюду ширь степная.
А в нём живёт забавная малышка
Со звонкою фамилией — Ланская.

Эту эпиграмму на Лялю Ланскую напрочь забыл её автор — Бронислав Куманский, но, к счастью, в памяти народной она сохранилась.

Ляля Ланская — «самая счастливая» девочка нашего клуба — вышла, как Афродита, из пены морской, вернее, из второй волны нашей «Бригантины», которая оглушительно обрушилась на меня, приехавшую в начале 1967 года на день рождения кировоградской литстудии «Бригантина».

«Ляля» — только так называли Римму Ланскую — яркая, черноглазая, со смоляными кудрями, весёлая и живая, как ртуть, — не могла не запомниться. Хотя заочно я уже была с ней знакома — наши первые публикации («Прапор юності», 24 декабря 1965 года) оказались в одной подборке. Моё «Молодо-зелено» и её, такое же зелёное, тем не менее программное для 16-летней поэтессы:

Дуй в лицо сильнее, ветер.
Гром, греми... пляшите, ливни,
Расскажите всем на свете:
Я до чѣртиков счастливая!..

В очередной приезд в Кировоград я ненадолго сблизилась с Лялей. Вернее: с Лялей и Светой Ярошевской — подружки были неразлучны. Вместе бродили по городу, читали друг другу стихи, чужие и свои, наслаждались общением и безграничной свободой студенческих каникул. Помню, как

в августе мы втроём ездили куда-то на природу. И надо же, именно сейчас, когда пишу эти строки, произошла неожиданная встреча с прошлым — на страницах Лялиных стихов я нашла воспоминание об этой поездке:

Кусок ржаного хлеба
Да ветхий старый дом.
Осталась в сердце Треповка
Берёзкой над прудом.

Глухим собачьим лаем,
Груздём в сырой траве
И голубиной стаей
В звенящей синеве...

А у меня в памяти осталась только электричка и то, что ночевали мы в палатках, а не в «ветхом доме», но какое значение это имеет теперь, и для поэзии в частности? Зато сколько тишины и покоя в этом маленьком стихотворении, и какая отличная звукопись!..

Где-то в середине 70-х, приехав в город юности своей — Харьков, в районе площади Тевелева (сейчас — Конституции) я заметила в толпе знакомое лицо. Ляля? Не успела даже окликнуть её, как юркая фигурка куда-то исчезла. Скрылась в Пассаже? Увы, мой поиск был безрезультатным. Ляля Ланская!.. Но откуда она здесь — в Харькове? Я слышала, что она училась в Киеве в театральном институте, но только сейчас, 45 лет спустя, узнала, что ей пришлось перевестись в Харьковский институт искусств. Здесь, в «первой столице» Ляля и окончила кафедру режиссуры. Так что я столкнулась с дежурной ситуацией — студентка, опаздывая на лекцию, спешила в *alma mater*.

Лет через 10 после этого случая (в конце перестройки, может, в году 1991), отдыхая летом в Паланге, я с экскур-

сией приехала в латвийскую Лиепаяу, запомнившуюся мне только огромным и девственно диким пляжем. Повезло, экскурсионный маршрут пролегал так, что была возможность забежать в театр, в котором, как я слышала, работала Ланская. Оказалось, она действительно здесь работает, но, увы, театр — на гастролях в Москве. Досадуя на очередную невстречу, не могла не порадоваться за Лялю — осуществилась её фанатичная мечта о театре, выплеснувшаяся и в её стихотворение о Коломбине, не по годам мудрое:

Я — Коломбина в балагане,
А ты в хохочущей толпе,
И взгляд мой никогда не станет
Предупреждением тебе.

Когда стою на сцене зыбкой,
В сиянье музыки и роз,
За ослепительной улыбкой
Моих ты не заметишь слёз...

Увы, сорвался мой сюрприз, который я готовила для Ляли своим появлением в Лиепаяе! Зато сама Ланская стала сюрпризом для нашего областного драмтеатра им. Кропивницкого, приехавшего на гастроли в Лиепаяу (тоже в конце 80-х — 1989 год) и в роли режиссёра Лиепайского театра неожиданно встретившего свою землячку! Зоя Чумаченко-Татарова, которая в то время курировала наш театр от областного Управления культуры, только сейчас рассказала мне, как бурно, с разговорами до утра, происходила та встреча. Ляля, вспоминая Кировоград, плакала...

(Наверное, именно здесь, пока мысленно мы находимся в Лиепаяе, уместно сделать отступление, напомнив читателю, что этот город — ещё и место рождения одного из членов «Бригантины». Да, именно здесь в семье офицера балтий-

ского флота родилась Людмила Сараскина — единственная из нас, приобретающая мировую писательскую известность своими трудами по Достоевскому и Солженицыну).

Вернувшись к прерванному рассказу, отмечу, что о дальнейшей жизни Риммы Владимировны Ланской я знаю только из интернета и по рассказам Галины Насоновой, в 90-е годы близко дружившей с Ланской, которая, выйдя замуж за московского журналиста и переселившись в российскую столицу, свою дальнейшую творческую жизнь связала с Москвой. Ляля настолько была увлечена своей работой, что не только мелочи жизни, но и личная жизнь у неё были на втором плане. Её очень ценили товарищи по режиссёрскому цеху. Энергичная и на редкость симпатичная, Ляля имела много друзей в московских театральных кругах, среди её близких друзей были такие знаменитости, как Иннокентий Смоктуновский, Марк Розовский, Александр Зельдович, Андрей Болтнев и другие. В то время Ланская работала заместителем директора московского Товарищества режиссёров, одновременно будучи специалистом по т.н. разовым постановкам — готовила спектакли для разных театров Советского Союза, в основном в провинции. Так, одним из последних её спектаклей была постановка психологической драмы Генрика Ибсена «Привидения» для Сахалинского Театрального центра им. Чехова.

В SAKHALIN-info отмечалось, что творческой манере Ланской было свойственно, рассказывая историю, оставлять публике самой разгадывать поступки героев и предугадать финал пьесы. Римма Ланская была талантливым режиссёром-координатором — организатором театрального процесса, входила в состав оргкомитета Международного театрального фестиваля им. А.П.Чехова. Задумывались и другие проекты, но им не суждено было сбыться.

Смерть Ляли была эхом Афгана, об этом страшном событии долго говорило московское телевидение. В то время (2001 год) Ланская жила в центре Москвы на Спартаковской, где её соседом по коммуналке был ветеран-афганец, оказавшийся психически больным (результат потрясений, перенесенных во время войны в Афганистане). В момент приступа мании преследования он расстрелял из охотничьего ружья всех, кто на тот момент оказался дома, в т.ч. и Лялю, выбежавшую в коридор позвонить в милицию, и Софью Самойловну, мать Ланской, не успевшую даже встать с дивана. «Из живых существ в квартире остался только маленький Чип — собака Ланских породы японский хин. Он-то и встретил милиционеров», — писала КП.ру. К счастью, 12-летний сын Ланской в это время был в школе и домой вернулся, когда сосед уже покончил с собой. Муж Риммы Ланской умер задолго до этой трагедии, поэтому судьбой Максима собирались заняться её ближайшие друзья. И кто знает, как сложилась его дальнейшая жизнь...

Так пусть мой смех тебя не ранит
Среди твоих незримых бед.
Когда погаснет в зале свет,
Я — Коломбина в балагане.

Свет погас не только в зале, но и на сцене. Всего 50 лет прожила кировоградская Коломбина, своей *ослепительной улыбкой* принося людям *звонкое счастье* добра и красоты:

Меж берёзками и клёнами,
Поглядите, здесь в лесу,
Молодое и зелёное,
Счастье звонкое несусь!

«ДО ЧЁРТИКОВ СЧАСТЛИВАЯ»...

Наша Ляля.

ОТЗЫВЫ об очерке Татьяны Березняк
о Римме (Ляле) Ланской «До чёртиков счастливая»

НИКОЛАЙ ВОЛЫНСКИЙ: Сегодня я лег спать, как всегда, очень рано — в 7 часов утра и не смог уснуть. Перед глазами была Ляля Ланская и весь тот ужас, о котором ты написала. Встал и сразу пишу тебе. Как это дико, как иррационально, как абсурдно и... никогда я даже не мог представить себе, что такое вообще возможно даже в самых жутких фантазиях... Кажется, я даже заболел от этого. Пульс 140.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО: Таня, мои воспоминания о Ляльке — это отзыв на твой великолепный очерк о ней. Черновик, если хочешь. Можешь использовать без ограничений. Только обязательно с описываемой афишкой!

ПРОВЕРЕНО: МИН НЕТ

Временами мне кажется, что все талантливые режиссеры, презрев иные возможности для встречи со своими кумирами, пробиваются в кино или на театральную сцену с единственной целью — познакомиться с выдающимися актёрами. Не могу припомнить, чтобы актрисами становились фанатки, толпящиеся на задних дворах театров или у проходных киностудий. Не могу также знать, насколько удачливым театральным режиссёром и администратором была Римма Ланская (в период ее неоспоримых достижений мы уже не встречались), но сценаристом своей творческой жизни, как выяснилось позже, она была потрясающим. Часто ездила в Москву, привозила незамысловатые совковые сувениры и устные рассказы о знаменитостях, с которыми успевала подружиться. Сейчас бы это назвали презентацией, а тогда мы устраивали свойские посиделки в гостеприимном доме Ланских. Участники посиделок — начинающие поэты

из литературной студии «Бригантина» — прародительницы литературного объединения «Сивач». По большей части — вечно голодные студенты.

— Как-то Володька Высоцкий пришёл с новой песней... — начинает Лялька. — А Васька Лановой ему говорит...

— Так уж и говорит... — сомневается застолье.

— Плохо вы Ланового знаете!

В подтверждении своих слов Лялька указывала на афишу Василия Ланового со своими собственноручными изменениями.* Причём демонстрировала это с царским величием. В глубине вагонно расположенных комнат виниловым голосом пел Александр Вертинский.

Время от времени голос затухал, прерывался; Лялька, накинув на плечи чудовищных размеров цыганскую шаль, меняла исполнителя. Теперь мы слушали Булата Окуджаву, и хозяйка дома нам казалась связной между Кировоградом, Арбатом и бананово-лимонной страной; в Лялькиных глазах стояла неизбежная аравийская ночь, подсвеченная изнутри незлобивыми украинскими зорями.

Такой она и была — царственно неприступной и одновременно беззащитной. Одевалась нарочито вызывающе, но делала это не для того, чтобы поразить воображение потомков, — входила в образ героини, который сама же себе придумала.

* Афиша с изображением легендарного В.Ланового восстановлена по памяти.

* * *

«Проверено мин нет» — такую надпись (орфография военного времени сохранена) — можно было увидеть лет 40 назад на стене одноэтажного дома Ланских — в двух шагах от Дома офицеров и сквера им.Т.Г.Шевченко. Скорее всего, авторства безызвестного сапера, освобождавшего Кировоград в 1944 году, мы не узнаем никогда, а упоминать реставраторов, эту надпись впоследствии затёрших, мне лично противно.

Нынче в моде другие граффити.

Могу лишь предположить, что росту минёр был немало-го. Чтобы освежить надпись, Ляльке приходилось влезать на стульчик. Эту надпись, вопреки всяким архитектурным запретам, вначале обновлял глава семьи дядя Володя, а затем повзрослевшая Лялька.

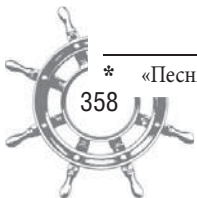
Непременной участницей священнодействия была лучшая Лялькина подруга Света Ярошевская. Лялька макала кисть в баночку, а Света с невинным видом говорила: «О, как боялся я свалиться, огромный свой рост кляня...»*.

Стихов Света знала наизусть великое множество. Мастерски читала классиков и писала свои, бесконечно нам дорогие, поэзии...

Лялька (в производственной жизни — фотограф-ретушёр) солдатские руны подправляла с той неотвратимостью, с которой в Кировоград приходила весна. Это было частью задуманного ею сценария, где прологом значилось «мин нет», а каноническое театральное ружье, наперекор сценическим правилам, не упоминалось вовсе.

А оно выстрелило, это ружье.

Владимир Бондаренко

* «Песня об органисте» Михаила Анчарова из книги «Сода-солнце».

ВАЛЕРІЙ СІДНІН

ПРО ЛЯЛКУ...

Рімма Ланская — одна з трьох, як на мене, найяскравіших постатей усього кіровоградського літературного осередка...

Лялька, так її звали поважні «сівачівці», навіть у мене, на той час невігласа-підлітка, в мить, як її побачив, а головне — почув, викликала якесь неісповедиме зачарування... й досі пам'ятаю її сакраментальне «брєдятаіна» — стосовно чергової галімаатні в поезії когось із презентантів...

Лялька — то не просто шикарна жінка, Лялька — то не лише пік епатажу, Лялька — то не лише фонтан кпинів, до тепів й решти ознак наявності мізків, Лялька, себто Рімма, засновник «Театра Луны», режисер-постановник комедії якогось там італійця Даріо Фо (як казала сама Рімма: «Мені приятелька переклала з італійської»), на хвилинку, трохи згодом Даріо Фо стає лауреатом «Нобеля»*.

«Лялька» мала величезні плани... якби не куля тварюки, що перекреслила геть усе...

АНАТОЛИЙ САРЖЕВСКИЙ

Таня, как мало осталось нас — тех, кто помнит Лялю! До сих пор вспоминаю, как мы собирались (частенько и у неё дома), чтобы почитать новые стихи, поспорить о многом — нам времени не хватало выговориться в библиотеке. К тому же, я с Лялей даже дружил, как дружат мальчики и девочки. У меня остался ее автограф в книжечке поэзий Сильвы Капутикян, а ещё — маленький рассказ о нас, двоих, который я так и не напечатал... Как жаль, что Ляля ушла так рано... Она была среди нас самой красивой: «До чертиков красивая!»

А тебе, Таня, спасибо за память о всех нас, ещё живущих, что-то творящих, и тех, кого уже нет с нами.

* Спектакль Р. Ланской «Свободная пара» по пьесе Дарио Фо.

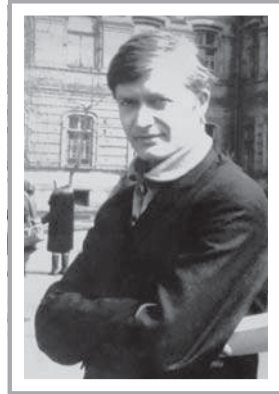

О ЧЁМ МОЛЧАЛ СТАРЫЙ ДНЕВНИК

*В серці думки непрохані...
Вірю навечно в тебе.*

В. Гончаренко

О Валерии Гончаренко написано много. И я, многократно рассказывая о «Бригантине», по существу, говорила о нём: эти понятия — Гончаренко и «Бригантина» — для меня тождественны.

Впервые увидела Валерия в областной библиотеке им. Крупской на открытии недели детской книги. Из моего дневника 1963 года (24 марта):

Библиотекарь говорила банальности о значении книги в нашей жизни: «Книга — друг человека» и т.п. После выступили члены клуба любителей поэзии. Настоящие современные поэты, вроде Евтушенко. (Но это, наверное, гипербола).

Далее, описывая членов клуба, отметив Колю Микитенко («с внешностью Паганеля») и «законную девчонку» Зою Грицаенко, я перехожу к характеристике «руководителей клуба»:

Валерий Гончаренко и Вадим Гребенюк — молодые парни, что называется, «золотая молодёжь». Двадцатилетние, красивые, элегантные, чертовски симпатичные!

Одетый «с иголочки» Гончаренко никак не вяжется у меня с его рабочей профессией, отсюда и запись:

**Работая на стройке, наверное, кирпичей не носит:
«Будова — моя держава./Я — президент цеглин».**

Влюбленно описывая весёлые глаза Вадима, я всё же отдаю дань справедливости:

Валерий достоин более высоких фраз,

а 1-го сентября напишу:

Валерка — светлая личность, не то, что Вадька.

Должна отметить, что наряду с «Валеркой» в дневнике на равных употребляется также «Валера», «Валерий» и даже «Валесик» (но это уже о другом герое). В тот же день и я описала знаменитый «исподлобный» взгляд Гончаренко, но в отличие от других (например, у Каминского в повести «Самое время» он — «довольно нахальный»), у меня он — **«чудный улыбающийся взгляд»**. И далее: **«Валерий сидел напротив меня, и я не преминула взглянуть на него раз десять, пока не встретила с его изучающим взглядом. Видимо, у него моя привычка — наблюдать за присутствующими»**.

Через месяц, в день рождения Гончаренко (23.04) я напишу: «Он родился в один день с Шекспиром, чем очень гордится». Валеркина гордыня оказалась заразной — именно с этого дня и я стала гордиться датой своего рождения — в один день с Маяковским. Позже, в июле, клуб отметит эту дату — 70-летие поэта Революции, а заодно и моё 17-летие. (Незадолго до этого, в мае, с подачи Юры Каминского, я впервые прочла «Облако в штанах», «Про это» — всего раннего Маяковского и была в ударе. Позже, через пару лет, такое же потрясение я испытаю, когда открою для себя Пастернака и Цветаеву).

Но самое главное воспоминание далекого 1963-го, связанное у меня с Валерием, — это наша июньская поездка в Канев. Казалось, верхом романтики ночевать на Днестре на уютном

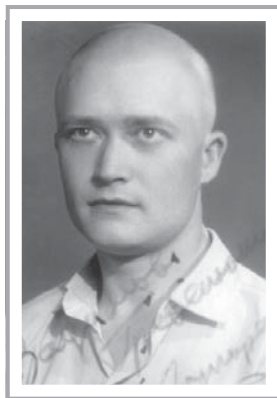
теплоходике, пришвартованном к дебаркадеру. Но мы предпочли ему ночь на Чернечьей горе — незабываемая ночная вылазка к памятнику Тараса Шевченко, у подножия которого Гончаренко читал стихи Кобзаря. Бесподобно, артистично, профессионально! (У меня возникает параллель уже из 1975 года: Евгений Евтушенко на автомобиле приезжает в Шахматово и, вскочив на камень, обозначающий местонахождение сгоревшей блоковской усадьбы, читает нам Блока!).

Валеркино выступление и ночь на Днепре затмили мне остальное. Я вовсе не помню посещение музея Шевченко и, прочтя в «Прапорі юності» (13.02.1966) о том, что «гуртківці подарували музею альбом власних віршів про Кобзаря», я усомнилась в этом (да не было у нас таких стихов, разве что Гончаренко смог бы написать). Но оказалось, мы всё же дарили свои произведения (скорее всего — копию нашего «бессмертного» альбома). Тому свидетельство — вовремя оказавшаяся под рукой тоненькая тетрадка, подписанная мной, как «Школьная проза», а там — черновик сентябрьского сочинения на тему «Как я провёл лето» (на английском — «My Summer Holydays»), где среди школьного примитива и ошибок, есть и такой абзац: «I spent the summer well. Our literature club went to Kanev. We present our poems and storys to the museum of Шевченко». Стало быть, всё-таки дарили! Жаль, не сохранились фотографии той поездки, не нашёлся и её фотограф — Шурочка Островская.

Следующий, 1964, год подарил нам Федерико Гарсиа Лорку в переводах Овадия Савича, а Валерий для большинства из нас открыл раннего Павла Тичину. Как проникновенно он читал его «Сонячні кларнети» на нашей встрече в 11-й школе: «О, люба Інно, ніжна Інно!.. Сніги... сніги... сніги...» — незабываемо! Не забывается и наше октябрьское выступление в только что открытом кафе «Юность», на-

зывается в народе «Аквариумом». Помнится даже такое развеселившее всех событие — Гончаренко обрился налысо (на спор с Гребенюком). Этот факт застрял не только в нашей памяти, но остался и на страницах дневника Лидочки Гребенюк, а также отдельным фото с дарственной надписью через весь снимок; «Вадімові Гребенюку від Валерія Гончаренка. Кіровоград. 1964». Вот оно — это фото!

Вскоре мои новые харьковские впечатления оттеснили воспоминания о кировоградской «Бригантине». Приезжая домой на каникулы, я разрывалась между двумя библиотеками — любимой юношеской и областной, великолепная лепнина которой вынуждала предпочесть именно её читальный зал, не позволяя уйти из этого книжного царства. Именно здесь, а не в Харькове и не в московской Ленинке (позже) я прилежно и терпеливо конспектировала Пастернака и Цветаеву — синие тома Большой серии Библиотеки поэта, только что вышедшие в свет к несказанной радости советского читателя. За этим занятием и застал меня Гончаренко, возбуждённо подлетевший ко мне: «Танько, я щойно книжку видав! — и швырнул на мой стол экземпляр «Червоного Волосожара» — по мне, так он и есть лучшей книгой Валерия, где каждое стихотворение — жемчужина. А ведь каждое из них было написано в пору «Бригантины» и впервые читалось на её заседаниях, вписывалось в наш альбом лучших стихотворений. Так, первого сентября в дневнике (в своём, а не «бригантиновском» — и такие велись, но не сохранились) я пишу о том, что *«влюбилась в Валеркино*

«Тобі» (имеется ввиду стихотворение «В серці думки непрохана. / Вірю навічно в тебе»). Но вот другое стихотворение того же 1963 года.

В КОХАННІ

Серце неточним компасом
Плута добро і зло.
В коханні мені, як в космосі,
Незвично завжди було.

Задимлений папіросами,
В ошийнику злої ласки я,
Очі тугими косами
Зав'язую, як пов'язкою.

Ночі тугі, кудлаті
Снами малюють стіни.
З білого поля плаття
Зриваю ромашки сині.

Квилять уста фарбовані
З наївних моїх рядків.
Мрії, як репресовані —
За ґратами почуттів.

Хтось ходить по місту павою,
Все чисто про мене зна.
В коханні я мілко плаваю,
А все ж не дістану дна.

Я призадумалась, почему же оно, столь любимое мной, не вошло в сборник «Червоний Волосожар» (и «Тобі» — тоже). Слабее других? Или из мужского самолюбия, не желающего принять свою несостоятельность в любви? Надо признать — в личной жизни Валерию не везло. (А кто из

поэтов счастливы в любви? Были бы счастливы — не писали бы!). Жизнь развела его с Ольгой Хаменушко, единственной любовью его жизни. Другой женщины, равной ей по масштабу личности, красоте и образованности он не смог найти (и не мог найти такую в принципе!). Оба брака не заладились. (Неудивительно, зачастую поэты — неверные мужья и плохие отцы). А это сказывалось на творчестве, приводило к депрессии, требующей допинга для возвращения к нормальной жизни.

С Ольгой Хаменушко, 1972 г.

Вернувшись в 1978 году в Кировоград, я не стала посещать «Сівач», очередную литстудию Гончаренко, хотя он активно приглашал меня и даже обижался на моё уклонение от знакомства с «сівачами». Не то, чтобы я была столь избалована культурной жизнью Москвы, встречами «вживую» с кумирами нашей юности, другими известными советскими поэтами, — скорее всего, я увлеклась освоением гигиены питания, своей новой профессией, и на другое меня уже не хватало. Свой поэтический голод заглушила, открыв на работе, при областной санэпидемстанции («не отходя от станка») очередной Клуб поэзии (просветительский), позже описав его работу в «Моём служебном романе» (2013), а отпуска мои были сплошными литературными экскурсиями по всему бывшему Союзу. Да, до «Сівача» я так и не дошла, но со многими его поэтами и их творчеством знакома и дружна. (В последние годы особенно крепко сдружилась с Олей Хаменушко, но часто встречаться нам не позволяет расстояние).

А с Валерой я встречалась почти ежедневно. Объясняется это просто — наши маршруты пересекались. Вечером, после работы мы шли навстречу друг другу (я — из санстанции, он — из «Молодого комунара») и неизменно встречались на улице Пушкина. Как правило, встречи были короткими: дружески обнявшись и обменявшись парочкой ироничных шпилек в адрес друг друга, мы с улыбкой расставались. В конце мая 2000 года стояли дольше обычного — Валерка с гордостью рассказывал о выходе «Парада химер». Я похвалила яркое, запоминающееся название книги. А через несколько дней случилась встреча, оказавшаяся последней. Я, гордясь своей просторной квартирой, вдруг предложила ему — встретиться всей «Бригантиной», собравшись у меня дома. Он с радостью согласился. Через день его не стало. Жаль, о его уходе узнала только через неделю. Первое, о чём я подумала — его смерть могла быть реакцией на нашу встречу: нахлынули воспоминания, разволновался-расстроился, сосуды не выдержали — инсульт. Так ли это было, не знаю, но почувствовала себя виноватой. Мы все в той или иной степени виноваты перед ним — не уберегли самый яркий поэтический талант Кировоградщины, который мечтал лишь об одном:

Бути променем чи краплиною,
Лиш світитися Україною.

Украиной, которая, я надеюсь, не забудет своего Поэта.

НАШИ «ЮБИЛЕИ»

«Юбилеи» — так громко назывались дни рождения «Бригантины». А было их всего четыре (пятый не отмечался). Хотя рождение клуба случилось в 1962 году первого декабря, оно всегда отмечалось несколько позже, а в последние годы вообще было перенесено с декабря на январь-февраль следующего года (дни студенческих каникул). Первый «юбилей» отмечался 8 декабря 1963 года, второй — 13 декабря 1964-го, третий — 24 января 1966 года, четвёртый — 5 февраля 1967 года.

Как правило, это был воскресный день, которому предшествовала длительная и тщательная подготовка праздника. Сколько фантазии было проявлено! Даже в соответствии с традициями мореплавания писались приказы. Так, к 3-летию «Бригантины» Вадим Гребенюк, в ту пору её капитан, издал приказ по судну, полный доброго юмора:

«Зело рад, что судно выдержало большое плавание, с чем и поздравляю команду. Хочу отметить хорошую службу офицеров нашего флота А. Пароконьевой и Г. Насоновой, боцмана В. Воеводина, матросов В. Адамчик, В. Картузова, С. Ярошевской, Р. Ланской, Л. Проценко, В. Величко, С. Матусяка, В. Скульского, Л. Гребенюк, а также канониров В. Лазеева и А. Шендрика, юнги А. Швеца и других членов экипажа.

Матросы! Славные дочери и сыны Отчизны, умножим славу флота делами добрыми, дабы знали все, что стяг «Бригантины» — горд и непобедим».

После оглашения приказа Вадим вручил каждому члену команды (после его выступления) по тоненькой книжечке из серии «Библиотечка избранной лирики» (через год это же сделает Саша Ивакин). У многих, в т.ч. у Саржевского и у меня, это оказалась Сильва Капутикян, у Ярошевской — Есенин). Именно на этих книжечках мы, общаясь, оставили друг другу автографы — писали, кто во что гаразд. Смотрите на фото: «Рвись к вершинам поэзии!» — наставляла Саржевского Алла Пароконьева. «Семь футов под днищем!» — желает ему Вовка Воеводин, Люда Сараскина просит Толика не уходить в армию — «не оставляй нас». (Я же только расписалась — видимо, воображения не хватило, да и Саржевского видела впервые).

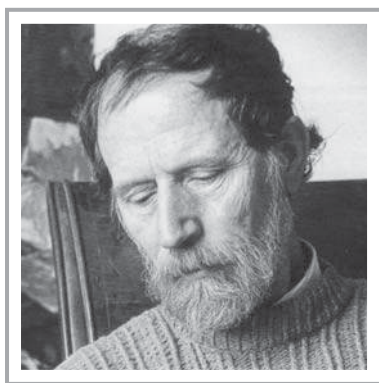
После чтения стихов была викторина (из произведений «бригантиновцев»), музыка, песни... «и танцы», — продолжит читатель и ошибётся. Какие танцы — яблоку негде было упасть!.. А кто помнит, как, выглядело застолье? Что ели-пили? Трудно вспомнить. Но алкоголя не было ни капли, зато кофе пили вёдрами (в буквальном смысле — ведро кофе). А вот и ещё подсказка — знаменитая фотография — Толя Шендрик несёт апельсины. И как элегантно их несёт!..

Но на первом месте была, конечно, духовная пища — общение и творчество. Пообщаться с родным клубом приезжали те, которые успели стать его «заочниками»: студентки МГУ им. Ломоносова — Наташа Куш и Вита Невинская, студент Московского института иностранных языков Шура Коток, студентка Одесского мединститута Зоя Грицаенко. Мы, «харьковский филиал» клуба (Белозерская, Березняк, Кондратова) приезжали не всегда, но поздравительные телеграммы слали неизменно. Скромные солдатские письма («треугольники») приходили от Каменецкого из армии. И, кажется, от Воеводина. А какой праздник обходится без

высоких гостей? В эти дни приглашались в «Бригантину»: руководитель областного литобъединения Виктор Ярош (тогда ЛИТО ещё не называлось «Степом»), уже известный поэт-лирик Валерий Юрьев и пресса. Представителем прессы неизменно была Татьяна Кальчицкая, журналист «Кировоградской правды» и «Прапора юності». Она и освещала работу клуба все годы его существования. Вопрос, кто был фотографом, остался открытым.

В эти праздничные дни библиотека преображалась — её украшали яркие красочные стенгазеты — дело рук художника нашего клуба Володи Волохова. Он тоже был иногородним студентом, но приезжая на «юбилей», успевал сделать чудо.

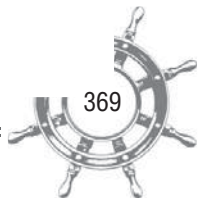

Волохов Владимир Кондратьевич родился в 1939 году в Кировограде. Закончил в 1964 году Днепропетровское художественное училище им. Е.В. Вучетича. В 1964-1966 годах обучался в Ленинградском высшем художественном училище им. В.И. Мухомовой. Живописец. Участник областных, республиканских, международных выставок. Творчество последних лет тесно связано с Францией.

Работы хранятся в Кировоградском музее, в частных коллекциях Украины, Болгарии, Японии, Франции, США, Канады, Израиля.

Его стенгазеты представляли собой микс — коллаж из наших стихов, шаржей, пародий друг на друга (радуюсь, что в своё время, приехав на 4-ю годовщину, успела переписать эти «шедевры»). Вот они перед нами!

А это дружеский шарж на Валеру Гончаренко.

К шаржу очень подходит колючая Лялькина эпиграмма на Валеру, на которую он очень обиделся.

Розлилося небо, що «Ах!»
І натхнення прийшло навіки:
Гончаренко заліз на дах
І уперше закукурікав.

Но в основном обид не было — ни на эпиграммы, ни на пародии. Обе пародии на мои стихотворения (в газете МУЗЕЙ ДРУЗЕЙ») мне понравились, как и мой портрет в виде принцессы в королевской мантии — так художник представлял образ «безалаберной девчонки».

Жаль, я не присутствовала на том праздничном собрании, когда выпускалась на волю синица (из рук юнги Швеца) — символ приближающейся весны, но кадр этого события сохранился. И зачем было мучить птичку? Ведь весна и не уходила — она всегда оставалась жить в наших сердцах. Там живёт и поныне.

Жаль также несостоявшегося «юбилея» — 5-й годовщины. Мы разъехались, и никто нас не собрал. Да и собирать было некому — Мария Фёдоровна, главный наш вдохновитель, вышла замуж и переехала в Днепр. Но вскоре Валерий Гончаренко соберёт новую команду, в которую вольются и немногочисленные «бригантиновцы» (Бондаренко, Ланская, Саржевский и Ярошевская) — создаст студию под новым названием «Сівач». Это произойдёт в конце февраля следующего года (торжественное «учредительное собрание» пройдёт 13 марта 1968 года). Студия заживёт своей жизнью, но в 1972 году всё же отметит 10-летие «Бригантины».

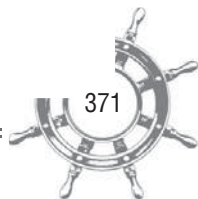

Вот снимок этой юбилейной — уже без кавычек — встречи (крайний слева — Тимофей Гусинский). На фото мы можем увидеть, что из ветеранов клуба на встречу приезжала только Галя Насонова, и то, что из Кировограда ещё не успела уехать Оля Хоменушко, на то время Муза Валеры Гончаренко — единственный человек написавший о нём великолепную книгу-воспоминание «Валерий Гончаренко — мій «сон снігів, мій тихий смуток» (Баку, 2012). А студия «Сівач» (позже её руководителем станет Владимир Базилевский) ещё долго будет «сеять разумное, доброе, вечное», но это уже другая история, и рассказывать её уже другим.

И, напоследок, ещё об одной дате, объявленной в стенгазете «МУЗЕЙ ДРУЗЕЙ» в фантазийной заметке «Наш клуб «Бригантина» через 20 лет», написанной в декабре 1964 года, т.е. о 22-й годовщине клуба. Читать её и весело, и одновременно грустно: «Не все сталося, як гадалося...». Заметка анонимная, впрочем, как и пародии, да и все другие материалы в тех газетах. А всё же интересно — кто осмелился дать прогноз нашему клубу на далёкое будущее — 1986 год? (Предполагаем, скорее всего, это была Люда Сараскина).

Конечно, в 1986 году эта дата не отмечалась, и правильность прогноза проверить не удалось. Немногочисленные «бригантиновцы» собрались уже в XXI веке, когда, выпустив в свет свою первую книгу «Веселье мартовской метели» (2003), я приурочила её к 40-летию клуба, впервые опубликовав и фотографии «Бригантины».

Идёт к концу год 2017 — год 75-летия Валерия Гончаренко и 55-й годовщины нашего парусника, а он по-прежнему плывёт по волнам памяти, благодарной ему за яркие мгновения незабываемой юности.

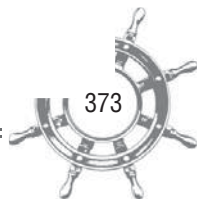
Из стенгазеты «МУЗЕЙ ДРУЗЕЙ»

СЛАВА ЮБИЛЕЮ!

О, где вы, Пушкин, Гёте, Байрон?
И помня их блестящий слог,
Я посвящаю нам собранье
Небрежных и корявых строк.
И пусть летят беспечно годы,
О, други! Помнить буду вас,
Огонь в душе не весь угас.
Я вам вручаю эту оду,
Кряхтя взобравшись на Парнас.
Пусть всех ещё не знает мир,
Для вас лишь воды Ипокрены...
В четвёртый раз в сих мудрых стенах
Мы собрались на славный пир.
О, ба! Знакомые все лица,
Безудержно хохочут рты,
И кофе весело дымится,
И рады все, и все на «ты».
Вон Воеводинские кудри!
А где Серёжа Матусяк?
Одев свой чёрный модный фрак,
На свежих почивает лаврах.
И заглушая все октавы,
Все песни, музыку, приветы,
Несётся громко: «Сакраменто!!!» —
О, Пароконьева, надеюсь,
Что и к тебе Пегас слетит,
И ты (но знай наш аппетит)
Напишешь чудную поэму.

Вот Шендрик, Каргузов, Лазеев —
Вся наша доблестная рать.
Боюсь чуть-чуть, но всё же смею
И вам, друзья, хвалу воздать.
Привет тебе, Ланская Римма,
И нас нисколько не спросив,
Твою изнеженную лиру
Злой искуситель посетил.
Да... это был хороший праздник —
Тебя хвалили, не тая,
Ролей любительница разных,
«До чёртиков счастливая».
Людмила Шендрик, добрый ангел,
Развесели, хоть ты, печальных.
Сама беспечно веселись.
(Насонова, ну не сердись
И не сочти, что «всё банально»).
Превратности судьбы известны.
Сегодня нам не очень тесно,
Как жаль, что многих нет средь нас.
Мы скорбно головы уроним.
Приборов их мы зря не тронем.
Быть может, вскоре и они
Придут, былые вспомнив дни.
Но пополняется Парнас.
Волынский Коля уж не раз
Бесстрашно шпагу обнажал.
Саржевский, да и тот дрожал!
А Толя ведь привык к боям,
Не то, что вы, не то, что я.
Но никому покой не нужен
(Мы все чуть верим в привиденья).

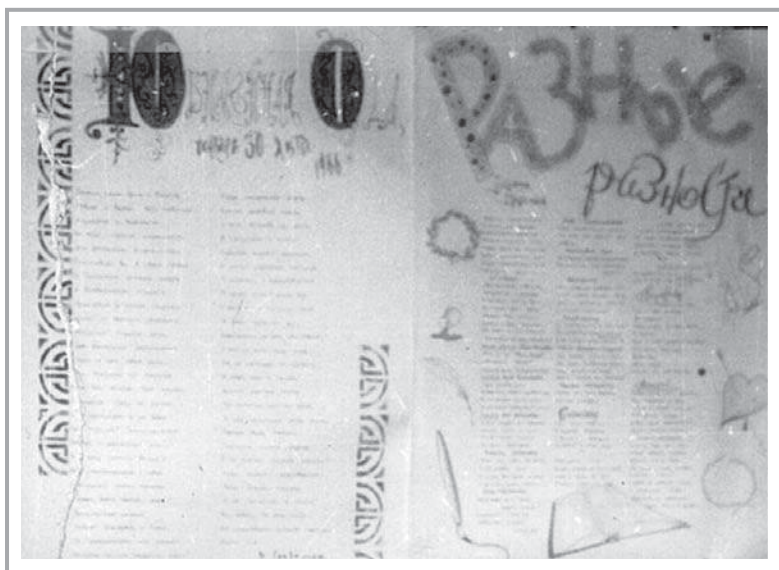
И вот средь нас мелькнул Калюжный,
Как мимолётное виденье.
Нас слава всех, друзья, венчала,
И розы эти — не обман.
Мы помним день, весны начало,
Мы вышли в голубой экран.
Да и у нас реформы были:
Наш старый мудрый капитан
Сложил оружие, а мы...
Были до слёз потрясены.
Но делать нечего. Ивакин —
Романтик, гордый наш певец,
Без лишних слов принял венец.
Ну что ж, друзья, пора кончать,
А музе нужно отдыхать.
Хвала вам всем, хвала и честь!
(Как жаль, что всех не перечесть).
Пусть в этот вечер лиры грохот
Звучит сильнее, чем звон литавр,
И пусть горячий чёрный кофе
Вам будет слаще, чем нектар.

Светлана Ярошевская

Наши стенгазеты (Юрий Попов на их фоне)

Толочка!

Поздравляю с пятидесятилетием
 имени Клуба. Желаю
 успехов в творчестве, новых
 тем, новых стихов

Как дела на Северном
 полюсе?

Молода, красива, здорова
 Д. Т. Г. Саржевская

Ю. Толоч

Толочка!
 Не уходи от нас в
 солдат. Не покидай
 Саржевскую - Метурин,

Спасибо друзьям за внимание
 Библиотечка
 избранной
 лирики

не воевать

Будь во всем воодушевлен
 в успех

Пусть всегда
 будет тобою
 и шальмет успехе!

С. Матушкин

СИЛЬВА
 КАПУТИКЯН

Только вперед!
 Только на линию огня!

Кийлик

Издательство ЦК ВЛКСМ
 „Молодая гвардия“
 1966

Фильм к вершинам
 поэзии!
 Саржевская

Автографы членов «Бригантины» — пожелания А. Саржевскому —
 на книжечке стихов Сильвы Капутикян
 (из серии «Библиотечка избранной лирики»)

Из стенгазеты «КАЛЕЙДОСКОП»

П А Р О Д И И

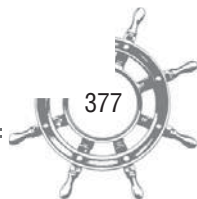
На З. Грицаенко

Зоя, радость моя, — телеграммой
Я сегодня чертовски весел.
Давай на столб телеграфный
Вадима шляпу повесим!

Будет от смеха качаться
Неба глупая гладь.
Вадька тоже будет смеяться,
А шляпу не сможет достать.

На В. Гребенюка

Коли ночами йдуть дощі,
Тоді пишу й пишу вірші.
Пишу про осінь і кохання...
Вуста чийсь човном пливуть.
І я римую без вагання:
«Летять — стоять, спішать — біжать,
Беруть — пливуть, мовчать — кричать».
Ах, все тобі, це все тобі!
І помічаю у журбі
Нервовість лівої руки.
І позіхом я розганяю тишу...
Розвів елегій павуки
Я у своїх ліричних віршах,
Хоч би на мене зглянувсь хтось,
Зачах без критики тієї.
Хоч би хтось віником пройшовсь
По закутках душі моєї!

На В. Воеводина

Может, я совсем другой?
Может, я совсем плохой?
Может, я и сам не свой?
Тогда кто же я такой?

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Раз, два, три, четыре, пять —
Вышел зайчик погулять.
Чижик-пыжик, где ты был?
В ресторане водку пил.
Выпил рюмку (вот нахал!)
И стихи вдруг написал.
Яркие, как фантики,
Лёгкие, как бантики,
Словно вырубалочки,
Строчечки-скакалочки...
Пиф-паф, ой, ой, ой!
Ну, скажите, — я смешной?
Может, я совсем другой!
Только кто же я такой?

На В. Каменецкого

Почему ты сегодня грустная,
Словно грядка капустаная?
Не поверю, что ночью луна,
Как ты, безобразно грустна.

Слушай, давай бежать!
Куда и зачем — всё равно.
Может, где-то сумеем достать
Два билета ещё в кино.

Нет, пожалуй, в кино не успеть —
Не с нашими, брат, ногами.
Знаешь, давай лучше петь —
Под луной, под её лучами!

На Т. Березняк

То, что было мелодией сна,
Вдруг сонатою стало звонкой —
В ноябре появилась весна
Безалаберною девчонкой.

Но она стариковски кашляла
И безбожно зевала подчас.
— Оттого я так неряшливо
И рифмую в стихах сейчас:

*(Рифмы-перлы: «силы — спасибо,
Марс — март, счастья — блестящий»).*

Что же, сделано неблестяще,
Но, смотря умилённо на стих,
Я готова заплакать от счастья,
Чтобы вы не заметили их.

* * *

Мокнуть хочу под дождём,
Мокнуть одной неохота.
Давай будем мокнуть вдвоём,
Чтобы сушить было что-то!

Из стенгазеты «МУЗЕЙ ДРУЗЕЙ»

НАШ КЛУБ «БРИГАНТИНА» ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ*

Однажды, скучая, я вспомнила Клуб поэзии и попыталась представить, что будет с ним через 20 лет. Итак, 22-я годовщина.

Чтобы всем собраться к четырём часам, сбор был назначен на три. Но все стремились прийти вовремя, и поэтому к половине четвёртого все были на месте. Все — это ветераны и новички. В эту годовщину решили, что вести заседание, как и в старину, будет Валерий Гончаренко. О, как великолепно он держался, какую речь говорил, какие поздравления сыпались из его уст! Одним словом, — поэт! Я, признаюсь, была удивлена и приятно поражена, увидев, как энергично он вёл заседание. Не то, что раньше, когда в Клубе каждый боялся нарушить тишину и замедленный темп встречи. Из скромности он только умелою рукой вёл заседание, но сам ничего не читал из своих новых шедевров. Зато каждому подарил свою книгу с дарственной надписью. Как я была ему благодарна — мне подарил сам Валерий Гончаренко! Зато Вадим Гребенюк (столь же известный, как и Гончаренко), всё вспоминал и вспоминал о своей молодости. О работе в приисковых партиях, в геологических разведках, про житие-бытие в горах. Мотив любви молоденькой девушки к чернявому парню в очках звучал в каждом его рассказе о горах. Да, видимо, хорошо ему было путешествовать. И вдруг стало темно... Но вот появился экран и на нём титры:

* Авторство не установлено.

РУССКОЕ ЧУДО

*по мотивам одноименной поэмы Вадима Гребенюка
Студия «МОСФИЛЬМ»*

Да, это было потрясающе! Никто из нас ещё не видел этого фильма, он только должен был выйти на экраны. Все мы с нетерпением ждали его, как чуда. И вот оно свершилось! Меня охватила гордость, что такой мастер слова жил и учился вместе с нами.

С восхищением смотрели новички и на Владимира Каме-нецкого. «Только не ищите попутного ветра», — обращался он к ним, как и во времена былые.

И ещё много призывов продекламировал он с горящими глазами.

«Нет, товарищи! — встала после него Татьяна Березняк. — Подождите, давайте прочтём стихотворения Юрки Попова. Вот они у меня записаны!» Она стала читать о пульсах, как у пенсионеров, о целующихся мальчиках, и на глазах у неё появились слёзы восторга...

«Зачем вспоминать прошлое? Давайте говорить о сегодняшнем», — предложила Юля Дыбенко, оставляя на своём 5-томнике автограф. Свои труды она дарила родной библиотеке.

«Да, в самом деле! На старом нельзя останавливаться! Надо искать. Вот знаете, я написала небольшой рассказ и сейчас прочту его вам. Я хочу включить его в свой репертуар и читать со сцены, а вы скажите, годится он или нет», — проговорила Галка Насонова. И она с большим актёрским мастерством прочла интересный рассказ о молодом ищущем современнике.

Наш старый всеми уважаемый — великий! — критик Анатолий Шендрик выказал свой восторг и, как всегда, де-

тально разобрал произведение, объяснив, что в нём есть мысль, логика, интересные детали. Его выступление потрясло новичков, как и его последние книги по ядерной физике. На смену ему вышел по-прежнему молодой Анатолий Яковлевич Баранов. Его эрудиция, манеры, тон — вид вообще — покорили всех, особенно молодых. Они сразу же стали мечтать, что будут такими же... Но их мечты перебили радостные возгласы уважаемых поэтов, и не сразу поняли они в общем хаосе, что случилось. Оказалось, появился ещё один поэт с рюкзаком за плечами и прочими дорожными атрибутами. Какое же было их удивление, когда в этом скитальце они узнали своего любимого Владимира Воеводина. Он читал и читал по их просьбам, пока не устал. Потом, захлёбываясь, начал рассказ обо всём, что видел, слышал, знал.

Интересно, очень интересно прошла 22-я годовщина Клуба поэзии. Правда, только в моих мечтах.

На борту «Бригантини» — поети

«БРИГАНТИНА» — так назвали свій клуб-кубрик молоді мрійників, яких об'єднала юнацька бібліотека імені Т. Г. Шевченка м. Кіровограда. Іх бібліотека — романтиків, фантазіїв, шукачів, закоханих у життя і слово. Найстаршому, «капітану» з «Бригантини» Владиму Гребеніску — 21 рік. Наймолодшому, Саші Швецю — чотирнадцять. Середній вік — 17 років. Повністю комсомольський екіпаж!

Хто ж вони, члени юнацької літературної групи з такою чудовою назвою? Волода Восодін — робітник. Толя Шендрік — студент. Галя Насонова — бібліотекар. Зоя Адамчик, Сергій Мотушак, Люда Проценко, Світлана Баудер, Рима Ланська — школярі.

Дівчі на місяць збираються члени літературної групи в свою клубну-бібліотеку. Читають свої нові вірші, оповідання, новели. Обговорюють, вислуховують зауваження «своїх» же критиків, сперечаються. Та й, як і сподобалися білльшість і не потребують доробки, записуються в альманах «Бригантини». Ведеться тут і щоденник, а в якому по черзі члени літературної групи пишуть, як пройшло кожне заняття.

«Бригантина» готується ними відзначити свій ювілей — їй незабаром чотири роки. Це свято і для сьогоднішніх членів літературної групи. Це свято і для Валерія Гончаренка, студента педінституту, який уміє підготувати і здає до видавництва першу збірку поезій. І для В. Каменицького, який зараз служить в Радянській Армії і часто їде своїм друзям з Кіровограда нові вірші. Досить багато тих, хто вже не відвідує занять літературної групи, але добрим словом згадують «Бригантину». І їдуть листи з Одеси від Зої Гринченко, з Севастополя від Алли Андрицької, з Харкова від трьох подружок — Таті Вінозерської, Зої Коширської, Таті Березанки, з Москви...

Члени літературної групи часто виступають у школах міста і після кожного такого виступу в «Бригантину» приходять нові початківці. І хай не всі вони стануть її дійсними поетами, прозаїками, критиками, але неодмінно збережуть на все життя любов до прекрасного, до любові, яка зацікавляє і вкроста у «Бригантину».

Сьогодні ми люб'язно пропонуємо нашам читачам кілька творів членів кіровоградської юнацької літературної групи.

Газета «Прапор юності», 24 грудня 1965 г.

„БРИГАНТИНИ“ — ТРИ РОКИ

Всього лиш чотири їх було перших. Галя Насонова, Валя Ребежок, Наташа Кун, Золя Гравелько. Та ще була велика прагматична хвиля до поезії і виступів бажання спробувати нові форми.

Нині «Бригантина» сповнилася річчю. З невеличкою групою читальців вона заросла в справний клуб закоханих у слово, ари в поетичному кубрику понад 30 молодих робітників, студентів, учнів шкіл м. Кіровограда. Дівчі на місяць збираються вони, щоб почитати свої вірші, оповідання, ліричні поезії, обговорити їх, посперечатися. Чимало проблем за цей час. Написано сотні віршів — хороших і різних (з деякими знайомими і чужими «Прапора юності» не рідкою гостем цього року). Чимало акційних ревізій у «Бригантині». Були Т. Г. Шевченка у Києві, кону гуртування подружок аль-

бом вилася творчість про Кобзаря. Літературні вечори у школах міста, після чого керувало в поетичному кубрику з'явилася нова початківці. Учась у турнірі юнаків Кіровоградщини, де чотири перші завоювали «Бригантині».

Ще не залиште всіх ревізій — добрих справ, зроблених ними. З нагоди ювілею в юнацькій бібліотеці відбувся урочистий вечір. На нього прибули й члени юнацької поетичного клубу — студент Московського інституту інженерів мов Олександр Котенко, студентка факультету журналістики Московського університету Вікторія Невинська, студентка фізико-математичного факультету цього ж вузу Наташа Кун, студентка Одеського інституту Золя Гринченко та інші. Свої привітання надіслали Алла Андрицька з Севастополя, Татя Вінозерська, Золя Коширська, Татя Біловер-

ська з Харова, Волода Кам'яницький та інші. Як і годиться, до ювілею капітан «Бригантини» — шпільер наукового флоту» Вадим Гребеніск видав наказ. Він, як і все в поетичному кубрику, не повільний молодечий вишарп і доброго гурму.

«Зао радий, — говориться в наказі, — що судно втримало велике плавання, з чим і поздравляю команду. Хочу відзначити добру службу офіцера флоту російського А. Параномова, І. Г. Насонова, боцмана В. Веводина, матросів В. Адамчик, В. Кургузова, С. Яропетського, Р. Ланської, А. Проценко, А. Величко, С. Мотушак, В. Ступакіного, А. Гребеніск, а також — командира Е. Алевая і А. Шендріка, юнга А. Швеця (юну — 14 років) і решті екіпажу. Матроси! Славні дочка і сини м. Кіровоград.

Батьківщина, поможливо слава флоту справляти добрим, аби знали всі, що прапор «Бригантини» гордий і неспроможний!

Після ознайомлення з наказом «Бригантини» В. Гребеніск вирішив турнування по казначейству серії «бібліотека вибраної лірики». Але наміщений подружок влучав лише після того, як член клубу приїздив свій новий твір. Ювілярів вітала завідувачка юнацькою бібліотекою М. Ф. Дригунська, заступник начальника обласного управління культури товариша обласного літературного В. П. Яропетського, працівник газети «Кіровоградська правда» Т. Калюшнік та інші.

Потім відбулася виступка, на якій складалася з творів «Бригантини» ціла.

Пісні, музика часто перериває мисль-сперечки. Звісно, про літературу, про поетичний екіп і інші теорії «Бригантини». До пізнього вечора не тасо сайло в юнацькій бібліотеці. Нам кор-

Газета «Прапор юності», 13 лютого 1966 г.

МОЛОДО - ЗЕЛЕНО

Поверь, зимой от елей
Струится теплый свет.
Предпочитаю зелень —
Весны победный цвет.
В огней вечернем хоре
Веселый там и тут —
Смотрите, в светлоре
Сверкает изумруд!
И льется, льется зелень,
На душу, как бальзам, —
Влюбилась я в апреле
В зеленые глаза.
Как жарким летом ливни,
Так юность хороша.
Да здравствует юность —
Зеленая душа!

Т. БЕРЕЗНЯК.

Дуя в лицо сильнее ветер
Гром греми, пляшите, ливни.
Расскажите всем на свете:
Я до чертиков счастливая!
Солнце дождь, разбрызг
на капли.
В каждой капле —
солнца крошка!
Я сегодня ленту-радугу
Золотой ларю березке.

Сорок пятый, начало мая,
Как все ждали этой весны!
А меня пеленала мама
В День победы, в конец войны.
Уносились еще по курсу
Самолеты. Но знала:
сбудется!

Меня мама несла по Курску,
По разрушенным старым
улицам.
Еще не было фейерверка,
Был весенний победный май,
И в разбитых бомбежкой
сзвездах
Было много таких же мам.
Я не знала, что частроена

рация,
Я не думал тогда ни о чем.
А радает всей планете радостно
— «МИР» — в эфир посылаю
ключом.

Владимир КАМЕНЕЦКИЙ.

Налю много листьев кружатся,
Дождик сыплет холодом,
Я бегу по синим лужинам,
Как по небу, босиком.
Меж березками и кленами,
Поглядите, здесь в лесу,
Молодое и зеленое
Счастье звонкое несус!

Р. ЛАНСКАЯ.

Между мной и тболом
Солнце на лучах шаталось.
Ослепить меня пыталась
Та, которая осталась
Между мной и толоям.
Листья меж собой шептались
На своем наречьи: слегось...
Ты ж была балаче гбо-то.
О тебе, наверно, это
Листья меж собой шептались.
Подарить тебе подарок?
Яркий, праздничный, весенний...
Солнце на лучах вышло.
И его рещило сердце
Подарить тебе в подарок!

ВЛАДИМИР ВОЕВОДИН.

На бархасах, в штормовках
тесных,
На худых лошадиных хребтах
Пела мы веселые песни
И любимыми бредили в снах...
От костров угорелые,
злые
На себя,
на судьбу,
на нора-ост,

Пела мы про глаза голуубе,
В изголовьях расветы сна
И гудела крутом лашкара...
Мы любимых своих променяли
На горячую радость костра.

Вадим ГРЕБЕНЮК.

*Первая годовщина «Бригантины»
Декабрь, 1963 г.*

*Вторая годовщина «Бригантины»
Декабрь, 1964 г.*

Вторая годовщина «Бригантины». Рабочий момент (слева)

Вторая годовщина «Бригантины». Рабочий момент (справа)

*Третья годовщина «Бригантины»
Январь, 1966 г.*

*Четвёртая годовщина «Бригантины»
Февраль, 1967 г.*

Литстудия «Сивач» отмечает 10-летие «Бригантины», 1972 г.

*Встреча с читателями в библиотеке.
Свои стихи читает Алла Пароконьева*

Во главе стола — Виталий Лазеев, несёт апельсины — Толя Шендрик

Третьейские судьи выносят вердикт.

Слева направо: А. Параконьева, А. Шендрик, Г. Насонова

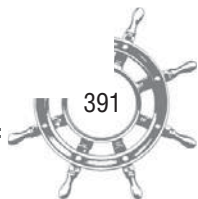
13 декабря 1964 года.

Сидят (слева направо): Л. Сараскина, Ю. Каминский, Л. Гребенюк,
В. Каменецкий. Стоят: Т. Березняк, А. Шендрик

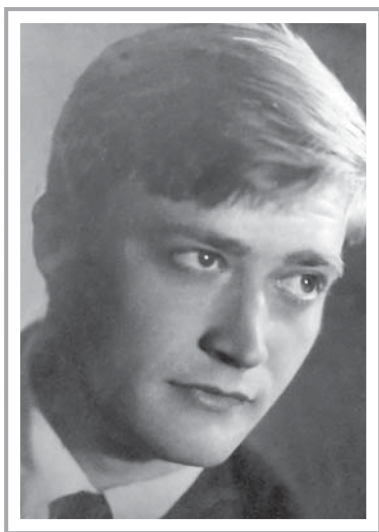
Рабочий момент встречи

Первые заседания клуба (декабрь 1962 года)

*Слева направо: Т. Белозерская, В. Гребенюк, З. Грицаенко, В. Гончаренко,
Л. Гребенюк, Н. Микитенко, М.Ф. Драгунская*

1966

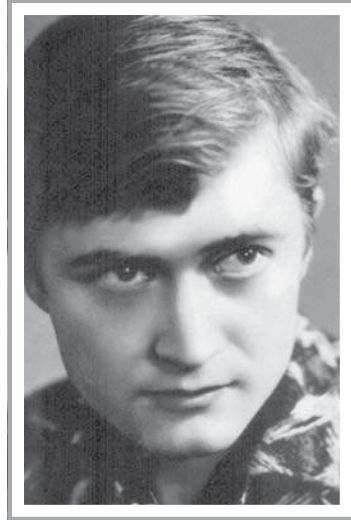

1963

Мать поэта
Надежда Моисеевна

1966

Кузні. Хата поэта

Школьный рисунок
В.Гончаренко

Читаем «Кобзарь»
(слева направо – Г.Насонова, А.Баранова, В.Гончаренко)

1997

1963

Со своим портретом кисти Л.Кирьяновой (начало 1990-х)

Первая книга поэта
«Червоний Волосожар» (1967)

О. Хаменушко и Т. Березняк
на могиле В. Гончаренко (2012)

*Выступление в библиотеке.
Председательствует
В. Гребенюк.*

1980-е годы

*Вадим Гребенюк и Светлана Ярошевская. Апрель 1967 г.
Вот так убегают с уроков (фото Н. Волынского)*

С сестрой Тамилей. 1956 г.

Сын Андрей

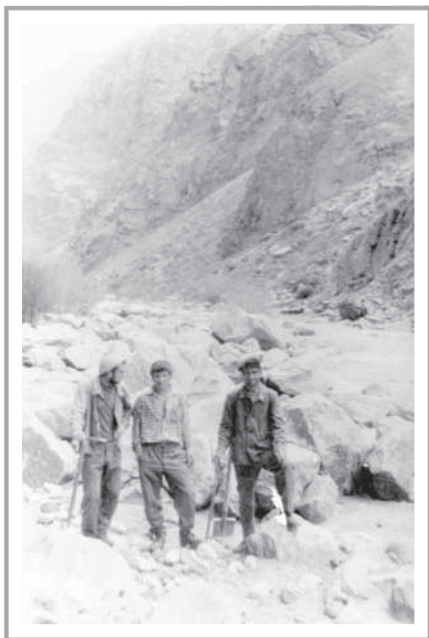
Первый класс. 1951 г.

В геологоразведке.
Тань-Шань, Киргизия. 1967 г.

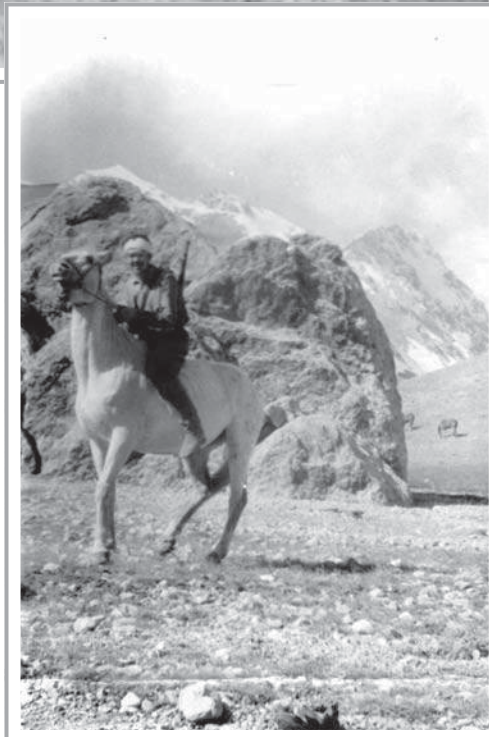
Фото Н. Волынского

После поля.
Кос-Таи, Киргизия. 1964 г.

*В експедиції.
Тань-Шань, Киргизія.
1967 г.*

*«Кінь у мене хороший,
швидкий і сильний,
сідло, в порівнянні
з іншими, нове.
Зовуть коня Ванька».*

11.08.1964 г.

**КАНДИДАТ В ДЕПУТАТИ КИРОВОГРАДСЬКОЇ МІСЬКОЇ РАДИ
НАРОДНИХ ДЕПУТАТІВ
по виборчому округу № 55**

ГРЕБЕНЮК Вадим Васильович

Вадим Васильович Гребенюк народився 1945 року в м. Красноград.

Безпартійний.

Дітей: середніх.

Заочною школою закінчив у 1962 році. До 1964 рік працював електромеханіком у заводській частині. Потім працював робітником-монтажером у виробничій галузці, техніком-стаціонаром Кировоградської області теплоенергетики.

У 1963 році — керівник підприємств галузі «Червоні комуністи» та заводський інструментальник «Червоні комуністи» на Кировоградщині.

Потім працював спеціалістом Кировоградської

міськ ради по розвитку виробничих техніки, інженером освіти «Радуні», спеціалістом економіки в галузі виробничого обслуговування в галузі «Легка і швейна», спеціалістом-інженером в галузі чисельного управління підприємствами. Працював також у галузі управління інженером в галузі інженерської обслуговування по галузі «Кіровоградська».

Продовжив навчання в університетського коледжу «Артист» по спеціальності «Відомий Васильович Гребенюк кандидат у депутати Кировоградської міської Ради народних депутатів по виборчому округу №55».

Місцем виборчої комісії продекларувана тип. Гребенюк Валентина Васильовна — кандидат у депутати Кировоградської міської Ради народних депутатів.

**20 квітня 1990 року — вибори депутатів
місцевих Рад народних депутатів**

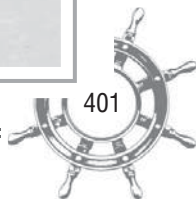
Місцеві вибори 1990 року. Кировоградська область. 20 квітня 1990 року.

Бондаренко М.Г. (1914-1999)
Портрет сына Володимира за книгою
Картон, олія, 80 x 50

(з фондів обласного художнього музею)

С Махмудом Эсамбаевым

Академик думает

Циркач, весельчак, балагур, 1966 г.

Ученица 9-го класса
1963 г.

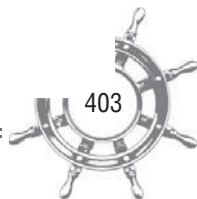
Харьков. На параде.
Октябрь 1967 г.

Июнь 1966 г. На биостанции ХГУ

2006

*Самая любимая жена Лариса,
2004 г.*

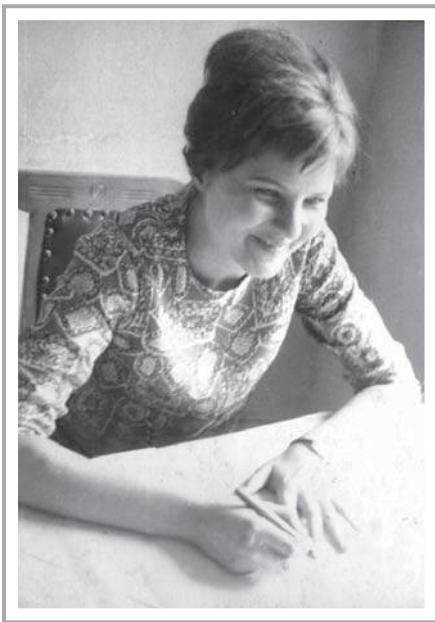
*На даче в Комарово,
2002 г.*

*Верная подруга Вега.
Ушла на вечную охоту в 2010 г.*

Лидя Гребенюк среди участников республиканского семинара молодых литераторов (1967). Справа от неё – писатель Н. Смоленчук

*За работой в редакции газеты
«Зоря комунізму», 1966 г.*

*«На память обо мне»,
1967 г.*

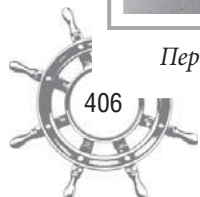
*С родителями и младшим братом.
Аннаберг (Германия), 1950 г.*

Переводчик Интуриста

*А. Коток сопровождает Рафаэля
(гастроли в СССР), 1970-е*

*Интервью с Робертом де Ниро.
Московский Международный кинофестиваль, 1986 г.*

Александр Коток

*С Генрихом Боровиком.
Агенство печати
«Новости».
1980-е*

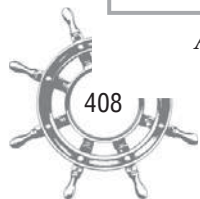
Я — Колумбина в балагане

Актриса и режиссер

*С сыном Максимом,
конец 1990-х годов*

Героиня «Оконной лирики»

С подругой-гитарой,
1966 г.

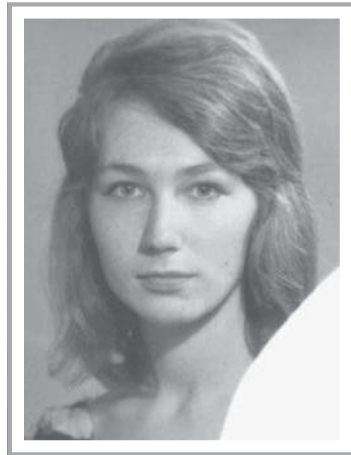

Фото на удостоверение
1967 г.

*С сыном Ярославом и отцом К.И. Параконьевым,
Народным артистом Украины. Запорожье. Сентябрь 1986 г.*

Подруги на природе (с Насоновой). 1966 г.

*В этнографической экспедиции Запорожского художественного музея.
Буковина, 1975 г.*

В роли гейши. Одесса, 1996 г.

Выступление
на российском
телевидении
(канал «Культура»)

Ясная Поляна,
сентябрь 2016 г.

Презентация книги
«Достоевский»
(серия ЖЗЛ)
на ММКВЯ-2011

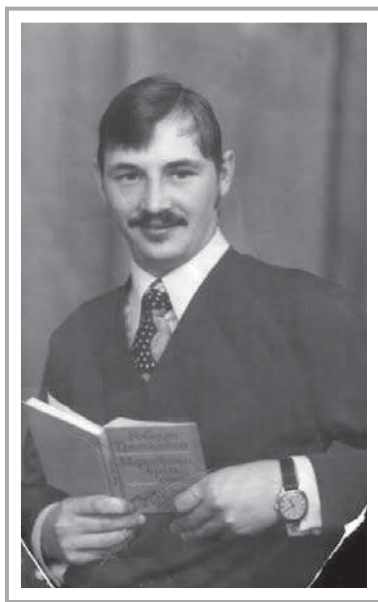
Таормина (Сицилия)
2012 г.

«На волю птичку выпускаю». Январь, 1966 г.

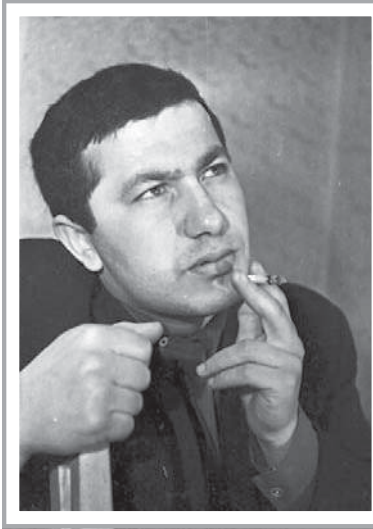

Юнга «Бригантины», 1966 г.

Конец 1970-х.

Ю. Каминский, 1967
(фото В. Ковпака)

Ю. Каминский (слева) с директором
шахты. Краснодон, 1978 г.

Слева направо: К. Лесьев, Ю. Каминский, Н. Винграновский.
с. Солгутово Гайворонского района, 1974 г.

Творим в унисон

*Валерий Картузов и нимфы
1966 г.*

*«Задумчивость, её подруга...»
1971 г.*

Три подружки — Света, Галя и Ляля. 1971 г.

«Хочу у зеркала, где мать
И сон туманящий...»
Май, 1967 г.

На творческом вечере
в ДК им. Компанийца
1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Березняк. Возвращение «Бригантины»	3
--	---

Павел Коган. Бригантина	10
---	----

НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Гончаренко Валерий	11
Гребенюк Вадим	25
Каминский Юрий	39

В КУБРИКЕ — МАТРОСЫ

Адамчик Валентина	63
Баранов Анатолий	65
Баранова Алла	69
Белозерская Татьяна	73
Березняк Татьяна	81
Бондаренко Владимир	91
Воеводин Владимир	97
Волынский Николай	109
Гребенюк Лидия	124
Грицаенко Зоя	133
Каменецкий Владимир	141
Картузов Валерий	147
Ланская Ляля	158
Матусьяк Сергей	167
Микитенко Николай	169
Насонова Галина	171
Невинская Виктория	185
Пароконьева Алла	202
Попов Юрий	209
Сараскина Людмила	212

Саржевский Анатолий	227
Швец Александр	238
Шендрик Анатолий	247
Ярошевская Светлана	265

Татьяна Березняк.	
Перекличка через полвека	273

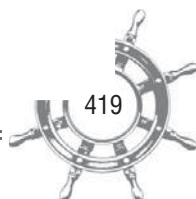
ВОСПОМИНАНИЯ

Лоцманы книжного океана	285
Юрий Каминский. Валерий Гончаренко	286
Татьяна Белозерская. Воспоминания о Гончаренко	292
Татьяна Белозерская. Вадим Гребенюк	307
Валерий Картузов. Вспоминая «Бригантину»	323
Анатолий Саржевский. «Я спомин за трамплін візьму...»	330
Анатолий Саржевский. 3 ювілеєм, друже!	338
Татьяна Березняк. Его любили все	343
Татьяна Березняк. «До чёртиков счастливая»	351
Татьяна Березняк. О чём молчал старый дневник	360

НАШИ «ЮБИЛЕИ»

Татьяна Березняк. Наши «юбилеи»	367
Слава юбилею!	372
Стенгазеты	375
Автографы	376
Пародии	377
Наш клуб «Бригантина» через 20 лет	380
Наши публикации	383

ФОТОВЕРНИСАЖ	392
-------------------------------	------------

Літературно-художнє видання

Тетяна Григорівна Березняк

«БРИГАНТИНА» ЮНОСТІ МОЄЇ

Альманах

(російською та українською мовами)

Матеріали з фондів Літературно-меморіального музею
І.К. Карпенка-Карого, галереї «Єлисаветград» та приватних архівів
авторів альманаху.

Редактор *Тамара Самиляк*
Технічний редактор *Олег Корнілов*
Коректор *Тетяна Березняк*
Комп'ютерна верстка *Василь Яценко*

Підп. до друку 25.12.2017. Формат 60x84 ¹/₈.
Папір газетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 24,41.
Замовлення № 390. Наклад 100 пр.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29,
тел./факс: (0522) 22-79-30, 32-17-05.
E-mail: design@imex.kr.ua

Контакты автора: +38 (096) 133-42-73; (0522) 24-22-04
E-mail: bereztangry@rambler.ru

